

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 14, № 3 • 2020

Тема номера:
**ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОПРЯЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА
И ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»**

Информационная поддержка: пресс-служба Евразийской экономической комиссии

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2020
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal

Vol. 14 No 3 • 2020

Topic of the Issue:
**RESULTS AND PROSPECTS OF LINKING THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP
CONCEPT AND THE „ONE BELT – ONE ROAD“ PROJECT**

Information support: press service of the Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2020
 - © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2020
 - © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: Economics, Law, Politics“ (compilation), 2020
 - © All rights reserved
-

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК, академик Российской академии наук, доктор экономических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессор, доктор философских наук, эксперт Российской академии наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ШАМАХОВ Владимир Александрович, Председатель международного научного совета, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель Председателя международного научного совета, советник директора Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук

РАХИМИ Фарход Кодирович, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, директор Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор философских наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор политических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права юридического факультета Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Казахстан), доктор юридических наук, профессор

АКАЕВ Аскар Акаевич, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан), доктор технических наук, профессор

АСАУЛ Максим Анатольевич, заместитель директора Департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии (Россия), доктор экономических наук

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Чрезвычайный и полномочный посол (Россия), кандидат экономических наук

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета (Армения), профессор, доктор политических наук, профессор

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, ректор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Россия), доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Россия), доктор политических наук

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры «Жана Моннэ» (Европейский союз) (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан), доктор экономических наук, профессор

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право»

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ (Россия), доктор экономических наук, профессор

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика»

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права (Россия), доктор юридических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Россия), доктор исторических наук, профессор

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути» (Россия), доктор экономических наук

САИДАМИРОВ Баходур Шамилевич, директор центра Евразийских исследований и межпарламентского сотрудничества Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), кандидат юридических наук

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Россия), доктор политических наук, профессор, редактор раздела «Политика»

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала (Россия), доктор юридических наук

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэвийн, председатель общества «Знание» Монголии (Монголия), доктор социологических наук

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге (Китай), доктор экономических наук

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management, RANEPA, Professor, Doctor of Philosophy, Expert of the Russian Academy of Sciences

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

SHAMAKHOV Vladimir, Chair of the International Scientific Council, Director of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Chairman of the International Scientific Council, Advisor to the Director of the North-West Institute of Management, RANEPA, PhD of Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor in Law

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Science

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics

RAHIMI Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Science

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Director of the Integration Development Department of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philosophy

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor in Law, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor in Economics, Deputy Director of the Department of Transport and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Russia, Moscow)

DENISOV Andrey, PhD in Economics, Ambassador the Russian Federation to the People's Republic of China, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (Russia, Moscow)

ENGOYAN Ashot, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan)

YEREMEEV Stanislav, Doctor in Economics, PhD of Political Sciences, Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University (Russia, St. Petersburg)

KASHKIN Sergey, Doctor in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow)

KAZANTSEV Andrey, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow)

KAYUMOV Nuriddin, Doctor in Economics, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe)

KIRILENKO Viktor, Doctor in Law, Professor, Academician of RANS, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, St. Petersburg)

KROTOV Mikhail, Doctor in Economics, Professor, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow)

KUKLINA Evgenia, Doctor in Economics, Professor, North-West Institute of Management of RANEPA, Editor of the "Economics" section (Russia, St. Petersburg)

LEBEDEVA Marina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow)

LIVEROVSKY Alexey, Doctor in Law, Professor, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, St. Petersburg)

MISHALCHENKO Yuri, Doctor in Law, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics (Russia, St. Petersburg)

NOVIKOVA Irina, Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

REMYGA Vladimir, Doctor in Economics, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow)

SERGEVNIN Sergey, Doctor in Law, Professor, Dean if the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Doctor in Law, Professor Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Honored Lawyer of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

TOROPYGIN Andrey, Doctor of Political Sciences, Professor, North-West Institute of Management of RANEPA, editor of the "Politics" section (Russia, St. Petersburg)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor in Law, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal (Russia, Moscow)

KHASH-ERDENE Sambalhundeviin, Doctor of Sociological Sciences
Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in St. Petersburg, (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 14, № 3 2020

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

О роли идеологии в развитии евразийской экономической интеграции 9

ГЛАВНОЕ

Глазьев С. Ю.

Белорусский выбор 11

ЭКОНОМИКА

Погодин С. Н., Ягья Т. С.

О развитии торговых американо-китайских отношений 26

Khodor Shatila, Marina Alozian

The Impact of Regionalization on Eurasian Integration: Economic and Political Factors 39

Куклина Е. А., Кулешов Вяч. С.

Партнерство государства и бизнеса в странах Закавказья: история и современность 52

ПРАВО

Козлов Д. В.

Формирование единого законодательства в рамках ЕАЭС 61

Мишальченко А. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В.

Пенсионное обеспечение граждан в ЕАЭС и Союзном государстве Российской Федерации
и Республики Беларусь 67

Шубина О. Б., Филиппова К. А.

Сравнительный анализ правового регулирования гражданско-правовой ответственности за вред,
причиненный жизни и здоровью человека 78

ПОЛИТИКА

Торопыгин А. В., Мендагазиев А. Е.

Взаимозависимость интересов США, Китая и России в Центральной Азии 88

Бабаян М. Э.

Феномен культурного геноцида: история и современность 99

Чумаков А. Н., Юрченко А. С.

Коронавирус и глобализация: знание vs домыслы 112

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

..... 123

РЕЦЕНЗИИ

Бусыгин А. Е.

Неопределенность современного финансового рынка — возможно ли ее преодоление в условиях
интернационализации? 144

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического
журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» 148

EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics

International scientific-analytical journal

Vol.14 No 3 2020

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

On the Role of Ideology in the Development of the Eurasian Economic Integration..... 9

MAIN

Sergei Yu. Glazyev

Belarusian Choice 11

ECONOMICS

Sergey N. Pogodin, Talie S. Yagya

On Development of American-Chinese Trading Relations 26

Khodor Shatila, Marina Alozian

The Impact of Regionalization on Eurasian Integration: Economic and Political Factors 39

Evgenia A. Kuklina, Viacheslav S. Kuleshov

Partnership of State and Business in Transcaucasia: History and Current Trends 52

LAW

Denis V. Kozlov

Formation of Unified Legislation within the EAEU..... 61

Yuri V. Mishalchenko, Lyudmila A. Platonova, Andrey V. Toropygin

Pension Provision of Citizens in the EAEU and the Union State of the Russian Federation
and the Republic of Belarus 67

Olga B. Shubina, Kseniia A. Filippova

Comparative Analysis of the Legal Regulation of Civil Liability for Harm Caused
to Human Life and Health 78

POLITICS

Arman E. Mendagaziev, Andrey V. Toropygin

Interdependence of the Interests of the United States, China
and Russia in Central Asia 88

Mary E. Babayan

The Phenomenon of Cultural Genocide: History and Modernity 99

Alexander N. Chumakov, Pavel S. Yurchenko

Coronavirus and Globalization: Knowledge vs Concept..... 112

EURASIAN CHRONICLE

..... 123

REVIEW

Andrey E. Busygin

Uncertainty of the Modern Financial Market — Is It Possible Overcoming it in the Context of
Internationalization? 144

TO THE AUTHORS OF THE JOURNAL "EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS"

Rules for the design of articles accepted for consideration by the International editors of the scientific-
analytical journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" 148

О роли идеологии в развитии евразийской экономической интеграции

On the Role of Ideology in the Development of the Eurasian Economic Integration

Попытки западной агентуры организовать в Белоруссии очередную цветную революцию были ожидаемы. Каждый раз во время всенародных выборов либо после них американские спецслужбы устраивают провокации с целью подрыва неудобных им режимов и продвижения во власть выращенных ими марионеток. Эта работа поставлена на поток и является частью вполне рутинной технологии применения так называемой «мягкой силы» американской властвующей элитой в целях поддержания мирового господства. Она весьма эффективна в государствах без идеологии и не дает результата в обществах, объединенных той или иной национальной идеей.

Если в государстве нет идеологии, то по факту в нем доминирует власть денег, прикрытая смесью либертарианства и псевдопатриотизма. Идеология вульгарного либерализма легализует продажность всего и вся, включая решения органов власти. Патриотическая риторика используется для прикрытия коррупции и злоупотреблений власти. Так устроено большинство авторитарных режимов в странах третьего мира, в число которых попали некоторые вновь образованные государства постсоветского пространства. Как показывает опыт Латинской Америки и Африки, подобные режимы могут существовать достаточно долго, если они устраивают внешние идеологически мотивированные силы. И могут рушиться в одночасье, если эти внешние силы могут перекупить и запугать критически значимую часть властвующей элиты. Если последняя — компрадорская, сделать это достаточно легко.

Для свержения режима Януковича американским спецслужбам хватило четырех месяцев. Как только президент Украины отказался подписывать кабальное соглашение об ассоциации с Евросоюзом, они начали кампанию по его свержению, опираясь на свою агентуру в органах власти, СМИ, деловых кругах. В первую очередь были поставлены в нужную позу «чего изволите» украинские офшорные олигархи. Под угрозой конфискации вывезенных с Украины доходов они сразу же предали своего президента. Одновременно начали работать против Януковича грантоеды-журналисты, давно прикормленные западными спецслужбами. Его коррумпированное окружение, включая силовиков, да и он сам, были парализованы страхом перед западными санкциями, которыми угрожали все лидеры стран НАТО и их послы в случае применения режимом силы против «майдануных». Последние тем временем быстро вооружались и превращались в боевиков под руководством американских инструкторов. Как только они приобрели боеспособность, а преданные коррумпированными чиновниками правоохранители ее утратили, американские партнеры повели выращенных ими неонацистов на штурм правительственных зданий и совершение государственного переворота. С тех пор наступила пятилетка разграбления украинского национального богатства под присмотром американских марионеток, которая перешла уже в фазу торговли людьми и их органами. Вместе с тем против мягкой силы есть твердая сила, применение которой может достаточно долго удерживать авторитарный режим. Однако, если у него нет разделяемой народом идеологической основы, крах режима следует вслед за смертью его вождя.

Почти все постсоветские государства прошли через печальный опыт государственных переворотов, организованных американскими спецслужбами. Они, не без оснований, приписали себе победу над

СССР и до сих пор претендуют на управление нашей территорией. У них получилось организовать государственные перевороты с целью узурпации власти их марионетками: в России осенью 1993-го, на Украине в 2004-м (оранжевая революция) и в 2014-м, в Грузии в 2003-м, в Молдавии в 2009-м, в Киргизии в 2005-м. Не получилось: в России в 2011-м, в Белоруссии в 2006-м и 2010-м, в Узбекистане в 2005-м. Везде, где получилось, их ставленники разграбили переданные им в управление страны, вывезя в общей сложности около 2 трлн долл. за рубеж и передав остатки доходных активов американским и европейским корпорациям.

Этот печальный опыт, как видно по последним событиям в Белоруссии, не дает надежной прививки общественному сознанию против «мягкой силы» американских спецслужб. Вскармливаемая ими агентура среди подрастающего поколения при каждом удобном случае пытается дестабилизировать политическую ситуацию. Без идеологии, обеспечивающей единство власти и народа, даже самые эффективные авторитарные режимы не могут гарантировать преемственность и не обладают долгосрочной устойчивостью. И наоборот, наличие общенародной идеологии, основанной на гармонизированных интересах разных социальных групп, позволяет последовательно вырабатывать эффективную социально-экономическую модель развития.

Сергей Глазьев, главный редактор

Белорусский выбор

Глазьев С. Ю.

Министр по интеграции и макроэкономике ЕЭК, Москва, Российская Федерация; serg1784@mail.ru

РЕФЕРАТ

Анализируются современное общественно-политическое состояние и экономика Беларуси и предлагаются условия перехода к стратегии опережающего развития, которое может быть осуществлено в обстановке социально-политической стабильности и исключения активности агентов западного влияния. Необходимо эффективное функционирование таких институтов нового мирохозяйственного уклада, как стратегическое планирование и программирование научно-технического и социально-экономического развития, государственное регулирование пропорций воспроизводства экономики, антимонопольное регулирование, целевое кредитование производственных инвестиций, валютное регулирование в целях предотвращения утечки капитала. Нужны также гармонизация интересов различных социальных групп и консолидация общества на основе политики роста общественного благосостояния.

Ключевые слова: Беларусь, рыночная экономика, ЕАЭС, мирохозяйственный уклад, красно-белая революция.

Для цитирования: Глазьев С. Ю. Белорусский выбор // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 11–25.

Belarusian Choice

Sergey Yu. Glazyev

Member of the Board — Minister for Integration and Macroeconomics of the EEC, Moscow, Russian Federation; serg1784@mail.ru

ABSTRACT

The article analyzes the current socio-political state and economy of Belarus and suggests conditions for the transition to a strategy of advanced development, which can be implemented in an environment of socio-political stability and excluding the activity of agents of Western influence. It is necessary to effectively operate such institutions of the new world economic order as strategic planning and programming of scientific, technical and socio-economic development, state regulation of the proportions of economic reproduction, Antimonopoly regulation, targeted lending of industrial investments, currency regulation in order to prevent capital leakage. We also need to harmonize the interests of various social groups and consolidate society on the basis of a policy of increasing public welfare.

Keywords: Belarus, market economy, EEU, world economy, red and white revolution

For citing: Glazyev S. Yu. Belarusian Choice // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 11–25.

Народные волнения в Беларуси поставили вопрос о самоопределении вектора ее дальнейшего политического и социально-экономического развития. До сих пор Беларусь шла по уникальному для постсоветских государств пути суверенного развития на основе максимально полного использования имеющегося производственного потенциала и с опорой на российский рынок. Президент Лукашенко

интуитивно выбирал оптимальный путь, избегая крайностей шоковой терапии, восточной деспотии, колонизации западным капиталом. Ему удалось избежать экономической катастрофы, системной коррупции, массового вывоза капитала и разорения страны. Благодаря этому курсу Беларусь стала самой успешной из бывших союзных республик: реальный ВВП Беларуси за период 1990–2014 гг. вырос в два раза, в России — на 25%, на Украине он упал на 35% (по расчетам Мирового банка).

Эти непосредственно отражающиеся на материальном и социальном самочувствии белорусов показатели возникли не сами по себе. Переход к рыночной экономике в Беларуси, как в КНР и Вьетнаме, стал результатом практической реализации другой экономической теории, известной в литературе как теория хозяйства или физическая экономика. Эту теорию отличает прагматический подход к экономическим явлениям, не обремененный умозрительными абстракциями и либеральным мифотворчеством вроде моделей рыночного равновесия.

Беларусь не располагает богатыми природными ресурсами и не имеет возможности извлекать природную ренту. Весь национальный доход белорусы создают своим трудом и успешно развивают экономику на основе поступательного повышения ее эффективности, максимально полно задействуют в хозяйственном обороте производственные мощности и трудовые ресурсы. Белорусы по праву гордятся своими производственными и социальными достижениями и живут, при прочих равных, намного лучше, чем население пограничных российских и украинских областей.

Сегодня белорусский протест, каково бы ни было его происхождение (раскручивание спирали недовольства по известным лекалам и технологиям, впрочем, недвусмысленно указывает на авторство «красно-белой революции»), предлагает свернуть с этого пути в направлении европейской интеграции. Этот путь предполагает отказ от интеграции с Россией и подчинение директивам ЕС, одностороннее открытие белорусского рынка и передачу белорусской экономики под контроль западного капитала. По этому пути уже несколько лет идет соседняя Украина, и его последствия легко просчитываются.

Ожидаемые последствия смены курса на евроинтеграцию

В 2014 г. вследствие организованного спецслужбами США неонацистского переворота из СНГ выпала некогда самая развитая советская республика — Украина. За шесть лет под руководством американских марионеток она прошла путь тотального разграбления оставшегося от СССР наследства, став самой бедной и неблагополучной страной Европы, лидируя только по количеству преступлений на душу населения. Именно на этот путь толкают сегодня Беларусь западные «партнеры» руками организаторов уличных протестов. Нет сомнений в том, что белорусская экономика покатится по этому пути вниз быстрее Украины. Имея более компактную (прочно скрепленную отраслевыми и межотраслевыми народнохозяйственными связями) и открытую экономику, еще более тесную производственную кооперацию с Россией, в случае разрыва с ней экономического союза Беларусь моментально погрузится в экономическую катастрофу.

Поучителен в этом отношении опыт украинской катастрофы. Сразу же после антиконституционного государственного переворота в Киеве узурпировавшие власть необандеровцы выполнили главный политический заказ своих западных хозяев — подписали кабальный договор об Ассоциации с ЕС, состоявший из глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли (ЗСТ) и политической ассоциации. По этому договору Украина обязалась безоговорочно выполнять все директивы ЕС, обеспечить беспрепятственный импорт европейских товаров, принять европейские технические регламенты (только стоимость перевода украинской экономики на европейские технические требования составляет не менее 50 млрд долл.), гарантировать свободное приобретение любых активов (включая лес и землю) иностранным капиталом. Со своей стороны, ЕС не принял на себя никаких серьезных обязательств, сохранив даже квотирование украинской сельхозпродукции. Как показала практика только первых нескольких лет функционирования ЗСТ с ЕС, Украина выбирает брошенные ей с «барского плеча» квоты уже к середине февраля каждого календарного года. Прямые потери Украины вследствие ухудшения условий экспорта в ЕС (и это при наличии отношений свободной торговли) составили за пять лет около 7 млрд долл.

Усугубляется негативная динамика отрицательного сальдо торгового баланса Украины и ЕС: - 4 млрд долл. в 2014 г., - 2,3 млрд долл. в 2015 г., - 3,6 млрд долл. в 2016 г., - 4,5 млрд долл. в 2017 г. Все это свидетельствует о неэквивалентности внешнеторгового обмена с ЕС, что закреплено принятыми Украиной обязательствами в рамках евроассоциации.

Для глав европейских государств, подписавших это соглашение с нелегитимными «лидерами Майдана», цель заключалась в отрыве Украины от России. Поставленный ими на «княжение» Порошенко блестяще справился с этой задачей: введенное им эмбарго против российских товаров и фактическое закрытие границы с Россией повлекли шестикратное падение товарооборота. В результате разрыва многолетних кооперативных связей и утраты основных рынков сбыта своих товаров объем производства на Украине упал на четверть. Общий ущерб (прямой и косвенный) для украинской экономики от разрыва кооперационной сети с Россией и закрытия ключевого экспортного рынка составил, по разным оценкам, от 70 до 150 млрд долл. В 2020 г. по уровню экономического развития, согласно данным МВФ, Украина возглавила рейтинг наименее развитых европейских государств.

Об этих последствиях киевское руководство заранее предупреждали ученые РАН и НАНУ, проводившие комплексное моделирование экономических последствий евразийского и европейского сценария интеграции Украины¹. По результатам расчетов при реализации сценарных условий по первому варианту (при присоединении Украины к Таможенному союзу) прирост экспорта украинских товаров в РФ (без учета экспорта углеводородов) увеличивался, по разным оценкам, на 4,6–8,8 млрд долл. В случае реализации этого сценария прирост товарооборота (без учета углеводородов) в результате взаимной интеграции и устранения торговых барьеров для украинской экономики составлял от 13,5–16,5% от ВВП Украины. Всего улучшение условий торговли для Украины по сценарию интеграции в Таможенный союз и ЕЭП оценивалось в 9–10 млрд долл., что позволяло ей сбалансировать торговый баланс и обеспечить макроэкономическую устойчивость. Эти цифры не включали другие положительные эффекты, которые могли быть получены при расширении торговли товарами и услугами, активизации научно-технического сотрудничества, повышении инвестиционной и инновационной активности в капиталоемких отраслях промышленности. Отказ же Украины от участия в Таможенном союзе приводил к сокращению экспорта в Россию, по минимальным оценкам, на 1,5–2 млрд долл.

В соответствии со вторым сценарием (неучастия Украины в Таможенном союзе и подписания Соглашения об ассоциации с ЕС) происходило неизбежное ухудшение условий торгово-экономического сотрудничества с Россией и другими государствами — членами Таможенного союза, что приводило к снижению конкурентоспособности украинской обрабатывающей промышленности, в особенности машиностроения. При этом, как и прогнозировалось, закономерное дальнейшее повышение цен на газ привело к тому, что энергоемкие металлургический, химико-металлургический комплексы Украины, генерировавшие максимальную прибыль и являвшиеся локомотивами экономического роста, остались за зоной рентабельности и были вынуждены свернуть значительную часть экспортного производства, что еще более ухудшило положение украинской экономики по сравнению с первичным отрицательным эффектом. В итоге, как и прогнозировалось, произошло ухудшение торгового и платежного балансов, уменьшение покупательной способности и падение уровня жизни украинцев.

Именно на этом основании Янукович отказался подписывать убийственное для украинской экономики соглашение об ассоциации с ЕС. После его бегства это соглашение стало основой для переориентации украинской экономики на обслуживание потребностей ЕС. Они ограничивались сбытом европейских товаров на украинский рынок (динамика отрицательного сальдо торгового баланса приведена выше) и импортом украинской рабочей силы. Российский рынок заменить оказалось нечем: машиностроительный и агропромышленный комплексы Украины пришли в упадок. 15 млн квалифицированных специалистов покинули свою родину.

¹ Ивантер В. В., Геец В. М., Шинкарук Л. В. [и др.] Экономическая и технологическая кооперация в разрезе секторов ЕЭП и Украины [Электронный ресурс]. Доклад № 18. Санкт-Петербург : ЕАБР. URL: <http://www.eabr.org/r/research/centre/projectsCII/project17> ЦИИ ЕАБР (2013) (дата обращения: 01.09.2020).

Нетрудно посчитать, куда по этому пути придет Беларусь, если вдруг президент Лукашенко последует примеру Януковича и под давлением западных бенефициаров бросит свой народ в топку очередного европейского псевдодемократического эксперимента.

Для понимания «цены вопроса» следует оценить краткосрочные («в моменте»), среднесрочные (до 5 лет) и долгосрочные последствия такого решения. Как показал опыт Украины, «сидеть на двух стульях», одновременно следуя правилам, регламентам и уложениям двух таможенных зон, не получится: Россия и другие страны ЕАЭС не могут позволить стране, которая пребывает в отношениях экономической и политической ассоциации с ЕС (т. е. односторонне принимает все технические регламенты, директивы и иные регуляторные правила ЕС), оставаться в едином таможенном и экономическом пространстве без неприемлемого ущерба для него.

Краткосрочные последствия выхода Беларуси из ЕАЭС

Сотрудничество государств-членов в рамках Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. направлено на создание экономического союза и обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Возможный выход Беларуси из ЕАЭС не означает прекращение сотрудничества по данным направлениям с остальными государствами — членами ЕАЭС, поскольку действует ряд соглашений в рамках СНГ, регулирующих данные сферы.

Сотрудничество в сфере торговли

Возможный выход Беларуси из ЕАЭС повлечет за собой значительное изменение торговых потоков в ЕАЭС. Рынок России — основной рынок сбыта для продукции сельского хозяйства и промышленности Беларуси. Фактически наиболее льготный режим, на который сможет рассчитывать Беларусь, будет связан с достигнутыми в рамках СНГ договоренностями. Таким образом, у Беларуси может сохраниться право беспоплатного ввоза товаров на территорию ЕАЭС в целом и в Россию в частности. Однако, как показывает пример торговых отношений между Россией и Украиной, негативная роль нетарифных препятствий значительно вырастет и перекроет оставшиеся «окна возможностей» в рамках СНГ.

В рамках ЕАЭС торговые споры между Беларусью и Россией существовали, но быстро разрешались при участии Евразийской экономической комиссии. После выхода из ЕАЭС ожидаем рост нетарифных барьеров, в том числе связанных с предъявляемыми требованиями к качеству. Беларусь потеряет возможность оказывать влияние на принятие решений по техническим регламентам, регулирующим качество продукции.

На протяжении последних пяти лет (2015–2019 гг.) доля Беларуси в товарообороте других государств-членов оставалась относительно стабильной на уровне 4–4,5%. Доля ЕАЭС в товарообороте Беларуси за этот период была существенно выше: в пределах 49,5–53,0%. Введение нетарифных барьеров в торговле России и Украины привело к сокращению торговли между странами. Доля Украины в товарообороте ЕАЭС снизилась до 2,3% в 2019 г. с 4,7% в 2013 г. Для Украины доля ЕАЭС в товарообороте снизилась более существенно: до 15,0% в 2019 г. с 33,5% в 2013 г. Таким образом, максимально ожидаемое снижение доли ЕАЭС в товарообороте Беларуси в результате роста нетарифных барьеров может достигнуть примерно 15 п. п. В самом пессимистичном сценарии эти потоки не смогут быть переориентированы на рынки вне ЕАЭС и приведут к снижению товарооборота со странами, сохранившими членство в ЕАЭС, на 29,5%. Учитывая, что рост нетарифных барьеров будет иметь не одномоментный характер, эта величина, распределенная на шесть лет, может привести к ежегодному спаду торговли Беларуси со странами ЕАЭС на 5,7%.

Существенная переориентация торговых потоков на рынки вне ЕАЭС неизбежно приведет к экономическим потерям. Поиск рынков сбыта займет как время, так и ресурсы. В конечном итоге пострадают потребители товаров во всех странах ЕАЭС, так как ухудшение условий экономической кооперации приведет к росту издержек, а значит, и повышению уровня цен.

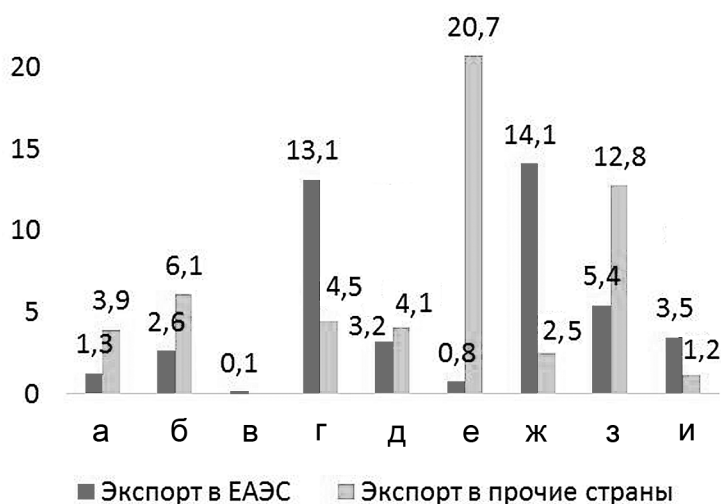

Рис. 1. Структура экспорта Беларуси в 2019 г., %

Наиболее уязвимыми являются те сектора, которые в наибольшей степени ориентированы на рынок ЕАЭС. К ним относятся производство машин и оборудования, а также сельскохозяйственные отрасли. Кроме того, определенный негативный эффект могут получить отрасли топливно-энергетической сферы, ориентированные на рынки вне ЕАЭС, так как они зависят от сырья, поставляемого из России.

Выход Беларуси из ЕАЭС будет иметь негативные последствия вследствие деградации двухсторонних отношений торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, прежде всего, с Российской Федерацией, которая является основным торговым партнером и источником притока финансовых ресурсов в экономику страны. В частности, Беларусь может столкнуться с ростом нетарифных барьеров в торговле со странами ЕАЭС в части выполнения требований в области технического регулирования, санитарных, ветеринарно-санитарных и фитосанитарных мер, что может негативно сказаться на динамике и объемах взаимной торговли.

Экономики РБ и РФ как части некогда единого народнохозяйственного комплекса взаимно дополняют друг друга, и, несмотря на различия в масштабе отраслей (этот тезис верен не для всех из них), Россия заинтересована в развитии тех секторов белорусской экономики, которые в настоящее время являются локомотивами экономики РБ.

Выход из ЕАЭС усугубит негативные эффекты, связанные с распространением коронавирусной инфекции. Ожидается падение ВВП на уровне 2,8%, что будет вызвано спадом экспорта и, как следствие, меньшей потребительской активности. Последствия выхода Республики Беларусь из единой таможенной территории оцениваются дополнительной потерей ВВП в течение следующих трех лет в размере 1,5%, что будет сопровождаться значительным ростом дефицита бюджета свыше 3% ВВП и, соответственно, ростом государственного долга.

Финансовое сотрудничество

Более 80% внешнего госдолга Беларуси приходится на Россию (7,9 млрд долл.), Китай (3,3 млрд долл.) и ЕФСР (2,68 млрд долл.). Учитывая, что основная часть средств ЕФСР формируется за счет отчислений России, то 62,7% внешнего госдолга Беларуси приходится на Россию, 19,5% — на Китай,

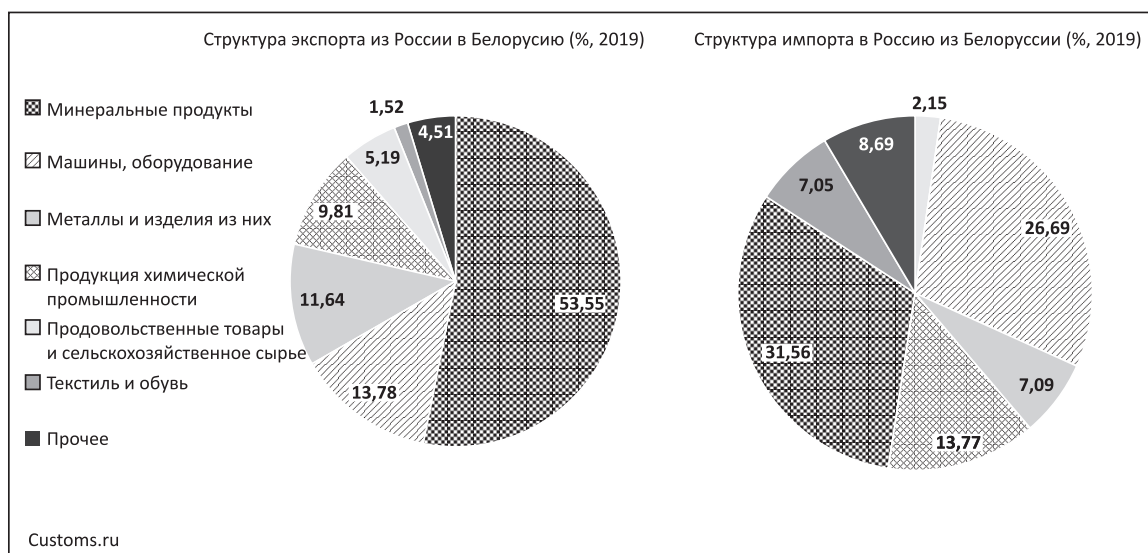

Рис. 2. Структура экспорта из России в Белоруссию и импорта в Россию из Белоруссии

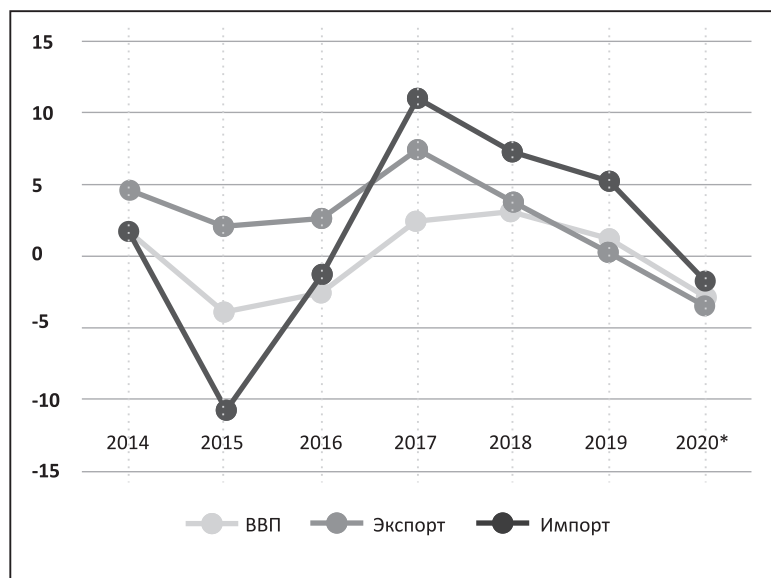

Рис. 3. Изменение физического объема ВВП и некоторых его компонент, %

Примечание. 2020* — прогноз ЕЭК

оставшиеся 17,8% — на западных кредиторов. Структура государственного долга в ближайшие годы может измениться с учетом тенденции роста государственных заимствований в Китае. Если реализуется сценарий выхода Беларуси из ЕАЭС, это может привести к девальвации национальной валюты, что неизбежно повлечет рост процентных ставок как следствие роста инфляционных ожиданий, так и роста риск-премии. Так, более 80% белорусского внутреннего госдолга номинировано в иностранной валюте, что является риском для его обслуживания при ослаблении белорусского рубля. Государственный долг Беларуси погашается в том числе за счет привлечения новых кредитов под более низкую ставку (рефинансирование), что является риском в случае роста риск-премии или роста процентных ставок в мире (таблица 1).

Таблица 1

Структура госдолга Беларуси, млн долл. США

Привлечение	2016	2017	2018	2019	январь-февраль 2020
Облигации				151	
Еврооблигации		1 400	600		
ЕФСР	800	800	200		
РФ	552	1 310	879	730	157
КНР	447	307	509	638	13
МБРР	134	159	148	94	5
Остальные	2	65	18	31	4
Всего	1 935	4 041	2 354	1 644	180

Погашение	2016	2017	2018	2019	январь-февраль 2020
Еврооблигации			800		
ЕФСР	353	353	353	353	
РФ	300	364	399	626	197
КНР	184	246	375	448	168
МБРР	51	62	65	79	12
Остальные	4	4	5	4	
Всего	892	1 029	1 997	1 510	376

Сотрудничество в кредитной и инвестиционной сфере

Возможный выход Беларуси из евразийской экономической интеграции может повлечь за собой пересмотр торговых договоренностей и режима функционирования региональных финансовых институтов (ЕАБР, ЕФСР). Возможно постепенное сокращение их активности в Беларуси и перенос центра внимания на государство, сохранившие членство в ЕАЭС.

Справочно. На 01.07.20 общая сумма инвестиций Банка в экономику Беларуси — 1 711,8 млн долл. США (реализуется 35 проектов). Объем средств, предоставленных ЕФСР Беларуси, составляет 4,56 млрд долл. США (таблица 2).

Таблица 2

Инвестиции в экономику Беларуси, млн долл. США

Инвестиции	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Прямые инвестиции в страну*	2 246,1	1 862,0	1 652,3	1 246,9	1 276,3	1 426,5	1 273,3
из них из ЕАЭС	868,8	618,0	736,8	543,8	462,7	570,8	457,9

*чистое принятие обязательств

В течение 2020–2023 гг. объемы погашения кредитных обязательств существенно возрастут, что потребует увеличения объемов привлечения финансирования. При этом риск девальвации белорусского рубля повышает нагрузку на ЗБР (золотовалютные резервы) и платежный баланс страны до пороговых

значений. Ухудшение торговых условий окажет негативное влияние на ожидания инвесторов, снизит инвестиционную привлекательность Беларуси для экономических агентов ЕАЭС, свернет поток прямых инвестиций. При этом за последние три года (2017–2019 гг.) ЕАЭС обеспечивал 35–40% притока ПИИ (прямые иностранные инвестиции) в Беларусь. Снижение инвестиций в экономику повлечет замедление темпов роста, а значит, и уровня жизни населения, разрыв кооперативных связей и деградацию структуры экономики РБ.

Трудовая миграция и денежные переводы

На 1 февраля 2020 г. в России проживало 762,7 тыс. граждан Беларуси¹. При этом от 200 тыс. до 450 тыс. трудовых мигрантов из Беларуси работает в России на постоянной или временной основе.

Рис. 4. Численность граждан Беларуси в России и доходы от внешней трудовой деятельности

Объем денежных переводов трудовых мигрантов, учитываемых официальной статистикой, незначителен. Поступления доходов от внешней трудовой деятельности белорусских работников, работающих в России на временной основе, составили в 2019 г. 690,4 млн долл. США (или 1,1% ВВП).

Среднесрочные последствия выхода Беларуси из ЕАЭС

В среднесрочной перспективе (с учетом ухудшения платежного баланса, роста рисков дефолтов и банкротств, роста безработицы) выход РБ из ЕАЭС принесет дополнительный ущерб в 2–3 п. п. ВВП и падения уровня жизни населения. Прежде всего шок вызовет разрыв отношений в сфере энергетики.

Сотрудничество в сфере поставок нефти и газа

Сотрудничество Беларуси в рамках формирования общего рынка нефти, нефтепродуктов и газа в ЕАЭС имеет критическое значение для экономики с точки зрения: 1) формирования цен на поставляемые из России топливно-энергетические ресурсы; 2) загрузки производственных мощностей; 3) доходов бюджета, формируемых за счет налогов и пошлин, полученных от экспорта нефти и нефтепродуктов. Выход из ЕАЭС означает, что Беларусь не будет участвовать в формировании общего рынка нефти, нефтепродуктов и газа и сохранится (либо ухудшится) текущая ситуация в области поставок топливно-энергетических ресурсов.

¹ Расчет Комиссии по данным МВД РФ, Института Гайдара и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

В результате в течение 2020–2024 гг. ожидается:

- 1) увеличение дефицита бюджета на 2,4% ВВП, в том числе в 2020 г. на 1,2% ВВП;
- 2) сокращение объемов ВВП на 3%, в том числе в 2020 г. — на 1,1%;
- 3) снижение реального эффективного курса на 2,7%;
- 4) уровень долга СГУ может увеличиться с 35,6% ВВП на начало 2020 г. до 52,8% ВВП в 2023 г. и 56,4% ВВП в 2024 г.

Ухудшение условий сотрудничества в сфере поставок нефти и газа приводит к существенному ухудшению состояния экономики Республики Беларусь, снижению устойчивости государственного долга в результате сокращения доходов бюджета и увеличения его дефицита.

Справочно. По оценке помощника Президента Республики Беларусь В. Бельского, экономический эффект в результате выхода Беларуси из Союзного государства составит 25% ВВП. Данная оценка учитывает факторы, такие как: утрата позиций на российском рынке, одномоментный переход на мировые цены на нефть и газ.

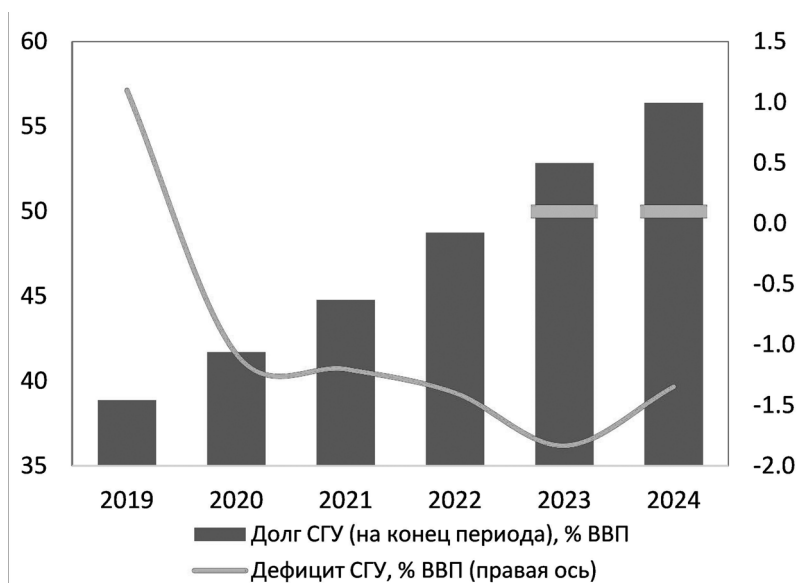

Рис. 5. Динамика дефицита и долга сектора государственного управления

Источник: расчеты ЕЭК

Долгосрочные последствия выхода Беларуси из ЕАЭС

С макроэкономической точки зрения устойчивость такой небольшой (хотя и относительно сбалансированной) открытой экономики, как белорусская, вне региональных интеграционных объединений невозможна: как показывает опыт стран Восточной и Южной Европы, Прибалтики, Центральной Азии, такие экономики приводятся в состояние глубокой периферии (колонии) более развитых соседей — ЕС или Китая. В них происходит демонтаж промышленности: она не может выдержать конкуренции и экспансии промышленных концернов крупных соседей, подкрепленных всей институциональной мощью регуляторы и «печатных станков» (кредитного демпинга). Даже сельское хозяйство таких традиционно сильных аграрных стран-производителей, как Греция, Болгария, Румыния и страны Балтии, существенно сокращено и встроено в чужие цепочки создания продукции. При этом если в странах Прибалтики уровень жизни населения до последнего времени частично поддерживался субсидиями Евросоюза, то уже для стран следующей волны поглощения ЕС (Румыния, Болгария и др.) субсидии были минимизированы и уровень жизни оказался в 3–4 раза ниже среднеевропейского. А для стран, заключивших соглашения

об ассоциации с ЕС (Молдова, Украина и др.), речь о субсидиях вообще не идет — предлагаются только кредиты на кабальных условиях (кратный рост энергетических тарифов для населения, свободная продажа земли иностранцам и проч.).

Последствия для этих стран настолько однозначны, что путь евроинтеграции населению новых стран все труднее «продать» и механизм уговоров (уже в случае Украины) замещает открытое насилие (типа «неизвестных снайперов» на Майдане) и подкуп или запугивание элит. Разъяснение населению последствий этого пути — важная задача, поскольку еще события в СССР 1989–1991 гг. (забастовки шахтеров, многотысячные толпы «борцов за свободу» и др.), а также последующие «цветные революции» во многих странах проявили один из главных ресурсов экспансии Запада: неискушенность простых людей, их наивные представления, что все социальные завоевания останутся с ними, но только добавятся роскошные витрины и откуда-то (неужели от ЕС?) средства для доступа к ним.

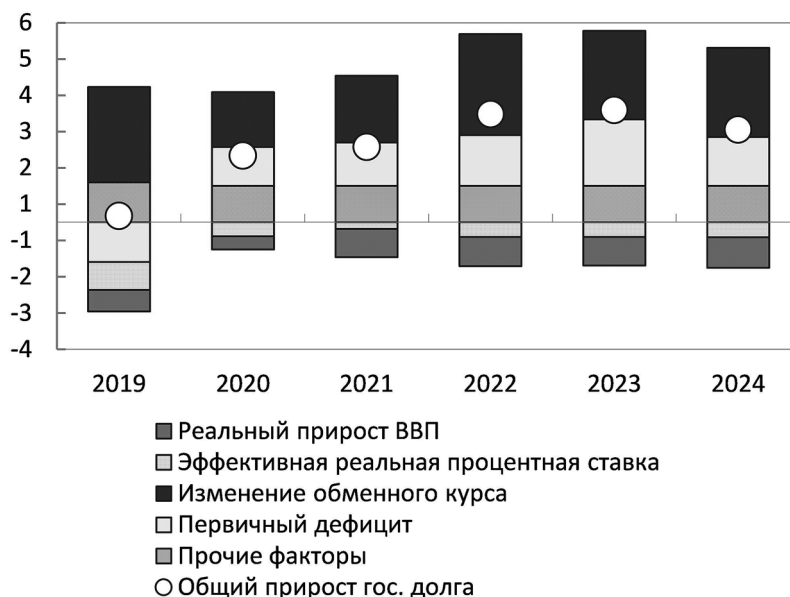

Рис. 6. Факторы прироста долга сектора государственного управления, % ВВП

Источник: расчеты ЕЭК

Накопленный ущерб на десятилетнем горизонте (с учетом неприсоединения РБ к общим энергетическим рынкам ЕАЭС) составит более трети нынешнего уровня ВВП страны и переведет РБ из группы стран со средними доходами на душу населения (90% от среднего по ЕАЭС) в группу стран с самыми низкими доходами в Европе (ниже Украины и Молдовы). Таким образом, выполнение требований протестующих на белорусских улицах людей свернуть на путь евроинтеграции приведет Беларусь к экономической катастрофе. Примкнувшие к протестующим трудовые коллективы машиностроительных предприятий наверняка лишатся работы. Что ждет белорусов в случае продолжения прежнего курса? Для этого следует проанализировать сложившееся положение дел.

Текущая ситуация и экономические причины «усталости» части населения

Экономическая модель Республики Беларусь — смешанная (многоукладная) экономика с «командными высотами» госпредприятий и госбанков. Доля частной собственности постепенно растет и превышает 50% по выпуску и 60% по доле занятых, прежде всего за счет опережающего роста третичных секторов, включая бурное развитие IT-сектора и сопутствующих отраслей сферы услуг, ориентированных на глобальный рынок (рисунок 7).

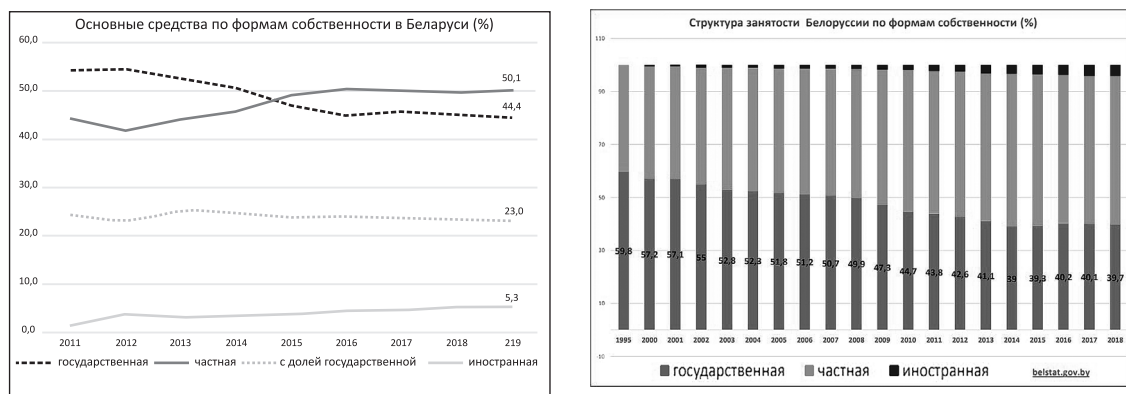

Рис. 7. Основные средства и структура занятости по формам собственности в Белоруссии

При этом в структуре добавленной стоимости смешанные, частные и иностранные производства занимают, по данным Белстата, почти 2/3 (таблица 3).

Таблица 3

Структура валовой добавленной стоимости по формам собственности

Структура валовой добавленной стоимости Белоруссии по формам собственности (%, 2018 г.)					
	Государственная	Частная		Иностранная	
		всего	из нее с долей государственной собственности	из нее без доли государственной собственности	
Сфера производства	19	76	34,3	41,7	4,1
Сфера услуг	35,2	53,8	6,3	47,5	11
Всего	28,1	64	18,7	45,3	7,9

belstat.gov.by

Расхожая точка зрения о том, что белорусская экономика представляет собой пережиток советского социализма, не соответствует реальности. В ней действуют рыночные механизмы, которые в условиях высокой открытости белорусской экономики создают достаточно жесткую конкурентную среду, в том числе для ориентированных на экспорт высокотехнологической продукции госкорпораций. Частный сектор создан не на основе приватизации госпредприятий, а за счет предпринимательской энергии и труда собственников, что предопределяет их хозяйскую мотивацию. Государственное регулирование экономики ориентировано на обеспечение условий роста производства. Правительство старается обеспечивать сбалансированность экономики, обеспеченность ее ведущих отраслей — агропромышленного и машиностроительного комплексов — сырьевой базой, комплектующими и материалами. Это требует высококвалифицированного планирования основных воспроизводственных пропорций и постоянной настройки хозяйственного механизма исходя из меняющейся внешнеэкономической конъюнктуры.

Сегодня можно считать теоретически доказанной и экспериментально подтвержденной гипотезу о большей эффективности смешанных экономик по сравнению с исключительно частными или полностью государственными [2]. Мировой кризис обусловлен переходом к интегральному мирохозяйственному укладу, в котором сочетаются стратегическое планирование и рыночная самоорганизация, государственный контроль за денежным обращением и кредитование частных предприятий, государственная собственность на базовую инфраструктуру и предпринимательство. Государство выполняет роль дирижера, согласовывающего интересы различных социальных групп на основе критерия повышения общественного благосостояния. Успешное развитие КНР, Индии и других государств, формирующих институты нового мирохозяйственного уклада, доказывают его перспективность на фоне нарастающего хаоса в США и ЕС, составляющих ядро разваливающегося с момента распада СССР имперского мирохозяйственного уклада [1].

Экономической причиной протестных настроений является стагнация экономической активности и доходов населения в последние несколько лет. После отказа после кризиса 2008–2009 гг. (и особенно в последние пять лет) Национального банка РБ, как и Центробанка РФ, от стимулирующей денежно-кредитной политики, завышения процентных ставок и прекращения кредита по рекомендациям МВФ, заикленности на формировании валютных резервов, отказа от защиты национальной валюты и либерализации вывоза капитала мы вошли в «провальное десятилетие», когда темпы роста ВВП и уровня жизни населения в РБ и РФ топчутся на месте, в разы отставая от стран — лидеров нового мирохозяйственного уклада.

Главной причиной стагнации белорусской, как и российской, экономики является прекращение кредитования производственных предприятий вследствие выполнения рекомендаций МВФ по переходу к так называемому «таргетированию инфляции». Скрывающееся под этим термином повышение процентных ставок и свертывание кредита подорвали воспроизводство белорусской экономики, которая, в отличие от российской, не располагает возможностями извлечения сверхприбыли от эксплуатации природных ресурсов. Без системы дешевого долгосрочного кредитования инвестиций в развитие производственной сферы современная экономика развиваться не может. Создание механизмов кредитования развития экономики на основе целевого рефинансирования со стороны Центрального банка является главной задачей денежных властей. Как только Центральный банк Беларуси отказался от этой политики, развитие национальной экономики прекратилось. Оно стало ограничиваться внешним спросом на белорусскую продукцию. А втягивание по тем же причинам в стагнацию и рецессию российской экономики привело к прекращению роста спроса со стороны крупнейшего для белорусских товаропроизводителей рынка.

Из-за прекращения кредитования производства и сбыта продукции динамика белорусской экономики синхронизировалась с российской. Вместо того чтобы оставаться локомотивом роста ЕАЭС по пути формирования нового мирохозяйственного и роста нового технологического укладов, белорусская экономика сорвалась на периферию российской, которая, в свою очередь, глубоко увязла на периферии разваливающейся американоцентричной финансово-экономической системы.

Новый курс

Как показывает международный опыт успешного развития экономики в прошлом и нынешнем столетиях, ее важнейшей составляющей является финансовый форсаж [3] — целевое кредитование инвестиций в развитие перспективных производств нового технологического уклада. Беларуси и России сегодня нужна иная макроэкономическая, денежно-кредитная, налогово-бюджетная и социальная политика, ориентированная на наращивание инвестиций в сферу развития человеческого потенциала, переход к модели опережающего развития на основе формирования институтов нового мирохозяйственного уклада.

Объективно в экономике Беларуси сформированы условия и возможности перехода к новому мирохозяйственному укладу и существенного ускорения темпов роста на основе модернизации основного капитала, который был обновлен в последние 15–20 лет (рисунок 8).

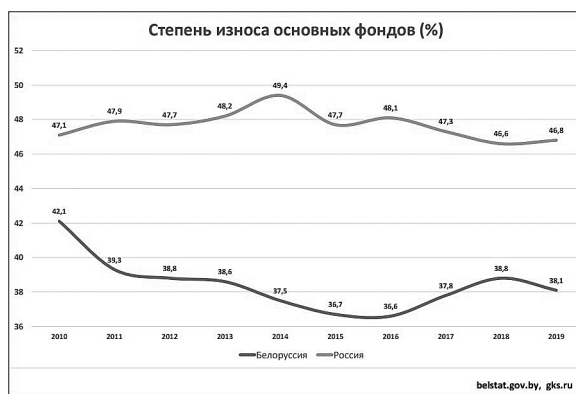

Рис. 8. Степень износа основных фондов

Беларусь лидирует в ЕАЭС по уровню госрасходов на воспроизводство человеческого капитала, включая образование и здравоохранение, которые являются ведущими несущими отраслями нового технологического уклада (рисунок 9).

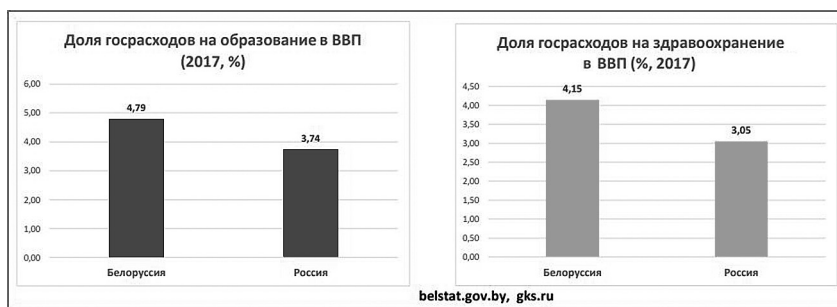

Рис. 9. Доля госрасходов на образование и здравоохранение в ВВП

Важным преимуществом Беларуси является относительно низкий уровень социального неравенства, что существенно облегчает формирование институтов нового мирохозяйственного уклада, которому в России сопротивляется антинациональная олигархическая прослойка (рисунок 10).

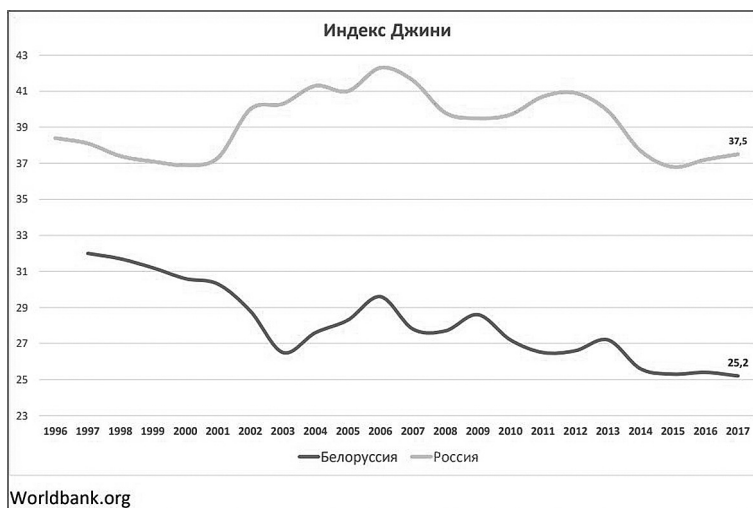

Рис. 10. Индекс Джини

Таким образом, можно сделать следующие выводы из проведенного макроэкономического анализа.

1. Белорусская модель эффективнее, чем в среднем по ЕАЭС, институционально подготовлена к переходу к стратегии опережающего развития — степень износа основных фондов в РБ в полтора раза ниже, чем в РФ и других странах Союза, инвестиции в человеческий капитал существенно выше, неравенство значительно ниже. В РБ — при определенной корректировке уровня жизни — сложится дееспособная форма общественного правления большинства в интересах общей пользы, условная «полития».

2. Структура экономики РБ (доля частной собственности, третичных секторов, включая IT-сектор) дает возможность перехода к новой модели с опорой на конвергентные (NBICS) технологии шестого технологического уклада (здравоохранение, образование, биотехнологии, аддитивные, когнитивные технологии и другие).

3. Стратегия опережающего развития и формирование новой модели управления экономикой предполагают использование институтов нового (интегрального) мирохозяйственного уклада с отказом от отживших (и тормозящих развитие) правил имперско-колониального мирового порядка (в т. ч. рецептов МВФ).

Очевидно, что реализовать переход к стратегии опережающего развития можно только в обстановке социально-политической стабильности. Развал белорусской государственности, к которому стремятся агенты западного влияния, раскачивая толпу, поставит крест на этой перспективе. Современное белорусское правительство вполне компетентно для того, чтобы совершить желаемый рывок в экономическом развитии. Оно уже освоило ряд таких важных институтов нового мирохозяйственного уклада, как стратегическое планирование и программирование научно-технического и социально-экономического развития, государственное регулирование пропорций воспроизводства экономики, антимонопольное регулирование, целевое кредитование производственных инвестиций, валютное регулирование в целях предотвращения утечки капитала и др. Но этого недостаточно. Нужна гармонизация интересов различных социальных групп и консолидация общества на основе политики роста общественного благосостояния. Одному человеку это сделать не под силу. Прогрессивная общественность должна помочь президенту Беларуси стабилизировать политическую ситуацию.

Белорусское общество сегодня расколото и раздражено. Для его объединения нужны конструктивные политические силы, ориентированные на развитие страны по пути формирования нового мирохозяйственного уклада и модернизации экономики на основе нового технологического уклада. Идеологически это путь построения современного социалистического общества с регулируемой рыночной экономикой и технологически передовым производством. Путь, по которому уверенно сегодня идут Китай, Индия и другие страны, демонстрирующие высокие темпы роста в условиях мирового кризиса. Белоруссия может стать локомотивом, который выведет на этот путь экономику ЕАЭС, показать пример перехода к качественно более эффективной системе управления социально-экономическим развитием. Для объединения заинтересованных в этом граждан нужна сеть конструктивных общественных организаций: народных движений, политических партий, интеллектуальных клубов, профессиональных союзов, инженерных обществ и т. п. Конструирование такой социальной сети за опережающее развитие Беларуси и ЕАЭС — первоочередная задача сегодняшнего дня.

Будущее не только Беларуси, но и в значительной мере всего нашего Союза решается сейчас. Переломить ситуацию, перевести ее в конструктивное русло, предложить обществу реальную альтернативу не зависящего от Запада развития (как это сделано президентом Республики Беларусь в отношении реакции на пандемию), выработать *повестку созидания* общей судьбы для трудовых коллективов и молодежи, закрепить ее в конституционном и законодательном формате, договориться с Россией и другими странами ЕАЭС об углублении сотрудничества в ключевых сферах, — таков путь выхода из митингового тупика.

Литература

1. Глазьев С. Ю. Управление развитием экономики : курс лекций / С. Ю. Глазьев. 2019. 759, [1] с., ил. (Факультет государственного управления МГУ).

2. Макаров В. Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М. : Бизнес Атлас, 2010. 272 с.
3. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / под ред. Я. М. Миркина. М. : Магистр, 2014. 496 с.

Об авторе:

Глазьев Сергей Юрьевич, Член коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК (Москва, Российская Федерация), Председатель Научного Совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, главный редактор журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика», академик РАН, доктор экономических наук, профессор; serg1784@mail.ru

References

1. Glaz'ev S. Yu. Upravlenie razvitiem ekonomiki : kurs lektsii / S. Yu. Glaz'ev. 2019. 759, [1] s., il. (Fakul'tet gosudarstvennogo upravleniya MGU).
2. Makarov V. L. Sotsial'nyi klasterizm. Rossiiskii vyzov. M. : Biznes Atlas, 2010. 272 s.
3. Finansovye strategii modernizatsii ekonomiki: mirovaya praktika / pod red. Ya. M. Mirkina. M. : Magistr, 2014. 496 s.

About the author:

Sergey Yu. Glazyev, Member of the Board — Minister in Charge of Integration and Macroeconomics of the EEC (Moscow, Russian Federation), Academician, Scientific Council on Complex Problems of Eurasian Economic Integration, Modernization, Competitiveness and Sustainable Development, Editor in Chief of the Magazine “Eurasian Integration: Economics, Law, Politics”, academician of the Russian Academy of Sciences, doctor of Economics, Professor; serg1784@mail.ru

О развитии торговых американо-китайских отношений

Погодин С. Н.^{1,*}, Ягья Т. С.²

¹ Высшая школа международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *pogodin56@mail.ru

² Санкт-Петербургский электротехнический университет (ЛЭТИ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу развития торговых американо-китайских отношений на современном этапе. Рассмотрены экономические стратегии США и КНР по отношению друг к другу в период до 2016 г. и прослежены произошедшие изменения в позициях и мероприятиях администрации этих двух государств с 2017 г. Проанализированы статистические данные, отражающие состояние двусторонней торговли США и КНР, их инвестиционной деятельности в период до 2016 г. и в новый период с 2017 г. Делается акцент на выявлении новых черт американо-китайского торгово-инвестиционного взаимодействия в период президентства Д. Трампа. Уделяется внимание мотивам торгового конфликта, именуемого торговой войной между США и КНР, и его результатам.

Ключевые слова: внешнеэкономическая политика, внешняя политика, США, КНР, внешнеторговая деятельность, торговля, товарооборот, внешнеторговый оборот, торговый баланс, инвестиции, прямые иностранные инвестиции, инвестиционная деятельность, торговый конфликт, торговая война

Для цитирования: Погодин С. Н., Ягья Т. С. О развитии торговых американо-китайских отношений // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 26–38.

On Development of American-Chinese Trading Relations

Sergey N. Pogodin^{a,*}, Talie S. Yagya^b

^a Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation; *pogodin56@mail.ru

^b St. Petersburg Electrotechnical University "LETI", Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the of American-Chinese trading relations' development at the present stage. The economic strategies of the USA and China towards each other in the period up to 2016 are investigated and the changes that have occurred in the positions and activities of the administration of these two states since 2017 are tracked. The statistical data reflecting the state of bilateral trade of the USA and China, their investment activities for the period up to 2016 and in the new period from 2017 are analyzed. The emphasis is on identifying new features of American-Chinese trade and investment cooperation during the D. Trump's administration. Attention is paid to the motives of the trade conflict named the trade war between the USA and China, and its results.

Keywords: foreign economic policy, foreign policy, trade policy, USA, PRC, foreign trade activity, trade, foreign trade turnover, trade balance, investment, foreign direct investment, investment activities, trade conflict, trade war

For citing: Pogodin S. N., Yagya T. S. On Development of American-Chinese Trading Relations // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 26–38.

Зарождение торгово-экономических отношений Китая и Соединенных Штатов Америки, как известно, началось в XVIII в. И уже к началу XIX в. США стали одним из лидеров по торговому обороту с Китаем. Однако внутренние кризисы в стране начиная с 60-х гг. XIX в. уменьшили ее торгово-экономическую заинтересованность с Китаем. Став империалистической державой, США начинают взаимодействовать с внешним миром через прямые инвестиции, различные займы и доступ к экономическому освоению и использованию иностранных земель. Так, их внешняя политика по отношению к Китаю вплоть до конца Второй мировой войны выражалась в доктрине «открытых дверей», которая, по сути, была направлена на достижение экономических преимуществ для США, что подтверждают увеличивающиеся со временем инвестиции: уже к 1945 г. США входили в первую тройку по объему капиталовложений в Китай [13]. К тому же с 1945 г. по 1948 г. наблюдался заметный рост товарооборота со 114 млн долл. США до 1393 млн долл. США [22], чему мог в определенной мере способствовать американо-китайский договор о дружбе, торговле и мореплавании 1946 г.

Однако с приходом коммунистической партии и образованием КНР в 1949 г. договор прекратил свое действие, что и объясняет падение оборота торговли с 1393 млн долл. США в 1948 г. до 190 млн долл. США в 1949 г. [22]. В целом со стороны американцев проводилась политика сдерживания и изоляции КНР и агитирования других государств присоединиться к блокаде. Можно считать, что американо-китайские отношения в экономической сфере долгий период времени оставались «замороженными» и только при содействии заинтересованных лиц США начали в конце 70-х гг. «оттаивать». Этому способствовал визит президента США Р. Никсона в 1972 г., в ходе которого «...обе стороны соглашались содействовать постепенному развитию торговли между двумя странами» [25]. Процессу «оттаивания» содействовал также созданный в 1973 г. Национальный совет содействия американо-китайской торговле. С этого времени стали постепенно увеличиваться поставки американской техники и технологии в азиатскую державу.

Однако после 1978 г., когда власть сконцентрировалась в руках Дэна Сяопина, политический и экономический курс КНР в целом стал меняться, под его руководством начали проводиться экономические реформы, носящие рыночный характер. Так, был положен курс открытости и реформирования экономики. Можно сказать, что цель его заключалась в отказе от советской модели экономики, переходе к строительству «социализма с китайской спецификой». Проводимая политика «открытых дверей» для иностранных инвестиций и бизнеса положила начало вовлечения Китая в мировое пространство. Так, КНР вступает в международные организации (Всемирный банк и МВФ), а также планируется вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО) при поддержке американского правительства.

И уже в 1979 г. государства смогли официально провозгласить новый этап нормализации отношений. Тем не менее стоит отметить, что, помимо экономического интереса, просматривается военно-стратегическая направленность всех мероприятий, которая выражалась в сближении двух стран в противовес силе СССР. Следует сказать, что нормализация во взаимоотношениях заключалась в том числе и в предоставлении Китаю наибольшего благоприятствования в торговле, т. е. по отношению к этой стране был введен режим нормальных торговых отношений на постоянной основе [10].

К тому же в рамках установленного этапа «нормализации» Китаю со стороны Соединенных Штатов были предложены обширные привилегии, включающие временный тарифный статус наиболее благоприятствуемой нации, гарантии получения кредита в 2 млрд долл. на пять лет [19].

В 1981 г. начинают обостряться американо-китайские отношения из-за Тайваньского вопроса, который не повлиял на экономическое сотрудничество, поскольку интеграционные процессы уже набирали обороты. За период с 1978 г. по 1988 г. США занимали третье место после Японии и Гонконга в китайской торговле. А к 1986 г. КНР считался основным экспортером текстильной продукции для американского рынка. К тому же в этот период заметно активизируется проникновение частных прямых американских инвестиций. Постепенно США стали занимать лидирующее положение среди иностранных инвесторов в Китае, где особый интерес проявлялся в легкой, сельскохозяйственной, пищевой промышленности, в горно- и нефтедобывающих отраслях и в др. [16].

В 1990 г. наблюдается сокращение товарооборота из-за введенных правительством Вашингтона временных экономических санкций. Причиной стало подавление студенческого движения на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 г., которое противоречило «продемократической» политике Соединенных Штатов. Однако идеологические столкновения уже не могли воспрепятствовать американо-китайскому сотрудничеству в экономике, тем более когда КНР демонстрировала значительный хозяйственный рост и увеличение влияния в мире, поэтому через пару лет санкции были сняты. Тем не менее Вашингтон был более чем заинтересован в продолжении двусторонних контактов, несмотря на вновь обострившиеся сложности с Тайванем в 90-е гг. и в связи с азиатским финансовым кризисом 1997 г. С 1993 по 1999 гг. торговый оборот вырос с 40 млн долл. США до 90 млн долл. США [12]. Зависимость стала проявляться и в том, что Китай некоторую часть американской валюты, полученной с экспорта, инвестировал в долговые обязательства правительства США, так что к 2000 г. их объем превысил 60 млрд долл. США [12]. А уже в 2003 г. КНР вошла в первую тройку стран по объему товарооборота с США. Одна из причин такой популярности китайского рынка — это дешевая рабочая сила, что позволило Китаю стать лидером в производстве трудоемкой экспортной продукции. Так, к 2005 г. доля китайского экспорта в мировой торговле достигла 6,9%, тогда как в 2000 г. составляла всего лишь 3,6% [19].

Стоит назвать ряд факторов, обусловивших экономическую заинтересованность двух стран, США и КНР, в поддержании торгово-экономических отношений. Во-первых, это стремление наряду с Западной Европой и Японией освоить китайский рынок, а именно поучаствовать в разделении сфер влияний. Во-вторых, не менее важный фактор — это недостаточная развитость КНР, которой в перспективе необходимо будет осуществлять крупномасштабные закупки промышленных и сельскохозяйственных товаров для своей модернизации. Поэтому США рассматривались в качестве устоявшегося рынка, способного предложить Китаю свою высокотехнологичную продукцию, новейшие технологии. К тому же на крупном американском рынке можно было реализовывать значительные объемы экспортной продукции, что важно для Китая. Отметим, что США привлекала минерально-сырьевая база Китая, дешевая рабочая сила, большие доходы вследствие сокращения расходов на оплату труда. В свою очередь, на Вашингтон Китай возлагал надежды по предоставлению льготных займов и кредитов. В-третьих, благоприятное географическое расположение стран по отношению друг к другу. Это предрасполагало к сотрудничеству, поскольку границы государств омываются водами Тихого океана, который является наиболее удобным связующим торговым путем. В-четвертых, экспортеры поощрялись меньшими налогами и значительными торговыми кредитами. Однако иностранным импортерам для торговли на территории КНР необходимо было открыть свое местное производство и разрешить доступ к своим технологиям и ноу-хау. Благодаря полученным от западных предприятий технологиям, Китай стал производителем высокотехнологичных товаров.

Таким образом, перечисленные факторы позволяют говорить, что США и КНР придерживаются курса на сближение сотрудничества национальных хозяйств. Это подтверждает и сама внешнеэкономическая политика этих двух стран до 2016 г. Так, в течение тридцати лет с 1979 г. до прихода к власти администрации Обамы в январе 2009 г. высшее руководство США и КНР встречались 24 раза.

В начале президентства Б. Обамы американо-китайские отношения находились в состоянии взаимного понимания и укрепления. Но, несмотря на стремления США и КНР к улучшению взаимодействия, имели место разного рода разногласия в экономической сфере, возникшие еще с конца XX в. Так, у США к Китаю были претензии: к валютной политике; к поставке товаров невысокого качества; к несоблюдению обязанностей в рамках ВТО; к поддержке со стороны Китая только экспортоориентированных предприятий; к вынуждению западных компаний сливаться с местными и к раскрытию китайской стороной американских технологий производства и т. д. Комиссия американского комитета по кражам интеллектуальной собственности не раз докладывала об огромных убытках США от Китая. Следует отметить, что для США инновации и интеллектуальная собственность являются важным двигателем экономического роста. Еще одна проблема для руководства Белого дома — это отрицательное торговое сальдо США с КНР, так как с другими странами подобный дефицит был не настолько высок.

С целью более эффективного преодоления подобных трудностей 1 апреля 2009 г. президенты Б. Обама и Ху Цзиньтао подтвердили формирование Стратегического и экономического диалога (СЭД) между КНР и США. По сей день в рамках СЭД поднимаются вопросы дефицита внешней торговли, тарифных и нетарифных барьеров, «агрессивных приобретений и слияний», неоцененности китайского юаня и его влияния на торговый дисбаланс, покупки Китаем долговых обязательств правительства США [1]. Итак, можно говорить о новом типе взаимоотношений двух стран: США и КНР. Если в конце XX в. Китай, активно совершенствуя собственную экономику, искал свою нишу в мировом сообществе и считался, скорее, «младшим партнером» США, то уже в XXI в. страны выступают по отношению друг к другу как ведущие экономические партнеры. Тому подтверждение — слова президентов двух стран: Си Цзиньпин говорил об избегании стратегического соперничества или конфликта между растущим Китаем и США [26], а Б. Обама отметил, что «если Китай добьется успеха, это поможет управлению мировой экономикой и даст Китаю возможность работать с нами в качестве равноправных партнеров, в решении многих глобальных проблем, которые ни одна страна не может решить самостоятельно» [20].

В целом можно говорить, что руководство США и КНР в период правления Б. Обамы указывали на необходимость проведения мер по поддержке внутреннего и глобального роста, поощрению открытой торговли и инвестиций, а также укреплению стабильности финансовых рынков. Тем не менее имели место и противоречия в политических и экономических вопросах. Успешное экономическое развитие Китая, по-нашему мнению, создает определенные проблемы для мощной экономики США и его мирового лидерства. Поэтому США, стремясь сдерживать усиливающегося партнера в лице КНР, устанавливают высокие ограничения на вывоз в страну Китай высокотехнологичной продукции и проводят меры по уменьшению ее импортной продукции. Однако, для того чтобы объективно оценить изложенные позиции и политику государств США и КНР в период до 2017 г., необходимо рассмотреть их внешнеторговую деятельность.

Прежде всего, наблюдается динамика экспортной активности КНР и США, что проявляется в увеличивающейся доле стран в мировом экспорте. Так, если Китай со временем увеличивал долю своей вовлеченности в мировую торговлю своими товарами, то американский экспорт с каждым десятилетием сдавал позиции. Данные 2009 г. свидетельствуют о том, что доля китайского экспорта превысила долю США на 1,2%, а в 2010-м уже на 2% [24]. Именно на эти годы, 2008–2010-е, приходится глобальный финансово-экономический кризис. В последующие периоды Вашингтон увеличил долю своего экспорта в мире, однако Пекин уже ушел далеко вперед и занял крепкую позицию лидера экспортного рынка [17]. Так, доля КНР в мировом экспорте товаров составляла в 2010 г. 10,4%, а доля США — 8,4%. В 2016 г. эта доля Китая и США была уже на уровне, соответственно, 13,4% и 10,9% [24]. Торговый оборот двух стран с каждым годом увеличивался, следовательно, можно говорить об усилении связанности экономик. По данным американской статистики, в 2012 г. товарооборот составлял 540 млрд долл. США, но уже через год объем увеличился на 20 млрд долл. США [33].

В 2015 г. американцы занимали второе место по товарообороту с Китаем, первое место в экспорте и пятое в импорте. Китай, в свою очередь, являлся также вторым по значимости партнером в торговле, третьим по экспорту и первым по импорту [18]. В последние несколько лет (2016–2017 гг.) все большая доля импорта США из Китая является более технологически продвинутой продукцией.

На 2016 г. экспорт Китая в Соединенные Штаты сконцентрирован в таких товарах, как компьютеры, электронное оборудование, одежда, мебель, обувь и изделия из пластика. При этом именно на электронное оборудование американцы тратят больше всего денег (55,3 млрд долл. США) [14]. Наиболее важные импортные товары из Соединенных Штатов включают самолеты (более 50%), автомобили, сельскохозяйственную продукцию, а также древесину и бумагу [15].

Стоит сказать, что экономические отношения между США и Китаем не ограничиваются торговлей, они дополняются динамичным движением капитала в обоих направлениях. На 2016 г. США занимает второе место в китайском рейтинге по объему вкладываемых прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Причем капиталовложения КНР стали набирать обороты лишь в последние годы, тогда как американское инвестирование уже с давних пор присутствует на рынке КНР [34]. В 2013 г. китайские вложения

достигли 14 млрд долл. США, но в 2014 г. они снизились до 12 млрд долл. США, а в 2016 г. достигли рекордного уровня — 46,5 млрд долл. США [23]. Следует сказать, что в 2015 г. прирост прямых инвестиций из Китая в США впервые за всю историю взаимоотношений двух государств превысил прирост прямых инвестиций из США в Китай: 15,3 млрд долл. США против 13,1 млрд долл. США [8].

Таким образом, со времен нормализации двусторонних связей администрации американского и китайского государств стали высказывать стремления к поддержанию и расширению отношений для дальнейшего роста американо-китайской торговли и инвестиций, особенно с учетом углубления Китаем своих экономических реформ и по мере дальнейшего укрепления экономики США. С каждым годом товарооборот между странами становился масштабнее, инвестиционная деятельность со стороны КНР в 2016 г. резко возросла, научно-техническое сотрудничество продолжало быть актуальным. Тем не менее, несмотря на укрепление двусторонних внешнеэкономических отношений, существовали противоречия, которые были неподвластны попыткам полного их искоренения. Увеличение дефицита торгового баланса США, обвинения КНР в краже интеллектуальной собственности и в манипулировании валютой не позволяли руководству Белого дома полноценно доверять своим партнерам, несмотря на официальные доброжелательные речи. В связи с этим параллельно проводится американская политика сдерживания Китая. Следует отметить, что до конца правления президента США Барака Обамы американо-китайские внешнеэкономические связи оставались крепким фундаментом благоприятных отношений двух стран. С приходом к власти в 2017 г. Дональда Трампа меняется направление экономической политики, и следом происходят значительные перемены во многих областях. Итак, начиная с 2017 г. американо-китайские торгово-экономические отношения приобретают новые черты. Тому подтверждение — проводимая экономическая политика США и КНР.

Еще до своей инаугурации Д. Трамп высказывался несколько враждебно об отношениях с Китаем, касаясь вопросов повышения импортных пошлин на китайские товары до 45% и применения мер против валютного демпинга. Однако КНР надеялась на изменение взглядов будущего президента, тем более после успешной встречи двух лидеров в апреле 2017 г. во Флориде, когда стороны договорились содействовать развитию двусторонней торговли и инвестиций. Президент Си Цзиньпин подчеркивал, что Китай идет по пути мирного развития, не преследуя идею победителей и проигравших [36]. В итоге был утвержден «стодневный план», нацеленный на повышение объема экспорта США в КНР.

Позднее, в ноябре 2017 г., в ходе встречного официального визита в КНР президента Д. Трампа оба президента высказывались о достигнутых соглашениях. Были подписаны торговые и инвестиционные сделки на сумму более 250 млрд долл. США, которые предполагали организацию рабочих мест путем увеличения экспорта США в Китай и стимулирования инвестиций в американские сообщества [29].

В декабре 2017 г. была принята «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки», в которой содержались новые принципы внешнеэкономического взаимодействия, отраженные в лозунге «Америка — прежде всего». Свои будущие планы американская администрация выразила в сохранении лидерства в области исследований и технологий, а также в защите экономики от конкурентов, несправедливо приобретающих американскую интеллектуальную собственность и многое другое. К тому же в этом документе Китай впервые был назван «стратегическим конкурентом», что означало признание США возросшего влияния КНР в мировой экономике и уменьшения доверия США к Китаю как к долгосрочному партнеру.

Таким образом, после всех, казалось бы, благоприятных для двусторонних экономических отношений мероприятий администрация США меняет намеченный ход действий. Можно предположить, что на перемену взглядов также повлиял XIX съезд Коммунистической партии Китая (КПК), на котором были переизбраны официальные лица Китая и сформулированы главные направления внутренней и внешней китайской политики. На съезде отмечалось, что для Китая наступила «новая эра» как более активного и влиятельного игрока на мировой арене и что Китай теперь может предложить «новый путь модернизации для всех развивающихся государств». Однако США заняли открытую конфронтационную позицию по отношению к Китаю, выражавшуюся в ряде мероприятий, проводимых по инициативе Вашингтона. Так, к примеру, еще в августе 2017 г. Д. Трамп поручил торговому представительству США провести про-

верку китайского законодательства и их фактической деятельности с точки зрения проявления дискриминационных наклонностей по отношению к американским компаниям, а также причиняемого вреда американским правам интеллектуальной собственности, инновациям и технологическому развитию. В октябре того же года Министерством торговли США был опубликован доклад, доказывающий положение КНР в качестве «страны с нерыночной экономикой» [28]. К концу 2017 г. стало понятно, что увеличение торгового дефицита США привело к невыполнению «стодневого плана», и это в конечном счете подтолкнуло администрацию Д. Трампа к решительным действиям, которые привели к напряженной ситуации в экономическом сотрудничестве двух государств — США и КНР. Данная конфликтная ситуация, именуемая в средствах массовой информации (СМИ) «торговой войной», застала китайское руководство врасплох.

В январе 2018 г. американской стороной впервые была проведена открытая протекционистская программа, которая предполагала стремительное повышение тарифов на ввозимые в страну товары — от 20% на стиральные машины и до 30% на солнечные панели. Безусловно, США не указывали, на кого конкретно рассчитаны эти меры, но, так как Китай являлся одним из крупнейших производителей этой техники, именно на китайских экспортеров эти мероприятия и повлияли. Далее в феврале Министерством торговли США были изучены данные о производстве и закупках алюминия и стали, которые свидетельствовали о чрезмерном импорте этих товаров, что, по мнению американских представителей, угрожало их национальной безопасности. В марте 2018 г. глава Белого дома подтвердил выявленные нарушения китайской внешнеэкономической деятельности в двусторонней торговле и отметил три пункта, в рамках которых будет проводиться санкционная политика в отношении Китая: повышение тарифов; использование механизмов ВТО для урегулирования споров; ограничение инвестиций во все отрасли США. К тому же Соединенными Штатами было анонсировано решение о защите своей сталелитейной и алюминиевой промышленности путем введения всеобщего 25-процентного тарифа на ввоз стали и 10-процентного тарифа для алюминия [2]. Однако в апреле КНР повысил тарифы на экспорт американских товаров, преимущественно сельхозпродуктов с 15% до 25% [7].

С целью предотвращения дальнейшей эскалации торговых противоречий в мае 2018 г. вице-премьер Госсовета КНР Лю Хэ встретился в Вашингтоне с представителями американской администрации: министром финансов С. Мнучином и другими официальными лицами, где в результате переговоров стороны договорились не допустить обострения торговой войны путем увеличения пошлин. Китай был вынужден пойти на уступки, согласившись способствовать сокращению дефицита торгового баланса США к концу 2020 г. на 200 млрд долл. США. И все-таки, несмотря на успешные договоренности по важнейшим вопросам, которые предполагали более не поднимать тарифы, в середине июня был опубликован план двухэтапного введения 25-процентных тарифов на общую сумму в 50 млрд долл. США преимущественно продукции промышленного сектора, относящихся к программе «Сделано в Китае — 2025» [6]. Китай ответил аналогичными мерами. За этим последовала по очереди от каждой страны серия объявлений о последующих списках для повышения пошлин. При этом и у Вашингтона, и у Пекина были свои личные доводы для таких шагов. Как заявил торговый представитель США Роберт Лайтхайзер: «Первоначальные тарифы, которые президент попросил нас ввести, были пропорциональными и учитывали принудительную передачу технологий и кражу интеллектуальной собственности китайцами. Очень жаль, что, вместо того чтобы устранить эти несправедливые торговые практики, Китай заявил, что он намерен ввести неоправданные тарифы для американских рабочих, фермеров и предприятий» [32]. В то же время, с точки зрения китайского представительства, США серьезно нарушает законные права Китая в ВТО и ставит под угрозу экономические интересы и безопасность Китая [21].

Как известно, через пару месяцев США и КНР ввели 25-процентные ввозные тарифы на товары друг друга объемом в 34 млрд долл. США для каждой страны. В августе повышение продолжалось. Подобные торговые сражения чреваты, помимо уменьшения американо-китайских торговых операций и повышения цен для американских и китайских потребителей, дальнейшим разрывом общемировой сети поставок. Это связано, прежде всего, с тем, что большая часть экспорта КНР включает товары, собранные из деталей и компонентов, которые были привезены из Японии, Южной Кореи, Германии и других стран.

Так что можно в какой-то степени утверждать, что в торговую войну вовлечена каждая страна-участник этих экономических цепочек.

В сентябре 2018 г. администрация Д. Трампа ввела новый 10-процентный тариф на 200 млрд долл. США китайского экспорта, который должен был увеличиться до 25% с 1 января 2019 г. [11]. Это был самый большой тариф, который Соединенные Штаты когда-либо вводили по отношению к Китаю. А Пекин, в свою очередь, ввел тариф только на 60 млрд долл. США американского экспорта, не включая в «черный список» наиболее важные для обеих стран самолеты и нефть. Несмотря на ежемесячное ухудшение американо-китайских отношений, лидеры были готовы встретиться в кулуарах на декабрьском саммите G-20 в Буэнос-Айресе, что предопределило позитивный исход торговых отношений на ближайшее время. Стороны достигли консенсуса в том, чтобы не вводить новые дополнительные тарифы, и договорились в рамках 90-дневного «торгового перемирия» поручить экономическим группам обеих сторон активизировать переговоры по отмене всех дополнительных тарифов и достичь конкретного соглашения, которое приведет к выгодным для каждой страны результатам.

Несмотря на то, что обе страны договорились пойти на совместные уступки и договоренности, однако на практике оказалось, что каждая сторона следовала своим интересам. Так, например, США заявили, что для американской экономики тарифы принесут больше выгод, чем любое соглашение, вследствие чего ввели в мае 2019 г. новые тарифы (с 10% до 25%) на товары, импортируемые из Китая в размере 200 млрд долл. США [9]. А Китай, в свою очередь, затягивал в достижении договоренностей и попытках изменить обещанные уступки. Однако в июне этого же года КНР в отместку объявил о дополнительном повышении тарифов до 25% на американские товары на сумму 60 млрд долл. США [35]. Эти все действия привели к обострению экономических и торговых трений между США и Китаем, подорвали интересы обеих сторон и не соответствовали общим ожиданиям международного сообщества.

Исходя из позиций и поступков США и КНР, стоит сказать, что в течение периода конфронтации 2018 г. реакция Китая была во многом осторожной и примирительной. В целом Пекин стремился стабилизировать американо-китайские отношения, умерить действия США и управлять разногласиями. Это наблюдение проявляется, к примеру, в публичных довольно сдержанных высказываниях представителей Китая о президенте Трампе, о политике США и американо-китайских отношениях, а также в активном стремлении в 2018 г. проводить встречи с американской администрацией с целью разрешения конфликта. Это, на наш взгляд, отражает заинтересованность китайского руководства в сохранении двусторонних отношений, которые за последние годы стали слишком значительными для обеих стран. Взаимозависимость экономик предполагает, что при ухудшении положения одной из сторон вторая не сможет избежать обострения следом. Поэтому лучшим выходом КНР видят в том, чтобы найти компромисс и общими усилиями сгладить противоречия. Тем не менее заметно, как Пекин следует своей политике балансирования между сотрудничеством и конкуренцией, но не выходит за рамки более конфронтационного или даже враждебного подхода. Так называемая зеркальная стратегия «око за око», которой в течение всей торговой войны придерживался Китай, не усугубляла напряженную ситуацию обеих стран. К тому же политика США по отношению к данной стратегии означала «борьбу, но не разрыв».

Что же привело к конфликтной ситуации этих двух стран: США и КНР? Согласно докладу Американского торгового представительства, большая часть торговых споров США с Китаем проистекают из последствий его неполного перехода к свободной рыночной экономике. Так, у американской стороны в этот период президентства Трампа появились претензии: к промышленной политике, которая направлена на поощрение и защиту фирм, государственных предприятий; к недостоверным отчетам о выполнении своих обязательств в рамках ВТО; к манипулированию финансовой политикой и политикой управления обменным курсом; к отсутствию защиты прав интеллектуальной собственности США и к широко распространенным киберкражам.

Все эти положения и ранее вызывали у США многочисленные вопросы, притом что были попытки их разрешить. Вашингтон в какой-то степени нацелен больше не на уменьшение торгового дефицита с Пекином, а на борьбу за экономическое и технологическое превосходство.

Заметим, что, помимо повышения тарифов, руководства, как Китая, так и США, могут использовать другие методы: бойкотировать товары и услуги друг друга; выборочно усиливать «исполнение» своих законов и нормативных актов в отношении иностранных организаций; призывать отечественные фирмы искать поставщиков товаров в других странах. Однако пока правительства стран удерживаются от прямых шагов разрыва с партнером.

Для наиболее полного понимания состояния американо-китайских внешнеэкономических связей на современном этапе и динамики их развития в зависимости от событий, произошедших в 2018 г., необходимо уделить внимание показателям внешнеэкономической деятельности, которые отражают сдвиги в двусторонних хозяйственных отношениях за 2016–2018 гг.

Начнем с того, что в 2017 г. Китай экспортировал в США продукции на сумму 429,758 млрд долл. США (11,5%), а импортировал из США продукции на сумму 153,943 млрд долл. США. В целом общий внешнеторговый оборот Китая и США составил 583,701 млрд долл. США (12,3%) [4]. Несмотря на начало торгового конфликта между этими странами и китайской «зеркальной» политики, показатели внешнеторгового оборота за 2018 г. несколько увеличились и составили: китайский экспорт в США — 478,423 млрд долл. США (11,3%), американский импорт в Китай составил 155,096 млрд долл. США (0,7%), а внешнеторговый оборот — 633,519 млрд долл. США (8,5%) [5]. Следует признать, что на начальном этапе торговый конфликт не повлиял на внешнеторговое взаимодействие этих двух стран, тому подтверждение вышеприведенные цифры. Но уже в 2019 г. в связи с продолжением торговой войны между этими странами экспорт американских товаров в КНР составил всего лишь 122,7 млрд долл. США, в свою очередь, экспорт Китая в США составил 418,5 млрд долл. США, а внешнеторговый оборот — 541,2 млрд долл. США [31]. Таким образом, внешнеторговый оборот по сравнению с предыдущим 2018 г. упал в 1,2 раза. Это и есть результат торгового конфликта этих двух стран.

На сегодня, как нам представляется, можно говорить о некоторых итогах торговой войны. Так, руководству США не удалось сократить дефицит в торговле товарами с Китаем. Тарифная война не вызвала необходимость переноса производства в КНР, при этом количество новых рабочих мест в Соединенных Штатах в 2018 г. по сравнению с 2017 г. сократилось со 170 тыс. до 140 тыс. [30]. Стоит отметить, что торговая война привела к негативным последствиям развития ряда отраслей экономики США, прежде всего это сельское хозяйство, автомобилестроение, авиастроение, нефтяная сфера, а также сказалась и на инвестиционной деятельности обеих стран.

В 2017 г. американские фермеры поставляли 60% своего урожая соевых бобов на китайский рынок. Торговый конфликт способствовал уменьшению этих поставок примерно на 40% в 2018 г., что повлияло на падение цен на эти продукты и привело к убыткам для фермеров, которые компенсировала администрация Трампа из госбюджета (12 млрд долл. США). Что касается нефтяной отрасли, то в 2017 г. КНР импортировал 20% американской нефти, а уже в 2018 г. полностью прекратила покупать их нефть. В итоге за весь 2018 г. импорт Китая американской нефти составил 11% [3].

Если рассматривать инвестиционную деятельность, то стоит отметить, что потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ) КНР в США сократились с 45,6 млрд долл. США в 2016 г. до 29,4 млрд долл. США в 2017 г., а затем до 4,8 млрд долл. США в 2018 г. [27]. Снижение китайских потоков ПИИ в Соединенные Штаты может отражать усилия Пекина по регулированию чрезмерного оттока капитала, а также усиление контроля со стороны администрации Трампа, которая утверждает, что китайское правительство стремится получить американские передовые технологии для достижения целей промышленной политики.

На сегодняшний день между КНР и США подписана первая фаза торгового соглашения (15 января 2020 г.). Как нам представляется, торговый конфликт, тянувшийся полгода, переходит в фазу завершения, в которой, как считают эксперты, победу одержали американцы. Согласно этому соглашению, Китай обязуется предотвращать хищение технологий США и корпоративных тайн китайскими компаниями и государственными структурами, увеличивать расходы на закупку американских товаров на сумму 200 млрд долл. США [3], а также прекратить валютные манипуляции, открыть внутренний рынок и возобновить импорт редкоземельных металлов.

По нашему мнению, победа США в торговом конфликте заключается в том, что все пошлины на китайские товары остаются в силе до тех пор, пока КНР не выполнит все перечисленные выше договоренности. Так, как нам представляется, торговый конфликт вступил в фазу своего завершения, где американская сторона признала Китай сильнейшей экономической и политической державой, равной себе, к которой нужно применять мощные рычаги воздействия для ведения конкурентной борьбы.

Литература

1. Авдокушин Е. Ф. Международные экономические отношения. М. : Юрист, 2013. 368 с.
2. Большаков А. Протекционизм Трампа в сталелитейной отрасли // Внешняя политика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/proteksionizm-trampa-v-staleliteynoy-otrasli/> (дата обращения: 26.03.2020).
3. Виноградов А. О., Зацепенко А. Ю., Сафронова Е. И. США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли [Электронный ресурс] // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-kitay-i-vto-posledstviya-amerikano-kitayskogo-torgovogo-konflikta-dlya-mirovoy-torgovli> (дата обращения: 24.03.2020).
4. Годовой обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Китайской Народной Республики в 2017 г. Торговое представительство Российской Федерации в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/Обзор%20экономики%202017.pdf> (дата обращения: 09.03.2020).
5. Годовой обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Китайской Народной Республики в 2018 г. Торговое представительство Российской Федерации в Китайской Народной Республике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/Обзор%20экономики%202018.pdf> (дата обращения: 19.03.2020).
6. Злобин А. «Крепко поднадавим». Трамп утвердил пошлины на товары из Китая на 50 млрд долл. США // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/363099-krepko-podnadavim-tramp-utverdil-poshliny-na-tovary-iz-kitaya-na-50-mlrd> (дата обращения: 12.02.2020).
7. Кольцов Б. Китай повысил пошлины на 128 наименований товаров из США // Голос Америки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/bk-china-increased-tarifs-on-us-import-/4329135.html> (дата обращения: 27.03.2020).
8. Конференция ООН по торговле и развитию [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx> (дата обращения: 17.03.2020).
9. Коростиков М. Дональд Трамп обвинил КНР в затягивании переговоров 06.05.2019 [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3962129> (дата обращения: 09.03.2020).
10. Косов А. П. Политика США в отношении Китая в 1993–2000 гг. [Электронный ресурс] // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2013. Т. 16. С. 46–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21948750> (дата обращения: 11.01.2020).
11. Кравченко О. Китай введет ответные тарифы в \$60 млрд на импорт американских товаров [Электронный ресурс] // Экономические новости США Marketinfo.pro. URL: <https://marketinfo.pro/news/kitaj-vvedet-otvetnye-tarify-v-60-mlrd-na-import-amerikanskih-tovarov-> (дата обращения: 24.03.2020).
12. Международная классификация нетарифных мер [Электронный ресурс] // ЮНКТАД. Международный валютный фонд. URL: <https://www.imf.org/external/Russian/> (дата обращения: 10.04.2019).
13. Нагорный А. А., Парканский А. Б. США и Китай: экономические и научно-технические аспекты китайской политики Вашингтона. М. : Наука. 1982, 230 с.
14. Национальное бюро статистики КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 22.03.2020).
15. Офис торгового представительства Соединенных Штатов [Электронный ресурс]. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (дата обращения: 12.02.2020).

16. Романова Г. Н. Формирование внешнеэкономических связей Китая в 80-е гг. XX в. [Электронный ресурс] // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. № 3 (56). 2011. С. 113–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-vneshneekonomicheskikh-svyazey-kitaya-v-80-e-gody-xx-veka> (дата обращения 15.03.2020).
17. Тимофеев О. А. Сорокалетие отношений между Китаем и США: подтверждение тенденций [Электронный ресурс] // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. С. 108–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sorokaletie-otnosheniy-mezhdu-kitaem-i-ssha-podtverzhdenie-tendentsiy> (дата обращения: 15.02.2020).
18. Труш С. М. Отношения КНР и США в экономической сфере: двусторонние связи и многосторонние экономические проекты [Электронный ресурс] // Сравнительная политика. 2017. № 8 (3). С. 52–71. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30048713_56661355.pdf (дата обращения: 20.03.2020).
19. Чикаидзе Ц. М., Сурхаева С. Х. Принципы китайско-американских взаимоотношений (кон. 1970-х — нач. 2010-х гг.) [Электронный ресурс] // Серия: История. Политология. 2016. № 1 (222). Выпуск 37. С. 61. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25863943_62591226.pdf (дата обращения: 05.02.2020).
20. 2012 Annual Report to Congress [Электронный ресурс] // United States-China Economic and Security Review Commission. Washington : U. S. Government Printing Office. 2012. URL: <https://www.uscc.gov> (дата обращения: 01.03.2020).
21. Announcement on Imposing Tariffs on Some Goods Originating in the US 17.06.2018 [Электронный ресурс] // MOFCOM. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/201806/20180602757681.shtml> (дата обращения: 20.03.2020).
22. China: Economic Indicators: 1965–1977. Wash., 1977; East-West Trade Update: A Commercial Fact Sheet for U. S. Business. Wash., 1980, P. 15.
23. Hanemann T., Rosen D. H. Trump Heads to China — Is Chinese Investment Still Headed Here? 3.11.2017 [Электронный ресурс] // Rhodium group. URL: <https://rhg.com/research/trump-heads-to-china-is-chinese-investment-still-headed-here/> (дата обращения: 14.03.2020).
24. International Trade Statistics 2010. Geneva, 2010. P. 14; World Trade 2010. Geneva, 2011.
25. Joint Communiqué of the United States of America and the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: <http://www.taiwandocuments.org/communique01.htm> (дата обращения: 12.01.2020).
26. Lawrence S. V. U. S. — China Relations: An Overview of Policy Issues 01.08.2013 [Электронный ресурс] // Congressional research service. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R41108.pdf> (дата обращения: 16.03.2020).
27. Morrison W. M., Labonte M. CRS Report RL34314, China's Holdings of U.S. Securities: Implications for the U.S. Economy. 19.08.2013 [Электронный ресурс] // Congressional research service. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL34314.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).
28. Ni Hongfu. Commentary: China's development deserves market economy status 20.12.2017. [Электронный ресурс] // People's Daily. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/1220/c90000-9306563.html> (дата обращения: 16.03.2020).
29. Remarks by President Trump and President Xi of China in Joint Press Statement. 09.11.2017 [Электронный ресурс] // White house. Beijing. 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-president-xi-china-joint-press-statement-beijing-china/> (дата обращения: 02.03.2020).
30. Reshoring Initiative 2018 Data Report // Reshoring Initiative [Электронный ресурс]. URL: <http://reshorenw.org/blog/reshoring-initiative-2018-data-report/> (дата обращения: 25.03.2020).
31. The Observatory of Economic Complexity. Статистические данные [Электронный ресурс]. URL: <https://oec.world/ru/> (дата обращения: 21.03.2020).
32. USTR Robert Lighthizer Statement on the President's Additional China Trade Action 18.06.2018 [Электронный ресурс] // US trade representative. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/june/ustr-robert-lighthizer-statement-0> (дата обращения: 24.03.2020).

33. Williams R. D. Cyberspace Norms and U. S.-China Relations: Addressing the Challenge of 'China, Inc.+'. 26.02.2018 [Электронный ресурс] // Lawfareblog. URL: <https://www.lawfareblog.com/cyberspace-norms-and-us-china-relations-addressing-challenge-china-inc> (дата обращения: 18.03.2020).
34. 中国今年对美投资将达到300亿美元 [Инвестиции Китая в США в этом году составят \$300 млрд]. 26.09.2016 [Электронный ресурс] // Синьлан цайцзин 新浪财经. URL: <http://finance.sina.com.cn/stock/usstock/c/2016-09-26/doc-ixfwewmc5492575.shtml> (дата обращения: 10.03.2020).
35. 国务院关税税则委员会关于对原产于美国的部分进口商品提高加征关税税率的公告 [Объявление комиссии Госдепартамента по тарифному налогообложению о повышении тарифов на некоторые импортные товары, происходящие из США]. 2019 [Электронный ресурс] // 中华人民共和国财政部 [Министерство финансов КНР]. URL: http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201905/t20190513_3256788.html (дата обращения: 02.03.2020).
36. 王毅谈习近平主席访问芬兰并赴美国举行中美元首会晤 [Г-н Ван говорит о визите председателя Си Цзиньпина в Финляндию, а также о встрече глав государств в США] 09.04.2017 [Электронный ресурс] // 中华人民共和国外交部 版权所有 [Министерство иностранных дел КНР]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1452310.shtml> (дата обращения: 29.02.2020).

Об авторах:

Погодин Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); pogodin56@mail.ru

Ягья Талие Саидовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория» Санкт-Петербургского электротехнического университета (ЛЭТИ) (Санкт-Петербург, Российская Федерация); talie2006@mail.ru

References

1. Avdokushin E. F. Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya. M. : Yurist', 2013. 368 s.
2. Bol'shakov A. Proteksionizm Trampa v staleliteinoi otrasli // Vneshnyaya politika [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/proteksionizm-trampa-v-staleliteynoy-otrasli/> (data obrashcheniya: 26.03.2020).
3. Vinogradov A. O., Zaklepenko A. Yu., Safronova E. I. SShA, Kitai i VTO: posledstviya amerikano-kitaiskogo trgovogo konflikta dlya mirovoi trgovli [Elektronnyi resurs] // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. 2019. № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-kitay-i-vto-posledstviya-amerikano-kitayskogo-torgovogo-konflikta-dlya-mirovoy-torgovli> (data obrashcheniya: 24.03.2020).
4. Godovoi obzor sostoyaniya ekonomiki i osnovnykh napravlenii vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v 2017 g. Torgovoe predstavitel'stvo Rossiiskoi Federatsii v Kitaiskoi Narodnoi Respublike [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/Obzor%20ekonomiki%202017.pdf> (data obrashcheniya: 09.03.2020).
5. Godovoi obzor sostoyaniya ekonomiki i osnovnykh napravlenii vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v 2018 g. Torgovoe predstavitel'stvo Rossiiskoi Federatsii v Kitaiskoi Narodnoi Respublike [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/Obzor%20ekonomiki%202018.pdf> (data obrashcheniya: 19.03.2020).
6. Zlobin A. «Krepko podnadavim». Tramp utverdil poshliny na tovary iz Kitaya na 50 mlrd doll. SShA // Forbes [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/363099-krepko-podnadavim-tramp-utverdil-poshliny-na-tovary-iz-kitaya-na-50-mlrd> (data obrashcheniya: 12.02.2020).
7. Kol'tsov B. Kitai povysil poshliny na 128 naimenovanii tovarov iz SShA // Golos Ameriki [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/bk-china-increased-tariffs-on-us-import-/4329135.html> (data obrashcheniya: 27.03.2020).

8. Konferentsiya OON po trgovle i razvitiyu [Elektronnyi resurs]. URL: <https://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx> (data obrashcheniya: 17.03.2020).
9. Korostikov M. Donal'd Tramp obvinil KNR v zatyagivanii peregovorov 06.05.2019 [Elektronnyi resurs] // Kommersant». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3962129> (data obrashcheniya: 09.03.2020).
10. Kosov A. P. Politika SShA v otnoshenii Kitaya v 1993–2000 gg. [Elektronnyi resurs] // Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova. 2013. T. 16. S. 46–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21948750> (data obrashcheniya: 11.01.2020).
11. Kravchenko O. Kitai vvedet otvetnye tarify v \$60 mlrd na import amerikanskikh tovarov [Elektronnyi resurs] // Ekonomicheskie novosti SShA Marketinfo.pro. URL: <https://marketinfo.pro/news/kitaj-vvedet-otvetnye-tarify-v-60-mlrd-na-import-amerikanskikh-tovarov-> (data obrashcheniya: 24.03.2020).
12. Mezhdunarodnaya klassifikatsiya netarifnykh mer [Elektronnyi resurs] // YuNKTAD. Mezhdunarodnyi valyutnyi fond. URL: <https://www.imf.org/external/Russian/> (data obrashcheniya: 10.04.2019).
13. Nagornyi A. A., Parkanskii A. B. SShA i Kitai: ekonomicheskie i nauchno-tekhnicheskie aspekty kitaiskoi politiki Vashingtona. M. : Nauka. 1982, 230 s.
14. Natsional'noe byuro statistiki KNR [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/> (data obrashcheniya: 22.03.2020).
15. Ofis trgovogo predstavitel'stva Soedinennykh Shtatov [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (data obrashcheniya: 12.02.2020).
16. Romanova G. N. Formirovanie vneshneekonomicheskikh svyazei Kitaya v 80-e gg. XX v. [Elektronnyi resurs] // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. № 3 (56). 2011. S. 113–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-vneshneekonomicheskikh-svyazey-kitaya-v-80-e-gody-xx-veka> (data obrashcheniya: 15.03.2020).
17. Timofeev O. A. Sorokaletie otnoshenii mezhdru Kitaem i SShA: podtverzhdienie tendentsii [Elektronnyi resurs] // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. 2013. S. 108–111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sorokaletie-otnosheniy-mezhdu-kitaem-i-ssha-podtverzhdienie-tendentsiy> (data obrashcheniya: 15.02.2020).
18. Trush S. M. Otnosheniya KNR i SShA v ekonomicheskoi sfere: dvustoronnie svyazi i mnogostoronnie ekonomicheskie proekty [Elektronnyi resurs] // Sravnitel'naya politika. 2017. № 8 (3). S. 52–71. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30048713_56661355.pdf (data obrashcheniya: 20.03.2020).
19. Chikaidze Ts. M., Surkhaeva S. Kh. Printsipy kitaisko-amerikanskikh vzaimootnoshenii (kon. 1970-kh — nach. 2010-kh gg.) [Elektronnyi resurs] // Seriya: Istoriya. Politologiya. 2016. № 1 (222). Vypusk 37. S. 61. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25863943_62591226.pdf (data obrashcheniya: 05.02.2020).
20. 2012 Annual Report to Congress [Elektronnyi resurs] // United States-China Economic and Security Review Commission. Washington : U. S. Government Printing Office. 2012. URL: <https://www.uscc.gov> (data obrashcheniya: 01.03.2020).
21. Announcement on Imposing Tariffs on Some Goods Originating in the US 17.06.2018 [Elektronnyi resurs] // MOFCOM. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/201806/20180602757681.shtml> (data obrashcheniya: 20.03.2020).
22. China: Economic Indicators: 1965–1977. Wash., 1977; East-West Trade Update: A Commercial Fact Sheet for U. S. Business. Wash., 1980. P. 15.
23. Hanemann T., Rosen D. H. Trump Heads to China — Is Chinese Investment Still Headed Here? 3.11.2017 [Elektronnyi resurs] // Rhodium group. URL: <https://rhg.com/research/trump-heads-to-china-is-chinese-investment-still-headed-here/> (data obrashcheniya: 14.03.2020).
24. International Trade Statistics 2010. Geneva, 2010. P. 14; World Trade 2010. Geneva, 2011.
25. Joint Communiqué of the United States of America and the People's Republic of China [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.taiwandocuments.org/communique01.htm> (data obrashcheniya: 12.01.2020).
26. Lawrence S. V. U. S. — China Relations: An Overview of Policy Issues 01.08.2013 [Elektronnyi resurs] // Congressional research service. URL: <https://fas.org/srg/crs/row/R41108.pdf> (data obrashcheniya: 16.03.2020).

27. Morrison W. M., Labonte M. CRS Report RL34314, China's Holdings of U. S. Securities: Implications for the U. S. Economy. 19.08.2013 [Elektronnyi resurs] // Congressional research service. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL34314.pdf> (data obrashcheniya: 24.03.2020).
28. Ni Hongfu. Commentary: China's development deserves market economy status 20.12.2017. [Elektronnyi resurs] // People's Daily. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/1220/c90000-9306563.html> (data obrashcheniya: 16.03.2020).
29. Remarks by President Trump and President Xi of China in Joint Press Statement. 09.11.2017 [Elektronnyi resurs] // White house. Beijing. 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-president-xi-china-joint-press-statement-beijing-china/> (data obrashcheniya: 02.03.2020).
30. Reshoring Initiative 2018 Data Report // Reshoring Initiative [Elektronnyi resurs]. URL: <http://reshorenw.org/blog/reshoring-initiative-2018-data-report/> (data obrashcheniya: 25.03.2020).
31. The Observatory of Economic Complexity. Statisticheskie dannye [Elektronnyi resurs]. URL: <https://oec.world/ru/> (data obrashcheniya: 21.03.2020).
32. USTR Robert Lighthizer Statement on the President's Additional China Trade Action 18.06.2018 [Elektronnyi resurs] // US trade representative. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/june/ustr-robert-lighthizer-statement-0> (data obrashcheniya: 24.03.2020).
33. Williams R. D. Cyberspace Norms and U. S.-China Relations: Addressing the Challenge of 'China, Inc.+'. 26.02.2018 [Elektronnyi resurs] // Lawfareblog. URL: <https://www.lawfareblog.com/cyberspace-norms-and-us-china-relations-addressing-challenge-china-inc> (data obrashcheniya: 18.03.2020).
34. 中国今年对美投资将达到300亿美元 [Investitsii Kitaya v SShA v etom godu sostavyat \$300 mlrd]. 26.09.2016 [Elektronnyi resurs] // Sin'lan tsaitszin 新浪财经. URL: <http://finance.sina.com.cn/stock/usstock/c/2016-09-26/doc-ifyxwevmc5492575.shtml> (data obrashcheniya: 10.03.2020).
35. 国务院关税税则委员会关于对原产于美国的部分进口商品提高加征关税税率的公告 [Ob'yavlenie komissii Gosdepartamenta po tarifnomu nalogoblozheniyu o povyshenii tarifov na nekotorye importnye tovary, proiskhodyashchie iz SShA]. 2019 [Elektronnyi resurs] // 中华人民共和国财政部 [Ministerstvo finansov KNR]. URL: http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201905/t20190513_3256788.html (data obrashcheniya: 02.03.2020).
36. 王毅谈习近平主席访问芬兰并赴美国举行中美元首会晤 [G-n Van govorit o vizite predsdatelya Si Tszin'pina v Finlyandiyu, a takzhe o vstreche glav gosudarstv v SShA] 09.04.2017 [Elektronnyi resurs] // 中华人民共和国外交部 版权所有 [Ministerstvo inostrannykh del KNR]. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1452310.shtml> (data obrashcheniya: 29.02.2020).

About the authors:

Sergey N. Pogodin, Director of the Higher School of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Historical Sciences, Professor: pogodin56@mail.ru

Talie S. Yagya, Associate Professor, Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI" (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD of Economical Sciences; talie2006@mail.ru

The Impact of Regionalization on Eurasian Integration: Economic and Political Factors

Khodor Shatila*, Marina Alozian

Sagesse University, Lebanon, Beirut; * shatilakhodor@gmail.com

ABSTRACT

This article discusses the legal aspects of regional integration processes in Eurasia. It argues that these processes are driven by both political and economic factors, which in particular include the desire on the international stage of a number of post-Soviet nations for regional peace and security as well as to create a greater and more effective economic system. It is often claimed that in the sense of two different yet strongly linked international organizations – with the same similar composition – the Collective Security Treaty Organisation (CSTO) and the EurAsEC, officially turning into the Eurasian Economic Union, united Eurasia is hierarchical. The article then provides the history to CSTO and EurAsEC and discusses how they are to be combined. It also discusses the structural structure of these relationships and describes their goals, values, and main collaboration zones. Finally, the paper contains closing remarks aimed at highlighting problems and assessing opportunities for incorporation processes in Eurasia.

Keywords: Commonwealth of Independent States (CIS), Collective Security Treaty Organisation (CSTO), Eurasian Economic Community (EurAsEC), Eurasian Economic Union (EEU), Russia, Kazakhstan, Eurasia, regional integration, collective security

For citing: Khodor Sh., Alozian M. The Impact of Regionalization on Eurasian Integration: Economic and Political Factors // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 39–51.

Влияние регионализации на евразийскую интеграцию: экономические и политические факторы

Ходор Ш.*, Алозян М.

Sagesse University, Ливан, Бейрут; * shatilakhodor@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются правовые аспекты региональных интеграционных процессов в Евразии. Утверждается, что эти процессы обусловлены как политическими, так и экономическими факторами, которые, в частности, включают стремление ряда постсоветских стран на международной арене к региональному миру и безопасности, а также к созданию более масштабной и эффективной экономической системы. Часто утверждают, что относительно двух разных, но тесно связанных между собой международных организаций со схожим составом — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и ЕврАзЭС, официально формирующих Евразийский экономический союз, единая Евразия является иерархической. В статье рассматривается история ОДКБ и ЕврАзЭС и возможность их объединения. Также обсуждается организационная структура данных отношений и описываются их цели, ценности и основные зоны сотрудничества. В статье содержатся заключительные замечания, направленные на выявление проблем и оценку возможностей для процессов объединения в Евразии.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Россия, Казахстан, Евразия, региональная интеграция, коллективная безопасность

Для цитирования: Ходор Ш., Алозян М. Влияние регионализации на евразийскую интеграцию: экономические и политические факторы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 39–51.

Introduction

The regionalisation development is one of the most spectacular phenomena in modern global relations. Its main aim is to safeguard the political and economic interests of the Member States and to reflect globalization as well as to provide its response, the push towards regionalization, i. e. the process of forming regional integration groups, concurrent all over the world. Another main feature of such groups is that they are formed within certain areas, i. e. cohesive areas of the world, and have a certain degree of unity in international relations, which is a part of the international system. The groupings (as well as regions) are built and deconstructed through interactions between players of the international system. In addition, their creation reflects the ongoing transformation of the international system.

Currently Eurasia, which can include a substantial number of former Republics of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR), is one of the major reconstructive areas. The current situation in that area is characterized fully in accordance with contemporary trends in global relations by the development of the regional integration processes. This paper intends to provide a summary of how these systems are created, to demonstrate their issues and their perspectives.

Background of Integration Processes in Eurasia (Commonwealth of Independent States)

Some of the most important global developments of the twentieth century — the fall of the USSR — has indicated a rise in regionalization processes in recent decades. Notwithstanding judicial separation the successor countries of the Soviet Union share several common problems, as there have been numerous political and unprecedented challenges in the collapse of the Socialist System in Modern history. As a consequence, solutions were required to build new architectures in post-Soviet peace and security, and to synchronize the transition to a market economy and the Minsk Agreement, concluded on 8 December 1991 by Belarus, Russia and Ukraine, also declared the Commonwealth of Independent States (CIS) creation, which also involves Armenia, Azerbaijan, Kazakhstan, Moldova, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, and on 21 December 1991. It was concluded.

However, from the very beginning, CIS functioning has been characterized by a fundamental disagreement of its members with respect to their organizations which can be confirmed by reviewing, in the following two major CIS objectives, the wording of the Minsk Agreement.

First, CIS members agreed to “support and maintain united-commanded a common military-strategic space, including unified controls on nuclear weapons” (which was obviously Russia’s will), but there was a special agreement on the process of creating this space (a condition that reflected in particular the interests of the Ukraine).

Second, CIS members committed themselves to this. However, the Parties of the Agreement could not agree on the quintessence of the intended common market, given the importance of integration processes. While Russia wanted to establish an independent union within a strong (Eurasian) confederate union, Ukraine was pursuing a course in the European Single Market.

There was no way over the profound divergence of interests among these countries, which is the main reason why the objective of creating the ‘common European and Eurasian markets’ were contentious but (provisionally) mutually acceptable.

Russia needed the CIS to become a strong decision-making body, and it sought to (re)integrate the post-Soviet zone both politically and economically. However, Russian efforts to transform the CIS, along the lines of the Soviet Union, into a single effective bloc, were not successful.

The original attempts to set up a “joint army,” and to retain the same currency have collapsed, as the formation of their own military forces and the adoption of national currencies are perceived to be crucial in consolidating the newly (re)established statehood in all post-Soviet countries (including Russia).

Yet on 15 May 1992 the CST, which was joined by Azerbaijan, Belarus, Georgia at its entry into force (20 April 1994), was adopted in Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan, and Uzbekistan.

But the effort to include all CIS countries in one joint defense bloc failed as it was vetoed by Moldova, Turkmenistan, and Ukraine. In addition to that, Turkmenistan (which called for absolute neutrality) and Ukraine (which led the way towards Euro-Atlantic integration) refused to ratify the 22 January CIS Charter.

In 1993 a multi-use regional organization was envisaged based on a close cooperation between its members, in both military and economic fields.

Global convergence attempts on a new framework for the international economy resulted in the introduction, on 24 September 1993, of the CIS Economic Union Treaty, aiming for a democratic creation of a free trade area (FTA), a customs union, a single business union, and then economic and monetary unions. Although on 15 April 1994 an FTA Agreement (as the first step towards the Economic Union) was signed, this document remained ineffective as Russia refused to ratify it. For Moscow, the FTA establishment with post-Soviet countries made sense only as an inseparable part of the CIS Economic Union. Since it subsequently failed to persuade Ukraine to be a part of this Union (and thus to abandon its ambitions towards integration into the EU and NATO), Russia had little interest to open up its market and to supply its energy-carriers to Ukraine at its domestic prices.

By 1995, it was clear that the creation of a single “geopolitical space” encompassing the entire CIS was not possible soon due to fundamental disagreements between its Member States over the purpose of their organisation. One camp, led by Russia (and supported primarily by Belarus and Kazakhstan), envisaged the CIS as a vehicle for closer military-political and economic integration, while another camp, composed in particular of Azerbaijan, Georgia, Moldova and Ukraine, visualized the CIS as a transitional organisation intended to prepare the individual republics for complete independence.

While the first camp strove to create a system of collective security and an economic union, the second camp was interested in creating merely a free trade system and brushed away any plans to enter any military-political alliances.

As a result, the CIS has become merely a loose intergovernmental organisation for broad regional-political discussions and economic co-operation aiming at the creation of an FTA, while advanced integration processes started to be pursued within different camps and groupings. Among those groupings, two organisations are of particular interest: the CSTO and the EurAsEC, which in our opinion constitute de facto a single structure.

Formation and Consolidating Factors of the Eurasian Alliance

Initial Phase

With the ending of CIS integration processes in failure, efforts in the second half of the 1990s were made among those CIS countries which were willing to establish an effective collective security block and integrate their economies into an economic union. Belarus and Russia then entered into an Agreement on Customs Union on 6 January 1995 with a view to stronger political and economic ties. Kazakhstan joined this coalition on 20 January 1995 and Kyrgyzstan on 29 March 1996. This partnership represents the willingness of the countries' political leaders to enhance their influence amid a prolonged economic downturn. This community is named Customs Union.

Anyway, given four states' different economic policies and substantial discrepancies over trade policy with other countries, it was clear that the goals of the Customs Union were unrealistic in the short term. As a result, both leaders of the coalition saw that defensive obstacles against each other were the only possible response against their problems during the Russian financial crisis of August 1998.

The Eurasian alliance did not take measures to establish the CIS collective protection structure and solve various foreign problems in the post-Soviet zone due to the horrible economic condition (in particular, in Abkhazia, Nagorny Karabakh and South Ossetia). Those who took part in the CST, Azerbaijan, Georgia and Uzbekistan, agreed not to continue this initiative at its expiry in April 1999. The same month, these three

States joined Ukraine and Moldova as an alternative to the emerging Eurasian alliance, forming an organization called GUUAM.

Establishment

The Eurasian Alliance's challenging time, however, did not force its leaders to leave it. On the contrary, they have all shown interest in strengthening their organisation, and even succeeded in attracting new members. On 26 February 1999, the framework treaty on Customs Union (SES) was signed by Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Russia, along with Tajikistan (the Five), with the intention of establishing a customs union and, after that, a SES.

Soon thereafter, on 2 April 1999, the Taliban powers in Afghanistan invaded the Tajikistan frontier in 2000, and all CST States Parties vowed to protect the nation of Tajikistan and to create a joint rapid response force to assist all endangered member countries, which would then be expanded by the Five and Armenia for a further five-year period.

The Treaty on the Eurasian Economic System was ratified by the Five on 10 October 2000. The formation of a single market explicitly demanded that the institutional structure of the recently established partnership be reinforced. Therefore, this Treaty, containing just 20 chapters, primarily sought to attach some new elements to the legal status and decision-making of the alliance in addition to previous agreements (particularly the Convention on Customs Union and the SES, 1999).

Meanwhile, the post-11 September 2001 US-led War on Terror has had significant consequences for national defense growth in Eurasia. The CST parties, with their support in the international anti-terrorist campaign, stepped up efforts to develop their group into a corner stone of the regional security system. The Five and Armenia then agreed to develop their relations on 7 October 2002 and set up an independent, inclusive association CSTO.

The establishment of EurAsEC and CSTO came during a favorable economic condition (increasing prices for oil and raw materials) in Eurasian countries (Russia and Kazakhstan), which enabled them to accumulate considerable financial reserves.

Moreover, they began, after the turn of the millennium, gradually to consider how sustainable and consistent economic growth outside natural resources could be achieved, whilst a further common denominator had been the intention to establish a common collective security system (especially to combat terrorism). Therefore, they have begun an institutionalizing cycle, generating impetus for greater integration.

Unlike the CIS, the EurAsEC and CSTO had clear legal capacity to fulfill their functioning and objectives (25). Thus, two regional organizations emerged in Eurasia at the beginning of the new century that were almost identical in membership and pursued the objective of concluding international treaties.

Membership and Consolidating Factors

Despite several setbacks in the 1990s, Russia continues to be one of the global powers and is keen to maintain and expand its economic and political influence. Moscow sees the formation of a single Eurasian coalition as a means of reinforcing its grip on post-Soviet countries and improving its bargaining role in foreign affairs. Russia is thus the main and guiding power behind both the CSTO (which consists of six nations — Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia and Tajikistan) and EurAsEC (with the exception of Armenia). Russia tried to engage another country, Uzbekistan. The Kremlin (unlike the EU and the USA) declined to condemn Tashkent and gave it more comprehensive political and economic collaboration after the Andijan case in 2005 on a demographic basis, the largest nation in Central Asia. Consequently, by leaving the Eurasian coalition, Uzbekistan split from the GUUAM in January 2006 and was replaced by the CSTO in June 2006, all of which replaced the EurAsEC.

However, Uzbekistan has agreed in November 2008 and CSTO in June 2012 to suspend its membership of the EurAsEC, owing to increasing integration processes in Eurasia in the last few years and the steady change in Western ties.

The idea of a strong Eurasian alliance is supported by all these countries (especially Belarus and Kazakhstan but also Kyrgyzstan, Tajikistan and Armenia). They share Russia's views on assessing geopolitical challenges (especially NATO expansion, the growth of Islamic fundamentalism, and China's rise) and concentrate on the restoration and preservation of conventional economic ties within the former Soviet Union. Moreover, Russia, Belarus and the bulk of Central Asian countries have identical centralized authoritarian (semi-) systems focused on controlled national elections, under which authority is centralized in the hands of the respective leaders.

The leaders of these countries consider the Eurasian alliance as a simple and effective mechanism to legitimize their regimes through political stability and sustained economic development. It should also be noted that the Eurasian Alliance's uniting factors consist in similar social and cultural traditions, as all these countries share a common historical background and a common Russian lingua franca.

Armenia is Russia's conventional partner. It is in a (now frozen) conflict over Nagorno-Karabakh with Azerbaijan and is keen to take part in the CSTO in a vital way. Armenia had been reluctant for a long time to join EurAsEC claiming it has no direct customs frontiers with other alliance members. Another explanation was that a large part of the polycentric Armenian bourgeoisie needed their nation to seek European integration. Yet Armenia agreed to ink an EU Partnership Agreement in September 2013 and chose to join the new Eurasian Economic Union.

Belarus (like Russia) is very susceptible to NATO expansion in recent decade and supports a 'multipolar world'. Belarus is also a part to Soviet heritage with a significant number of manufacturing industries, which rely heavily on raw materials and which demand Eurasian markets (various defense companies) from Russia (and other Eurasian countries). Consequently, Belarus initiated the most ambitious unification project in the post-Soviet world to this day, with its official goal of establishing a joint military forces (that exists with both national armies of both countries) and a shared currency, the Belarusian-Russian quasi-federation union, named the Sojuznoe gosudarstvo, the «Unity state.» However, this initiative became almost frozen with the transition in Russian leadership by the turn of the millennium, with all unification proposals in the Eurasian alliance system being introduced.

The Central Asian countries Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan are (like Uzbekistan) directly threatened by the expansion of Islamic fundamentalism (especially from Afghanistan), and therefore are interested in co-operating closely with Russia in combating a broad range of border security issues, including illegal migration, drug and weapons trafficking and terrorism. Along with anti-terrorism, major consolidating factors were also fears of civil resistance and internal revolutions as well as the US-led democracy enforcement campaigns in the mold of Afghanistan and Iraq.

In addition, these countries are interested in co-operating within the framework of the CSTO, as it provides the possibility to purchase Russian weapons and military equipment on favorable terms (in turn, Russia itself strongly encourages this reliance on its weapons since it promotes its military industries and consolidates the CSTO by harmonizing military equipment and tactics). Even if the countries in Central Asia were attempting to establish integration projects between themselves, through the development in 1994 of the Central Asian Economic Community that became the Central Asian Cooperation Organization (CACO) in 2002.

Such attempts have been ineffective, especially because the economies of Central Asia never formed a single autonomous structure. Kazakhstan has a 6,846-kilometer long border with Russia (the world's longest continuous border) and a significant share of the Russian-speaking population. As one of the world's major oil producers, however, it is anxious to diversify its economy and thus gain access to large markets. The countries with mainly agricultural economies are Kyrgyzstan and Tajikistan (as is Uzbekistan). They strive for freedom of travel, not just in terms of commodities but also primarily in terms of ample workers' capital, to promote unification in Eurasia.

Major Areas of Co-operation within the Eurasian Alliance

The Eurasian alliance has two main areas of cooperation fully in line with its two pillars: (1) establishing a system of collective security under the CSTO, and (2) creating a single economic area within the EurAsEC.

Eurasian Collective Security System

The CSTO's quintessence is to construct and maintain an effective system of collective security (that is, a political arrangement by which states agree to take collective action against an outside party that acts as an aggressor). In other terms, the CSTO (and particularly its major force Russia) is not dedicated to the principle of multiple polarity, i.e. a fairly equitable division of control through a variety of world players, as compared to efforts to create hegemony over one (or the other). The CSTO seeks to maintain not only stability and protection in Eurasia but at establishing a 'joyous world order'.

With regard to the operation of a collective security system, CSTO members agreed to coordinate both their militiamen (through the establishment of regional armed groups), as well as their foreign and security (through consultations on all major international issues and security) policies. In return, all CSTO members undertook not to join or participate in military alliances to any other State party not to enter into international treaties inconsistent with the treaties adopted in the CSTO and not to allow armed forces and military establishments of third states to be stationed in their own countries.

But it is also clear that, for close cooperation in military and security issues, the CSTO Member States (except for Russia) have different interests. As a result, the CSTO consists virtually of three distinct collective security systems (Eastern Europe, Caucasian and Regional Asian) with a primarily interest in pursuing specific (mostly local) goals.

Most of them still share the fear that over the last decade, Georgia, Ukraine and Kyrgyzstan have been rocking through "color revolutions." It is very indicative that a joint CSTO peacekeeping force was established in October 2007, following a series of successful and tentative government overthrows in the CIS countries. In theory, this force can be deployed throughout the world under a mandate from the United Nations; but it is evident that this move was intended primarily to establish the monopoly on 'the maintenance' of the CSTO within and even in the entire CIS.

In addition, in February 2009 the Collective Rapid Reaction Force (CRRF) of up to 200 000 soldiers was established, with the objective of repelling military assault, performing anti-terrorism operations, and even neutralizing the effects of natural disaster. In this respect, it should be noted that the Charter of the CSTO does not contain provisions on people's democratic will or on human rights protection. The quick reaction (or peacekeeping) CSTO forces are most likely to be used to guarantee stability in the CSTO member States' territories.

Regarding foreign and security policy coordination, CSTO is struggling to damage its members' positions on global and international trends and to cooperate closely with other States and intergovernmental organisations, especially issues related to the fight against international terror and extremism, arms and drug trafficking, cross-border illegal immigration and transnational organized crime. The CSTO has therefore been a productive relationship with the U.N. In order to develop a unified frontier control and migration policy, it works closely with EurAsEC on many matters such as harmonization and unification of national laws governing frontier and visa policy in the area of the common security as well as the economic area. The dynamic relations are also an essential component of the creation.

At the same time, despite repeated attempts the CSTO was not able to formalize relations with NATO and the OSCE, as those organisations have been reluctant so far to conclude any agreements with the CSTO, fearing that such a step would seal Russian dominance on the post-Soviet area.

Instead, those organisations have focused on direct co-operation with the CSTO's individual members, not least of all because many of those members consider collaboration with NATO and OSCE as an integral component of their foreign and security policy. Even though during the recent crisis in Ukraine the CSTO Secretariat announced that it would halt its contacts with NATO and instead strengthen co-operation with the SCO, it is doubtful that all CSTO members will unequivocally follow Russia in freezing relations with the West.

Unlike the Warsaw Treaty Organisation, the CSTO is not fastened together by ideological bonds and its members are free to withdraw from the organisation and to pursue their own foreign and security policies. This flexibility is certainly another reason (along with the pro-claimed goals of combating terrorism and drug

trafficking, the threat of Islamic fundamentalism, fear of “color revolutions”, perceived NATO interference and belief in Russia as an effective counterbalance) why the CSTO will be of value for its Member States as an organisation capable of addressing both external and internal threats and guaranteeing their sovereignty. In addition, CSTO has on several occasions over recent years reiterating its pledge to improve its military capability before the withdrawal from Afghanistan of the NATO-led security mission in 2014, as there is important explanation why Islamic extremists fear that their presence in the area might be increased.

Eurasian Economic Space

The EurAsEC was designed with the following two main objectives: 1) to create a customs union between its Member States and 2) to establish a SES based on the customs union. As it is obvious, a customs union was never considered a final objective but a prerequisite for a SES. International experience actually shows that the customs union’s operation is not sufficient to fully ensure the free flow of goods and all its concurrent products and logically leads to the elimination of restraints on the movement within, and hence to the creation of a common market, of the so-called production factors (labor, services and capital). In achieving these goals, the Eurasian states pledged to build their relations on principles of mutual advantage, good will, equality, transparency and accountability.

As in international practice, EurAsEC members decided to fully liberalize trade (through the establishment of an effective FTA) and subsequently to establish a common set of tariffs barriers against the rest of the world by pursuing the development of the customs union. However, there was no reason for hope in the initial production of EurAsEC. Although the members of the EurAsEC could agree to remove most tariffs and quotas in mutual trade in goods (thus establishing an effective FTA), they could not progress towards harmonizing their Foreign Commerce Policy with third countries.

The main reason for this inability was that the consolidation of their national state ships and the resolution of many economic transition problems were of concern to every Eurasian country. They had chosen various political and economic paths in the establishment of their new states and as a result, their business regimes were incompatible.

Note also that the collapse of the USSR has led to an unprecedented economic recession and a significant decline in trade between the post-Soviet republics. Consequently, the CIS countries share of the Russian foreign trade, and Russia also loses its leading position in trade with most of the CIS countries.

Consider that the Eurasian integration is not a business project but an economic one, and the EurAsEC constitutes an economic complement to the CSTO. The Eurasian integration is an economic complement.

Furthermore, the Eurasian Alliance is defined by Russian domination, creating considerable difficulties in achieving a mutually reasonable equilibrium among Eurasian countries, ensuring that successful supranational structures are established while simultaneously ensuring that EurAsEC leaders have a supreme interest. In addition, Russia (like all other Eurasian countries), the leading Member of the Alliance, was subject to significant economic challenges and thus unwilling to move integration processes further (and thus embrace very costly obligations).

The situation, nonetheless, started to change by 2003 with Russia (and Kazakhstan) embarking on the course of achieving a sustained increase in national income outside the extractive sector and taking advantage of the rising oil and other commodities (as well as market-economy-measurement reforms and inflow of foreign investment). The Kremlin then began to pursue Ukraine’s entrance into EurAsEC, a move which would not only further extend the Eurasian alliance but also bring about a more appropriate power structure (thus raising the likelihood of forming supranational bodies).

As a result, on 19 September 2003 Belarus, Kazakhstan, Russia and Ukraine concluded the SES Agreement, which foresees, on the one hand, that each State party would select a desired integration level (from FTAs to a common market) in its own right but on the other hand clearly aims to create the SES as its ultimate objective. The Agreement presented Ukraine with substantial changes representing a major change in Russia’s integration

policy, which was now capable and ready to make financial obligations to enable the other CIS countries to push towards their unification initiative and thus to expand the borders of the Eurasian market. However, the SES' incompatibility with the country's strategic goal of integrating itself into Euro-Atlantic structures, pro-Western movements in Ukraine have declared after the Orange Revolution.

Although the integration project was frozen with Ukraine, Belarus, Kazakhstan and Russia decided to proceed in the EurAsEC format. But it was evident that less developed EurAsEC members were not yet ready for deep processes of integration (mostly on economic grounds). Although in June 2005 Kazakhstan and Russia set up the Eurasian Development Bank to fund shared projects with neighboring countries, this move obviously was not enough, to remove the huge heterogeneity among Eurasian countries.

It was decided by EurAsEC members in August 2006 and formalized on 6 October 2007, which led to the idea that three advanced members, Belarus, Kazakhstan and Russia, would create a trilateral solution. The Solution was founded in August 2006.

TOMS Union68, whilst the other leaders are taking measures towards liberalizing their trading laws and / or increasing their economic performance, and then entering the Customs Union, as far as feasible. Moreover, Belarus, Kazakhstan and Russia are committed to establishing a supranational body (the Commission) and enabling the Customs Union to become effective by 2010, the first time the customs union is finished on time. Throughout the EurAsEC, the so-called Tamozennyi Soyuz, the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia have therefore effectively formed a sub-organization.

On 27 November 2009, the Three signed a package of documents (the most important among them – the common Customs Code), which came into force on 1 January 2010 and unified the rules for customs controls applied to goods originating in third countries (i. e. establishing common external tariffs).

The next step was taken on 1 July 2010, when customs controls at the internal customs borders were eliminated and the process of creating the Customs Union was effectively completed.

The formation of a customs union was regarded as the first step towards the establishment of a SES right from the start of integration processes in Eurasia. In fact, already on 19 December 2009 (on the eve of launching the Customs Union) the Three adopted an Action Plan for 2010– 2011 envisioning the creation of a SES within the next two years. Consequently, on 1 January 2012 the establishment of the Edinoe Ekonomicheskoye Prostranstvo (SES) was officially proclaimed.

The Presidents of Belarus, Kazakhstan and Russia decided on 19 December 2011 to rearrange EurAsEC to the Eurasian Economic Union (Eurasian Economic Union) by 2015 and encouraged the other members of EurAsEC (Kyrgyzstan and Tajikistan) and EurAsEC observers (Armenia, Moldova and Ukraine) to begin the process of becoming a new EU part. Russia has tried to get Ukraine involved in the Eurasian Economic Union. The Kremlin intensified its efforts to persuade the Ukrainian leadership to embark upon integration projects led by Moscow, after the defeat of the pro-western candidates in 2010.

However, Kiev finally turned west after the Maidan Revolution (2013– 2014) and its subsequent confrontation with Russia. Moldova took the lead and openly declared its aspiration to the Europe. The third party signed on 29 May 2014 the Treaty on Eurasian Economic Union that will enter into force on 1 January 2015 expressed its intention to join Kyrgyzstan and Tajikistan.

Institutional Framework of the Eurasian Alliance

Both CSTO and EurAsEC/EU have the institutional structure of legislative, parliamentary, representative and administrative bodies (in addition, EurAsEC has its own specialist judicial body). While CSTO structures are established and completely structured in compliance with concepts of intergovernmental collaboration, there is also an emerging and well-defined institutional system for EurAsEC / EU.

Supreme Bodies

The institutional framework of both CSTO and EurAsEC is entirely dominated by their respective supreme bodies (the Collective Security Council at CSTO, the Interstate Council of EurAsEC and the Supreme Eurasian

Economic Council (SEEC) at the EE, reflective of the constitutional structures of the Member States (all republics with strong Presidents).

The SEEC and ICC may also meet on government level (at least twice a year); they shall decide, in accordance with the direction provided by the Heads of State, important (mostly economic) issues by consensus. The SEEC is apparently to replace the IC after the full implementation of the EEU (which replaces the EurAsEC).

Executive Bodies

Because of the CSTO problems, the administrative bodies include: the Foreign Ministers' Council, the Ministers' Council, the Group of National Security Council Secretaries and the Permanent Council (a permanent group of Member States' representatives). Their actions are supported by various working bodies (such as the Joint Staff of the CSTO; the Committee on Military and Economic Cooperation; the Council on the fight against Illegal Migration; and the Council on Emergency Related Migration) and the CSC decisions are taken through consensus to implement the CSC decisions.

The EurAsEC executive body is the Integration Committee, which consists of Deputy Heads of State and meets every three months. In its activities, 20 auxiliary bodies (diversely composed of ministers and heads of different agencies) and the Committee of Permanent Representatives are assisted (a standing body composed of member states' they are responsible for preparing proposals for the IC and for monitor the IC decisions implementation. The Integration Committee and the Permanent Representative Commission can both decide on two thirds by 'weighted vote'. However, both institutions' decisions simply have a recommended nature.

With a binding majority of two thirds (by which Russia had 50 votes while Belarus and Kazakhstan 21.5 votes respectively), the Three created a Commission on 6 October 2007 under the Customs Union of Belarus, Kazakhstan and Russia. Although if one of the parties were not able to acknowledge the Commission's ruling, it may refer the matter to the supreme body (and thus demand that decisions on this issue be made by consent). In addition, a request to review any decisions of the Commission could be made by any party to the superior body.

Nonetheless, the Three created a new Committee, the Eurasian Economic Commission on 18 November 2011, which could take binding and directly applicable decisions and consists by two houses: the Council and the Board. Nine members are members of the Board (The SEEC can take decisions by a two-thirds majority (three from each Member State) appointed for a four-year term by the SEEC (meeting at Head of State level).

The Board is responsible for making proposals to the Council for the purpose of integration and the implementation of the SEEC and Council's decisions, and the monitoring of the agreements implementation underlying the Customs Union and the SE. Then, each of the representatives of the Council can disagree with the Board's decision and submit it to the SEEC (and therefore send it to a consensus for the adoption of that decision). The Council alone can initiate the proceedings before the EurAsEC Court against Member States which do not comply with their obligations under the agreements that underlie the Customs Union and the SES.

Consequently, the Eurasian Economic Commission is currently not a functional equal to the EU Commission. The Council may submit proposals (in particular, draft international agreements). But it is obvious that the Eurasian countries have tried to establish an agency that would effectively guard the treaties and agendas of the USA. The nature of a SES involves the transformation into a fully supranational entity of the Eurasian Economic Commission and this development would certainly decide if SES is viable and if the EU will be transformed into a true organisation.

Administrative Bodies

Both EurAsEC and CSTO are permanently secretarial. They are headed by Secretaries-General who are named for a three-year period by the respective supreme bodies (for EurAsEC it shall be achieved on a recommendation from the Committee for Integration). Both the Secretaries General and the staff of the Secretariats (as the plenipotentiary of state party representatives both organisations and employees of the working bodies) are generally accepted in international practice to have broad diplomatic immunities.

Dispute-Settlement Bodies

Unlike the CSTO, where the CSC is the only institution that can deal with disputes between Member States (if those disputes could not be settled through negotiation) a Court composed by two judges from each Member State appointed to the Parliamentary Assembly on a request from the Interstate Council for a mandate shall be the institutional framework of EurAsEC. Main Court's tasks: (1) to ensure unitary adherence of the Member States to the whole EurAsEC treaty and decision-making of the EurAsEC bodies; and (2) to resolve disagreements on matters related to the enforcement of EurAsEC treaties and decisions of a 'material essence' between Member States.

On 27 April 2003, the Court introduced its first Statute. The Court has had automatic authority in respect of cases made by State Parties to the Trial, in accordance with the CIS (the CIS Economic Court), but unlike the former Trial (the rulings of which are of only a Recommendable Character) the Court's judgments will be enforced, by its national constitutional arrangements, by the Member States Parties for three months.

Nevertheless, the EurAsEC representatives did not decide on the entry into force of the Statute; the EurAsEC Court duties were thereby automatically transferred to the CIS Economic Court.

With the aid of the unification processes in Eurasia, the situation started to improve. The EurAsEC representatives adopted a new, significantly modified Statute on 5 July 2010.

Owed the Court to assess (within the Customs union) not only the acts of States parties but also the institutions of EurAsEC and, more specifically, the economic agencies of the Member States of the Customs Union. The EurAsEC Court began working on 1 January 2012 and released its first decision on 12 September 2012.

Representative Bodies

Both the CSTO and EurAsEC have their parliamentary assemblies, which perform representative functions and which, through drafting Framework Legislation and Model Legislation, work on harmonization of national legislation in the Member States.

The parliamentary assembly of the CSTO comprises parliamentary delegations of Member States, like the analogous body that is existing within the CIS framework. The parliamentary assembly of EurAsEC shall be composed of representatives from the national parliaments of the Member States (the 28 delegates of Russia, 14 from Belarus, Kazakhstan and Uzbekistan, and 7 from Tajikistan). Each delegation shall vote on the decision-making process and all decisions shall be taken through agreement. Every delegation shall be composed of a representative delegation. Two-three plurality decisions are accepted by the Congress. However, the Bureau, which comprises delegations of the Member States and governs by agreement, formulates the agenda.

However, with the formation of the Eurasian Economic Commission and the EurAsEC Trial, Kazakhstan and Belarus are currently opposed to the notion that a reform in EurAsEC Parliamentary Assembly would weaken their national sovereignty and maintain that advanced integration would weaken them.

Problems and Perspectives of Integration Processes in Eurasia

The international community is currently observing Eurasia's development as one of the new geopolitical centers in the world. This procedure comes from the political as well as economic factors including the desire for regional peace and security to be stabilized and an economic structure which would strengthen its power and influence on the international stage, especially in a number of post-Soviet countries. The method of creating a united Eurasia therefore takes place in the context of two separate but strongly linked coalitions, with a virtually similar membership: the CSTO and EurAsEC (now the USA).

The CSTO aims to create an efficient system of collective security that will entail a close and comprehensive alliance that will coordinate external and defense policy and will harmonize their efforts to combat international terrorism, extremism, or organized transnational crime, illegal migration and other security threats to its Member States. The CSTO, however, today mainly has different interests in closely cooperating on military and security issues in its Member States (except Russia). The CSTO comprises of three very distinct mutual defense

subsystems (Belarus — Russia, Armenia — Russia, and Central Asia — Russia). In this respect it is obvious, that the only effective method of CSTO consolidation is by uniting the national economies of Eurasian countries into a strong economic alliance. If we look at the European expertise, where the integration processes were driven by precisely the economic component, we can assume that the creation of the united Eurasia will depend substantially on progress towards an EEU.

The economic pillar of the Eurasian Alliance is endowed with certain elements of supranationalism, as opposed to the CSTO (the military-political pillar of the Eurasian Alliance), which bases itself entirely on the principle of intergovernmental cooperation. The creation of the Eurasian Economic Commission and the EurAsEC Court are particularly noteworthy in this respect. The formation of such bodies shows that the Eurasian states may theoretically diverge from their strict adherence to the concept of sovereign independence and turn into a supranational body (which, through progress towards the establishment of the economic union, is logically needed).

Examining the institutions of the USA and the progress of its stages, a striking similarity with the European integration process that led to the establishment of the European Union of the present day can easily be noticed. However, the legal nature of both integration groups is quite different: whereas the EU is in principle (mostly) a decentralized association for parliamentary states, the Eurasian Alliance is a high-centralization Presidential Republic union. The Eurasian Alliance. Therefore, the competition of two opposite models of regional integration characterizes the current situation (particular because of the recent proliferation of integration processes in Eurasia).

The future of the Eurasian integration process remains uncertain. Obviously, the creation of an efficient supranational body includes such advanced institutions as the SES and the Economic Union. At the same time, only under the separation principle of powers between the organization and its Member States, supranational organisations can exist. This division calls for an interaction with democracy and rule of law, that is, with fundamental ideas which will ensure that inclusion is seen as a way of strengthening national sovereignty by growing peace and protection and ensuring stronger economic development rather than a danger to such sovereignty. This is a significant obstacle for the presidential republishing Eurasian countries, as the actual political decision taking of the Eurasian countries (in place of institutional adherence to democratic values) is feasible only with considerable difficulties inside EU (parliamentary).

In that regard it is necessary to remember that conditions that lead to the Eurasian Alliance's unification include not only a willingness to foster political stability and to stimulate economic development, but also the apprehension of 'color revolutions' in their countries of the respective political elites. Consequently, in Eurasia, global integration processes rely on a relatively small number of nation leaders mainly concerned with preserving and improving their own political control. The absence of democratic liberalization in Eurasian countries therefore would undoubtedly hamper national integration procedures, which would similar the Eurasian alliance to a 'piece big' focused solely on certain policymakers' person will.

Nevertheless, as Eurasian States increase their political will to begin their processes of incorporation into the full EEU nature (thus towards establishing successful supranational institutions), as they move towards the creation of democracies, the further their working supranational bodies would entail the adherence of Eurasian countries to the Democrat. The future Eurasian Union can therefore be founded on the same values and principles that the EU has, and that could form a solid foundation for collaboration between the two groups to build an area of freedom, security and prosperity between the Atlantic and the Pacific for all the people who live there.

References / Литература

1. *Adam Weinstein*, "Russian Phoenix: The Collective Security Treaty Organization", 8 (1) *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations* (2007), 167–180.
2. *Alena Douhan*, "Commonwealth of Independent States: Is There Any Chance to Establish an Effective System of Collective Security in the Region?", 15 *Max Planck Yearbook of United Nations Law* (2011), 281–327.

3. *Alex Danilovich*, Russian-Belarusian Integration: Playing Games Behind the Kremlin Walls (Aldershot, Burlington, Ashgate, 2006).
4. *Alyaksandr Tsikhamiraw*, "Russia in the Foreign Policy of Belarus", in Valer Bulhakaw (ed.), Belarus-Russia Integration (Minsk 2003).
5. *Angelika Nussberger*, "Supranationales Recht jenseits des Ural", 56 (1) Osteuropa-Recht (2010), 113–121.
6. *Christoph Schewe & Azar Aliyev*, "The Customs Union and the Common Economic Space of the Eurasian Economic Community: Eurasian counterpart to the EU or Russian domination?", 54 German Yearbook of International Law (2011), 565–606.
7. *Christoph Schewe*, "Das Recht der Zollunion der Eurasischen Wirtschaftsgemeinschaft: postsowjetische Integration nach dem Vorbild der EU?" 24 (14) Europäische Zeitschrift für Wirtschaftsrecht (2013), 535–539.
8. *Dmitri Trenin*, "NATO and Russia: Sobering Thoughts and Practical Suggestions", NATO Review (Summer 2007), available at <http://www.nato.int/docu/review/2007/Partnerships_Old_New/NATO_Russia_practical/EN/in dex. htm>.
9. *Frank Haight*, "Customs Unions and Free-Trade Areas under GATT: A Reappraisal", 6 (4) Journal of World Trade Law (1972), 391–404.
10. *Gennady Danilenko*, "The Economic Court of the Commonwealth of Independent States", 31 (4) New York University Journal of International Law and Politics (1999), 893–918.
11. *Guillaume van der Loo and Peter van Elsuwege*, "Competing Paths of Regional Economic Integration in the Post-Soviet Space: Legal and Political Dilemmas for Ukraine", 37 (4) Review of Central and East European Law (2012), 412–447.
12. *Joachim Lippot*, "The Commonwealth of Independent States as an Economic and Legal Community", 39 German Yearbook of International Law (1996), 334–360.
13. *Luk van Langenhove*, Building Regions: the Regionalization of the World Order (Ashgate Publishing, Farnham, Burlington, 2011).
14. *Marina Trunk-Fedorova*, "Der Gerichtshof der Eurasischen Wirtschaftsgemeinschaft", 59 (4) Osteuropa-Recht (2013), 413–422.
15. *Marise Cremona*, "The European Neighbourhood Policy: More than a Partnership?", in Marise Cremona (ed.), Developments in EU External Relations Law 244 (Oxford University Press, Oxford, 2008), 244–299.
16. *Nursultan Nazarbayev*, Evraziiskii Soiuz Idei, Praktika, Perspektivy. 1994–1997 (FSRSPN, Moscow, 1997).
17. *Olexandr Pavliuk*, "GUUAM. The maturing of a Political Grouping into Economic Cooperation", in Renata Dwan & Olexandr Pavliuk (eds.), Building Security in the New States of Eurasia: Subregional Cooperation in the Former Soviet Space (Sharpe, Armonk, NY, 2000).
18. *Pradeep Mitra & Marcelo Selowsky*, Transition. The First Ten Years: Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union (World Bank, Washington, DC, 2002).
19. *Richard Pomfret*, The Economies of Central Asia (Princeton University Press, Princeton, 1995).
20. *Richard Sakwa & Mark Webber*, "The Commonwealth of Independent States 1991–1998: Stagnation and Survival", 51 (3) Europe-Asia Studies (1999), 379–415.
21. *Rilka Dragneva & Joop de Kort*, "The Legal Regime For Free Trade in the Commonwealth of Independent States", 56 (2) The International and Comparative Law Quarterly (2007), 233–266.
22. *Rilka Dragneva*, "Is "Soft" Beautiful? Another Perspective on Law, Institutions, and Integration in the CIS", 29 (3) Review of Central and East European Law (2007), 279–324.
23. *Roger McDermott*, "CSTO Proposes Cooperation with NATO on Afghanistan", Eurasia Daily Monitor (10 April 2012), available at <[http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=39246](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=39246)>.
24. *Sergei Naryshkin and Taliya Khabrieva*, "K novomy parlamentskomu izmereniyu", (8) Zhurnal Rossiyskogo Prava (2012), 5–15.
25. *Sergei Voitovich*, "The Commonwealth of Independent States: An Emerging Institutional Model", 4 (3) European Journal of International Law (1993), 403–429.

26. *Sherzod Shadikhodjaev*, "Trade Integration in the CIS Region: A Thorny Path Towards a Customs Union", 12 (3) Journal of International Economic Law (2009), 555–578.
27. *Theodor Schweisfurth*, "Vom Einheitsstaat (UdSSR) zum Staatenbund (GUS): Juristische Stationen eines Staatszerfalls und einer Staatenbundentstehung", 52 (3/4) Heidelberg Journal of International Law (1992), 541–702.
28. *Valentin Fissenko & Igor Fissenko*, "The Charter of Cooperation", 4 Finnish Yearbook of International Law (1993), 229–280.
29. *Vratislav Pechota*, "The Commonwealth of Independent States: A Legal Profile", 2 (4/5) The Parker School Journal of East European law (1995), 583–638.
30. *Zbigniew Brzezinski and Paige Sullivan*, Russia and the Commonwealth of Independent States. Documents, Data, and Analysis (Sharpe, Armonk, NY, 1997).
31. *Zhenis Kembayev*, "Basic Features of the Legal System", in Zhenis Kembayev (ed.), Introduction to the Law of Kazakhstan (Kluwer Law International, Alphen aan den Rijn) (2012), 23–35.
32. *Zhenis Kembayev*, "Legal Aspects of the Regional Integration in Central Asia", 66 Heidelberg Journal of International Law (2006), 967–983.
33. *Zhenis Kembayev*, "Problemy i Perspektivy Chlenstva Respubliki Kazakhstan v Shankhaiskoy Organizatsii Sotrudnichestva", (11) Yurist (2012), 42–52.
34. *Zhenis Kembayev*, "The (In)Compatibility between Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area and within the European Neighborhood Policy", 59 (4) Osteuropa-Recht (2013), 369–377.
35. *Zhenis Kembayev*, Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area (Springer Verlag, Berlin, Heidelberg, 2009).

About the authors:

Khodor Shatila, MBA, Sagesse University (Lebanon, Beirut); shatilakhodor@gmail.com

Marina Alozian, MBA, Sagesse University (Lebanon, Beirut); maralozian@gmail.com

Об авторах:

Шатила Ходор, магистр делового администрирования (MBA), Sagesse University (Ливан, Бейрут); shatilakhodor@gmail.com

Алозян Марина, магистр делового администрирования (MBA), Sagesse University (Ливан, Бейрут); maralozian@gmail.com

Партнерство государства и бизнеса в странах Закавказья: история и современность

Куклина Е. А.^{1,*}, Кулешов Вяч. С.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kuklina-ea@ranepa.ru

² Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация, Стокгольмский нумизматический институт, Стокгольм, Швеция

РЕФЕРАТ

В статье представлена общая динамика политических и экономических систем на территории Закавказья в период с II тыс. н. э. по настоящее время, отражающая исторический опыт закавказских обществ, преемственно сохраняемых в настоящее время. Изучены институциональные аспекты проектов государственно-частного партнерства, реализуемых в настоящее время государствами Южного Кавказа, входящими в интеграционное объединение «Восточное партнерство».

Ключевые слова: экономический уклад, государство, государственно-частное партнерство, экономическая модель, концессия, Закавказье, Восточное партнерство

Для цитирования: Куклина Е. А., Кулешов Вяч. С. Партнерство государства и бизнеса в странах Закавказья: история и современность // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 52–60.

Partnership of State and Business in Transcaucasia: History and Current Trends

Evgenia A. Kuklina^{a,*}, Viacheslav S. Kuleshov^b

^a The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; * kuklina-ea@ranepa.ru

^b State University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; Stockholm Numismatic Institute, Stockholm, Sweden; viacheslav.kuleshov@gmail.com

ABSTRACT

The article aims to present generally the dynamics of political and economic systems on the territory of Transcaucasia in the period from the second millennium BC to the present. This dynamics is seen as reflecting the historical experience of the Transcaucasian societies, which is successively preserved at the present time. Institutional aspects are studied of public-private partnership projects currently being implemented by the South-Caucasian member states of the Eastern Partnership integration association.

Keywords: economic structure, state, public-private partnership, economic model, concession, Transcaucasia, Eastern Partnership

For citing: Kuklina E. A., Kuleshov V. S. Partnership of State and Business in Transcaucasia: History and Current Trends // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 52–60.

Введение

В мировой практике категория «государственно-частное партнерство» (или «частно-государственное партнерство») применяется для обозначения широкого спектра бизнес-моделей и характеризует, в об-

щем смысле, любое использование ресурсов частного сектора в целях удовлетворения общественных потребностей. Необходимо отметить при этом, что привлекаемые из частного сектора ресурсы по форме могут быть различными (капитал, ноу-хау, топ-менеджмент и др.), а под общественными потребностями понимается то, что признается таковыми в каждой цивилизованной стране, — дороги, парки, рекреационные пространства, а также такие коммерческие секторы, как связь или недвижимость. Подобные отношения, в частности, были широко распространены в эпоху освоения европейцами Азии и Африки: в эпоху колониализма экономическое завоевание этих территорий происходило по модели государственно-частного партнерства (ГЧП), когда акционерные компании получали монопольные привилегии не только на экспорт и импорт, но и на сбор налогов, т. е. на то, что является прерогативой государства.

Целью предлагаемой статьи является изучение некоторых аспектов партнерских отношений государства и частного сектора (в современной терминологии), реализуемых в странах Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия) в прошлом и в настоящее время. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие две задачи:

- охарактеризовать общую динамику политических структур и экономических систем на территории Закавказья в течение II тыс. до н. э. — II тыс. н. э., фокусирующую исторический опыт закавказских обществ, преемственно сохраняемый до настоящего времени;
- изучить институциональные аспекты проектов государственно-частного партнерства, реализуемых в XXI в. кавказскими государствами, входящими в состав интеграционного объединения «Восточное партнерство» (ВП).

Для решения поставленных задач используются историографический метод и методы сравнительного анализа.

Результаты

На протяжении последних тысячелетий макрорегион Закавказья — между Малой Азией, Северной Месопотамией, Южным Прикаспием и Большим Кавказским хребтом — сфера мощного культурного влияния древних цивилизаций Ближнего Востока [9; 11]. Письменные памятники III–II тыс. до н. э. на шумерском, аккадском и хурритском языках рисуют сложную картину взаимоотношений государственной власти (представленной в разные периоды коллегией жрецов и бюрократическим аппаратом централизованных империй), податного населения и торгово-купеческих корпораций [см., например, 19]. Заметную часть письменного наследия этого времени составляет, с одной стороны, хозяйственная документация храмовых хозяйств, городов-государств и царских хранилищ и, с другой, частная документация купеческих домов и торговая переписка. Ярким образцом последней является клинописный архив купеческих домов древнего Каниша в Малой Азии (ныне Кюль-тепе в Турции) [6].

Можно говорить о сосуществовании в это время двух экономических моделей: редистрибутивной, основанной на централизованном сборе податей от населения и их внутриобщинном и внутригосударственном перераспределении, и раннекапиталистической, основанной, прежде всего, на дальнемагистральной торговле, находившейся под контролем частных торговых предприятий, деятельность которых обеспечивала потребности в товарах импортного (иноземного) происхождения. Хорошим примером такого товара может служить обсидиан, добывавшийся на вулканических месторождениях Армянского нагорья и экспортировавшийся во все страны тогдашнего цивилизованного мира.

В конце II — первой половине I тыс. до н. э. на территории Закавказья существовали государства, сохранявшие модель централизованных империй ранней древности и экономику перераспределения: Ванское царство (Урарту) и Мидийское царство [5; 12; 15; 16]. По археологическим данным документируется относительная культурная самостоятельность отдельных регионов этих царств. Последний факт позволяет говорить и об элементах феодального уклада и предполагать усиление роли локальных элит, в экономической сфере по необходимости «вписанных» в сети торгового сотрудничества.

Кратковременная эпоха господства персов-Ахеменидов [4] и последовавшая за ней эпоха эллинистических государств, возникших в результате завоеваний Александра Македонского и фрагментации его

империи [10; 17], и привели к упрочению сложившегося ранее порядка вещей, при котором централизованная власть, представленная наместниками, осуществляла свои функции при посредничестве и с учетом интересов локальных коммерческих объединений (торговых домов, отдельных купцов и производителей-ремесленников), обеспечивавших экономический рост и стабильный сбор податей, исчислявшихся от города и / или области. На протяжении I тыс. н. э., в эпоху поздней античности, представленной периодами римско-византийского и исламского владычества [1; 18], такой порядок взаимоотношений государства и бизнеса вошел в правовую традицию и создал предпосылки для перехода к средневековым политико-экономическим системам.

Эпоха развитого и позднего средневековья в странах Закавказья (XI–XVIII вв.) отмечена значительной фрагментацией политической карты, резкой регионализацией систем денежного обращения и товарооборота, становлением сословно-феодальных социальных структур [15], а на территории Восточного Закавказья (Аррана, Азербайджана) еще и кардинальными этноязыковыми сдвигами. Все это способствовало довольно независимому сосуществованию политических и экономических агентов (правлящих родов, аристократов, купцов, ремесленников), ситуативно вступавших в разнообразные отношения друг с другом, в границах локальных княжеств и владений.

Важно отметить, что общества Закавказья в эпоху масштабной интеграции в состав Российской империи (XIX в.) сохраняли консервативный уклад, самым прямым образом связывающий их с наследием древности и Средневековья. Ускоренная модернизация закавказских республик в составе СССР (особенно в 1930–1960-е гг.) привела к значительной эрозии этого уклада среди горожан, но далеко не к полному исчезновению его элементов, оказавших определенное стихийное влияние на ход политических и экономических трансформаций постсоветского времени.

Анализ современного состояния партнерства государства и бизнеса в бывших кавказских республиках Советского Союза базируется на авторских исследованиях [7; 8], а также использует выводы, к которым пришла группа международных экспертов по проекту HiQSTEP, реализуемому международным консорциумом под руководством Kantor Management Consultants¹.

Категория государственно-частного партнерства, сформулированная в Федеральном законе от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», соответствует наработанной международной практике, отражающей, во-первых, необходимость объединения финансовых ресурсов и, во-вторых, механизм распределения рисков.

В упомянутом документе ГЧП определяется как «юридически оформленное сотрудничество публичного и частного партнеров путем заключения соглашения о государственно-частном партнерстве, основанное на объединении ресурсов и распределении рисков» [14].

Самая современная форма ГЧП — это договор об уступке (концессия). В большинстве случаев такие контракты заключаются между государственным сектором (государством, муниципалитетом) и их собственными компаниями, смешанными или частными компаниями. При этом концессия определяется как долгосрочный процесс сотрудничества между уполномоченными органами государственной (муниципальной) власти и частными инвесторами с целью эффективного вложения последними инвестиций в строительство крупных объектов, объектов общественной инфраструктуры и управления ими в течение длительного периода времени.

Концессионное соглашение всегда являлось наиболее востребованной формой ГЧП, чему имеются многочисленные подтверждения в историографических источниках. Принципиальная особенность концессионного соглашения заключается в том, что право эксплуатации подразумевает передачу участнику концессии (концессионеру) эксплуатационного риска экономического характера, сопряженного с возможностью того, что он не сможет возместить инвестиции и расходы, понесенные в связи с осуществлением работ, полученные при нормальных условиях эксплуатации, даже если часть риска остается у организации-заказчика.

¹ Краткосрочные высококачественные исследования, нацеленные на поддержку деятельности в рамках Восточного партнерства, — HiQSTEP, EuropeAid/132574/C/SER/Multi.

В логике ЕС концессия определяется как «долгосрочное (25–30 лет) комплексное государственно-частное партнерство, в рамках которого концессионер принимает на себя обязанности и риски, традиционно возлагаемые на организацию-заказчика и обычно относящиеся к его компетенции» [7].

Хотя ГЧП никогда не было определено в законодательстве ЕС о государственных закупках, оно, как правило, понимается как сотрудничество между государственным органом и частным партнером, сопряженное с рисками, которые традиционно несет государственный сектор, зачастую также вносящий свой вклад в финансирование проекта. Некоторые ГЧП структурированы как государственные контракты, но, по оценкам, более 60% всех контрактов ГЧП квалифицируются как именно концессии¹.

Из директивных документов ЕС следует, что главное отличие концессии на выполнение государственных работ заключается в том, что концессионер обладает правом пользования и несет ответственность за значительно более высокий риск. Лишь концессии на государственные работы стоимостью более 5 млн евро подчиняются специальному законодательству [3].

В рамках настоящего исследования представляет интерес анализ практики реализации проектов ГЧП в странах «Восточного партнерства» (ВП), к которым относятся Азербайджан, Армения и Грузия.

В принципе, закупки ГЧП в большинстве стран ВП и отбор частного инвестора осуществляются на основании конкурсной процедуры (тендера) в соответствии с утвержденными регламентами и правилами либо в соответствии с конкретными правилами, специально принятыми для ГЧП.

Обязательными элементами, которые должны быть учтены в конкурсной документации, являются: доступ участников торгов к связанной с закупками информации; минимальный срок подготовки предложений; ответы на запросы о разъяснениях от участников торгов; содержание тендерной документации; часто в состав документации включается также проект договора и критерии отбора заявок.

Следующим шагом являются переговоры на этапе выбора победителя и публикация извещения о результатах тендера с объявлением победителя.

Структурой, способствующей развитию ГЧП как эффективной формы взаимодействия государственного и частного секторов в странах ВП, являются создаваемые в рамках ЕС подразделения ГЧП. Группа Всемирного банка (ВБ) в докладе о ГЧП, опубликованном в 2017 г., определяет подразделение по ГЧП как организацию, созданную при полной или частичной помощи правительства для обеспечения необходимого потенциала в целях создания, поддержки и оценки соглашений о государственно-частном партнерстве, которые организуются и действуют в правительстве. При этом ВБ признает, что, поскольку ГЧП регулируются по-разному в разных странах, их развитие может осуществляться в рамках различных институциональных механизмов и с различными задачами.

Подразделения ГЧП обычно выполняют три основные функции, реализуемые в условиях достаточно непростой нормативно-законодательной базы: 1) поддержка политики в сфере ГЧП и связанной с этим деятельности; 2) поддержка осуществления программ и проектов в сфере ГЧП; 3) утверждение проектов и контроль качества.

Как правило, подразделения ГЧП создаются в рамках министерства экономики, хотя некоторые страны (например, Грузия, в которой подразделение ГЧП было создано в октябре 2018 г.) предусматривают более независимую роль с прямым подчинением правительству (в конечном счете подразделение ГЧП подотчетно непосредственно премьер-министру). Типичной моделью для подразделений ГЧП является обслуживание всех государственных учреждений.

В Азербайджане разработка механизмов поддержки, включающая создание подразделения по ГЧП, запланирована на текущий год, и до его создания некоторые соответствующие функции исполняет Агентство по закупкам Министерства финансов Азербайджанской Республики.

В Армении определенную роль в продвижении иностранных инвестиций и наращивание потенциала ГЧП до июня 2017 г. играл Центр стратегических инициатив правительства, который был упразднен в сентябре 2018 г. с одновременным принятием законопроекта о создании подразделения ГЧП.

¹ Директива Европейского парламента и Совета о заключении концессионных договоров — меморандум Европейской комиссии от 2014 г.

Характеристика клиентов подразделений ГЧП, их компетенций, формы поддержки, а также функции утверждения и контроля качества приведены в таблице.

Таблица

Основная информация по подразделениям ГЧП

1. Клиенты подразделений ГЧП
Правительство / Президент
Министерства
Регионы
Муниципалитеты / Города
Государственные органы
2. Компетенции подразделений ГЧП
Консультация
Проверка соблюдения правовых норм и процедур
Анализ проектов и технико-экономических обоснований проектов
Разрешение на утверждение или отклонение проектов
Часть тендерного комитета
3. Функции подразделений ГЧП
Вклад в законодательство и стратегии развития
Предоставление стандартных (типовых) контрактов
Продвижение ГЧП и повышение осведомленности потенциальных клиентов
Вклад в определение приоритетности проектов ГЧП
Анализ рынка ГЧП
Наращивание потенциала, подготовка кадров, семинары
4. Поддержка реализации проекта
Правовая / процедурная проверка
Консультации по реализации проекта
Помощь в подготовке закупок и контрактов
Определение приоритетности проектов
5. Функции утверждения и контроля качества
Юридическое качество проекта / контракта
Экономическая / финансовая оценка
Техническая оценка
Полномочия на рекомендацию / отклонение проектов
Ведение баз данных по проектам ГЧП
Сопровождение / мониторинг проектов ГЧП

Наибольший интерес в контексте настоящего исследования представляет, по нашему мнению, Азербайджанская Республика — единственное государство Южного Кавказа, которое не имеет крупного дефицита внешней торговли. Положительный внешнеторговый баланс Азербайджан обеспечивает благодаря интенсивному экспорту минерального сырья — основу азербайджанского экспорта составляют минеральное топливо и нефтепродукты (около 90% в товарной структуре экспорта), преимущественно сырая нефть (свыше 70%).

В настоящее время развитие ГЧП осуществляется, главным образом, в промышленности, но проекты реализуются с минимальным участием бизнеса. По схемам ГЧП активно реализуются значимые проекты, связанные с обеспечением безопасности и развитием транспортной инфраструктуры Каспия, в сфере строительства и эксплуатации автомобильных парковок, экологии, в сфере железнодорожной инфраструктуры и нефтегазовой сфере.

Для реализации проектов по добыче углеводородного сырья в Азербайджане, как, впрочем, и во всех странах ВП, используется форма Соглашения о разделе продукции (СРП). Соглашение о совместной разработке месторождений, расположенных в азербайджанском секторе Каспийского моря, и долевом разделе добытой нефти, заключенное в последнее десятилетие XX в., стало главным драйвером экономического роста государства и получило название «Контракт века». Согласно доработанному Соглашению о долевом разделе добычи («Новому контракту века», продленному до 2050 г.), доля государственной компании SOCAR увеличивается с 11% до 25%, а 75% прибыльной нефти остается Азербайджану.

Каждое СРП в отношении нефти и природного газа утверждается законом и отменяет любой другой потенциально противоречащий ему закон. Условия СРП предварительно согласовываются с соответствующими отраслевыми министерствами. Учитывая значительный объем ресурсов нефти и природного газа в Азербайджане, можно прогнозировать рост заключенных СРП в перспективе.

Вехой в развитии ГЧП в стране стало принятие в марте 2016 г. закона об осуществлении специального финансирования инвестиционных проектов в сфере строительства и инфраструктуры, позволяющего реализовывать инфраструктурные проекты по модели «строительство — эксплуатация — передача».

Экономически значимой инициативой должно стать и создание Центра ГЧП при Агентстве развития малого и среднего бизнеса [2]. Агентство развития малого и среднего бизнеса было учреждено в декабре 2019 г. и функционирует как единая структура с особыми полномочиями посредством Домов малого и среднего бизнеса в целях осуществления организации, координации, оценки и регулирования услуг, оказываемых государственными органами в сфере МСП.

Техническую поддержку Агентству в изучении международного опыта в создании нормативно-правовой и институциональной базы для эффективной реализации проектов оказывает отдел ГЧП Азиатского банка развития (АБР), который имеет представительство в Азербайджане¹.

АБР имеет опыт по продвижению ГЧП в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, и продвижение ГЧП является одним из корпоративных приоритетов банка в соответствии с его долгосрочной «Стратегией-2030».

Заключение

Уровень взаимозависимости целей между государственными и частными партнерами особо важен. В рамках партнерства государство может пополнять доходы бюджета, улучшать конкурентные позиции регионов, создавать новые рабочие места и т. д. Частный сектор, помимо увеличения долгосрочной прибыли, стремления сохранить конкурентоспособность и расширить бизнес, ищет также возможности распределения или сокращения рисков, чему способствуют устойчивые связи с местной администрацией в районе базирования компании.

Как нам представляется, в современных условиях функционирования экономических систем, отражающих новую реальность, необходимо развивать партнерство государства и бизнеса на качественном уровне в направлении усиления гибкости и адаптивности, мультивариативности, прозрачности и обеспечения равноправности отношений. Совместное партнерство и достижение комплиментарных целей достигается посредством договорной координации интересов с использованием договоров различного вида (о сотрудничестве, об управлении компанией, о реализации, об уступке), предусмотренных мировой практикой.

Литература

1. Буниятов З. М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку : Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1965.
2. В Азербайджане появится Центр государственно-частного партнерства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/business/economy/2983859.html> (дата обращения: 01.09.2020).
3. Государственно-частное партнерство в зарубежных странах, или Как реализовать ГЧП в России. Издание Совета Федерации, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f243d8be7603d1f.pdf> (дата обращения: 01.09.2020).

¹ Азербайджанская Республика стала членом АБР 22 декабря 1999 г., доля участия страны в капитале банка составляет 0,5%.

4. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980. 416 с.
5. Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. Издание второе, дополненное. СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. (Исторические исследования.) 571 с.
6. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.) / Автографические копии, транскрипция, перевод, вводная статья, комментарий и глоссарий Н. Б. Янковской. М., 1968. (Памятники письменности Востока. [Вып.] XIV.) 306 с.
7. Куклина Е. А. Государственно-частное партнерство как инструмент управления экономикой региона (в контексте кластерных инициатив) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина : Научный журнал. Серия «Экономика», № 4 (т. 6), 2011. СПб. : ЛГУ, 2011, с. 7–15.
8. Куклина Е. А. Энергетический вектор российско-азербайджанского экономического сотрудничества в цифровом пространстве современного мира // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. Международный научно-аналитический журнал. 2019. № 4 (30). 2019. С. 50–61.
9. Кушнарера К. Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э.: этапы культурного и социально-экономического развития. СПб. : Петербургское востоковедение, 1993. 312 с.
10. Левек П. Эллинистический мир / Перевод с французского Е. П. Чиковой. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. (По следам исчезнувших культур Востока.) 252 с.
11. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1976. 191 с.
12. Медведская И. Н. История Мидийского царства: VII–VI вв. до н. э. СПб. : Евразия, 2018. 321 с.
13. Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980. 286 с.
14. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения: 01.09.2020). Исследования по результатам анализа лицензирования и фискальной базы для концессионных соглашений в сфере энергетики в странах Восточного партнерства (октябрь, 2018) [Электронный ресурс]. URL: www.hiqstep.eu (дата обращения: 01.09.2020).
15. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М. : Издательство восточной литературы, 1959. 284 с.
16. Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. СПб. : Искусство России; Филологический факультет СПбГУ, 2011. (Классика Эрмитажа : Исследования по истории и культуре.) 655 с.
17. Тарн В. Эллинистическая цивилизация / Перевод с английского С. А. Ляскоронского. М. : Издательство иностранной литературы, 1949. 372 с.
18. Тер-Гевондян А. Н. Армения и арабский халифат. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1974.
19. Янковская Н. Б. Обмен и торговля в странах Передней Азии по клинописным источникам (III–I тыс. до н. э.) // Обмен и торговля в древних обществах : Краткие тезисы докладов. Л. : Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, 1972. С. 17–20.

Об авторах:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; kuklina-ea@ranepa.ru

Кулешов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета (Тюмень, Российская Федерация); старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); научный сотрудник Стокгольмского нумизматического института (Стокгольм, Швеция); viacheslav.kuleshov@gmail.com

References

1. Buniyatov Z. M. Azerbaidzhan v VII—IX vv. Baku : Izd-vo AN Azerbaidzhanskoi SSR, 1965.
2. V Azerbaidzhane poyavitsya Tsentр gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.trend.az/business/economy/2983859.html> (data obrashcheniya: 01.09.2020).
3. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v zarubezhnykh stranakh, ili Kak realizovat' GChP v Rossii. Izdanie Soveta Federatsii, 2009 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f243d8be7603d1f.pdf> (data obrashcheniya: 01.09.2020).
4. Dandamaev M. A., Lukonin V. G. Kul'tura i ekonomika Drevnego Irana. M. : Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1980. 416 s.
5. D'yakonov I. M. Istoriya Midii ot drevneishikh vremen do kontsa IV veka do n. e. Izdanie vtoroe, dopolnennoe. SPb. : Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. (Istoricheskie issledovaniya.) 571 s.
6. Klinopisnye teksty iz Kyul'-tepe v sobraniyakh SSSR (pis'ma i dokumenty torgovogo ob"edineniya v Maloi Azii XIX v. do n. e.) / Avtograficheskie kopii, transkripsiya, perevod, vvodnaya stat'ya, kommentarii i glossarii N. B. Yankovskoi. M., 1968. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. [Vyp.] XIV.) 306 s.
7. Kuklina E. A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak instrument upravleniya ekonomikoi regiona (v kontekste klasternykh initsiativ) // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina : Nauchnyi zhurnal. Seriya «Ekonomika», № 4 (t. 6), 2011. SPb. : LGU, 2011, s. 7–15.
8. Kuklina E. A. Energeticheskii vektor rossiisko-azerbaidzhanskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva v tsifrovom prostranstve sovremennogo mira // Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. Mezhdunarodnyi nauchno-analiticheskii zhurnal. 2019. № 4 (30). 2019. S. 50–61.
9. Kushnareva K. Kh. Yuzhnyi Kavkaz v IX—II tys. do n. e.: etapy kul'turnogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 1993. 312 s.
10. Levek P. Ellinisticheskii mir / Perevod s frantsuzskogo E. P. Chikovoi. M. : Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1989. (Po sledam ischeznuvshikh kul'tur Vostoka.) 252 s.
11. Masson V. M. Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (v svete dannykh arkheologii). L. : Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1976. 191 s.
12. Medvedskaya I. N. Istoriya Midiiskogo tsarstva: VII—VI vv. do n. e. SPb. : Evraziya, 2018. 321 s.
13. Novosel'tsev A. P. Genezis feodalizma v stranakh Zakavkaz'ya (opyt sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya). M. : Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1980. 286 s.
14. O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, munitsipal'no-chastnom partnerstve v Rossiiskoi Federatsii i vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (data obrashcheniya: 01.09.2020). Issledovaniya po rezul'tatam analiza litsenzirovaniya i fiskal'noi bazy dlya kontsessionnykh soglashenii v sfere energetiki v stranakh Vostochnogo partnerstva (oktyabr', 2018) [Elektronnyi resurs]. URL: www.hiqstep.eu (data obrashcheniya: 01.09.2020).
15. Piotrovskii B. B. Vanskoe tsarstvo (Urartu). M. : Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1959. 284 s.
16. Piotrovskii B. B. Istoriya i kul'tura Urartu. SPb. : Iskustvo Rossii; Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2011. (Klassika Ermitazha : Issledovaniya po istorii i kul'ture.) 655 s.
17. Tarn V. Ellinisticheskaya tsivilizatsiya / Perevod s angliiskogo S. A. Lyaskoronskogo. M. : Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1949. 372 s.
18. Ter-Gevondyan A. N. Armeniya i arabskii khalifat. Erevan : Izd-vo AN Armyanskoi SSR, 1974.
19. Yankovskaya N. B. Obmen i torgovlya v stranakh Perednei Azii po klinopisnym istochnikam (III—I tys. do n. e.) // Obmen i torgovlya v drevnikh obshchestvakh : Kratkie tezisy dokladov. L. : Leningradskoe otdelenie Instituta arkheologii AN SSSR, 1972. S. 17—20.

About the authors:

Evgenia A. Kuklina, Full Professor of the Department of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); kuklina-ea@ranepa.ru

Viacheslav S. Kuleshov, Associate Professor of the Department of Archeology, History of the Ancient World and the Middle Ages, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); Senior Research Fellow at the Institute for the History of Material Culture, the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation); Researcher at the Stockholm Numismatic Institute (Stockholm, Sweden), PhD of Historical Sciences; viacheslav.kuleshov@gmail.com

Формирование единого законодательства в рамках ЕАЭС

Козлов Д. В.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; DVKozlov1980@mail.ru

РЕФЕРАТ

Успешное функционирование ЕАЭС невозможно без создания массива правовых документов, обеспечивающих его дальнейшее интеграционное развитие. Современное состояние евразийского права оставляет желать лучшего. Оно развивается хаотично, бессистемно и требует значительных человеческих и организационных затрат. В статье предлагается использовать цифровые технологии в правовой сфере для развития интеграционного законодательства ЕАЭС. Предлагается использовать теорию графов для отбора и анализа правовых документов. Вся нормативная база государств — членов ЕАЭС должна представляться как «большие данные». В результате всю первичную черновую работу будут выполнять машины, а человек — делать окончательные выводы. В дальнейшем возможно создание законодательства ЕАЭС по отраслям права.

Ключевые слова: право ЕАЭС, граф, большие данные, правовые технологии, интеграционное законодательство

Для цитирования: Козлов Д. В. Формирование единого законодательства в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 61–66.

The Formation of a Unified Legislation in the Framework of the EAEU

Denis V. Kozlov

The Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation; DVKozlov1980@mail.ru

ABSTRACT

The successful functioning of the EAEU is impossible without creating an array of legal documents that ensure its further integration development. The current state of Eurasian law leaves much to be desired. It develops chaotically, haphazardly and requires significant human and organizational costs. The article suggests using digital technologies in the legal sphere for the development of integration legislation of the EAEU. It is proposed to use graph theory for the selection and analysis of legal documents. The entire regulatory framework of the EAEU member States should be presented as big data. As a result, all the initial rough work will be done by machines, and the person will make the final conclusions. In the future, it is possible to create legislation of the EAEU on the branches of law.

Keywords: law of the EAEU, the count, big data, legal tech(nology), integration legislation

For citing: Kozlov D. V. The Formation of a Unified Legislation in the Framework of the EAEU // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 61–66.

Основными целями Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз) являются:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Достижение поставленных целей требует формирования единого правового пространства в рамках ЕАЭС, которое необходимо для установления единых и понятных «правил игры» для всех заинтересованных сторон. Создание единой правовой системы Союза возможно двумя путями.

Первый путь предполагает объединение сверху. В его рамках необходима разработка и принятие единых кодексов и комплексных законов по образцу и подобию Таможенного Кодекса ЕАЭС. Подобный подход в свое время пытались осуществить еще в рамках СНГ, когда Постановлением Межпарламентской Ассамблеи приняли модельный Гражданский Кодекс для государств — участников СНГ от 29.10.1994 [2].

Кроме того, объединение сверху развивает традиции прежнего законодательства. Ныне действующие правовые нормы всех участников ЕАЭС «вырастают» из советского законодательства. Последнее в своих основах опирается во многом на дореволюционное имперское законодательство. Таким образом, принятие комплекса общих Кодексов и основных законов выглядит логическим продолжением развития законодательства на евразийском пространстве.

Однако реализация данного подхода требует наделения высших органов ЕАЭС суверенными полномочиями в большом объеме и переходом Союза из международной организации на уровень конфедерации с перспективой превращения в федерацию.

Необходимость отказа от суверенитета вызывает серьезное сопротивление со стороны большинства государств — членов ЕАЭС. Кроме того, подобные действия выходят за рамки компетенции Союза, который в нынешнем формате предполагает только экономическое объединение. Политические вопросы в его сферу не входят.

Второй путь — это объединение снизу. В данном случае речь идет о выработке единого законодательства в отдельных аспектах экономической деятельности. Применительно к ЕАЭС подобное широкое направление составляет суть деятельности Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК). Поскольку основной целью ЕЭК является дальнейшее развитие евразийской интеграции, то она принимает как на уровне Совета, так и на уровне Коллегии документы, обязательные для исполнения.

Следовательно, именно объединение законодательства снизу на сегодняшний день осуществляется в рамках ЕАЭС. Следует отметить, что благодаря развитой системе органов по взаимодействию с деловым сообществом можно в рамках обратной связи всегда получить оценку своих действий.

Предприниматели государств — членов ЕАЭС не только участвуют в обсуждении нормативных актов Союза и сообщают о препятствиях на внутренних рынках, но и вправе вносить предложения о конкретных направлениях развития экономической интеграции. Благодаря реакции со стороны хозяйствующих субъектов можно определить, какие аспекты интеграционного объединения у них вызывают наибольший интерес и, соответственно, какие нормативные акты необходимо принять, изменить или дополнить.

Однако, несмотря на явную востребованность и постоянное развитие, объединение законодательства государств — членов ЕАЭС снизу в целях формирования общей правовой системы сопряжено с рядом трудностей. К основным из них можно отнести:

1. Бессистемность. В отсутствие четко заложенных магистральных направлений правового развития и создания модельных кодексов нельзя говорить о системе евразийского права с делением на отрасли и институты. Следовательно, развитие права ЕАЭС носит хаотичный характер. В одних случаях можно говорить об избыточности правового регулирования (особенно с учетом национального законодательства) и излишнем внимании к деталям. В других — об игнорировании решения давно назревших проблем. При этом с течением времени подобные противоречия должны только нарастать. И чем дальше, тем сложнее будет выравнять разрастающиеся противоречия.

2. Неуправляемость. При разработке и принятии модельных кодексов понятно не только, что надо написать и применять, но и как и в какой последовательности новеллы правового регулирования должны вступать в законную силу. Соответственно, очевидно, что уже достигнуто и что следует сделать в дальнейшем. Кроме того, поскольку четко выделены и очерчены направления правового развития, то можно и заранее решать возникающие противоречия между разными модельными кодексами. При принятии отдельных нормативных актов крайне сложно, если вообще возможно, держать под контролем общий вектор развития. Слишком много случайностей и вероятностей развития следует учитывать.

3. Необходимость привлечения большого количества людей. Разработка и принятие новых нормативных актов по отдельным аспектам деятельности требует привлечения большого количества юристов, причем на относительно короткие сроки. Организация их работы строится на других началах, отличных от функционирования долгосрочного коллектива, нацеленного на создание объемного документа. При этом даже для подготовки любого решения, распоряжения или рекомендации ЕЭК необходимо проанализировать большое количество имеющейся документации, что требует значительных временных затрат.

В целом формирование единой нормативной правовой базы путем объединения снизу в рамках ЕАЭС потребует осуществления значительных материальных, человеческих и организационных затрат. Кроме того, не представляется возможным просчитать даже примерно время, необходимое для достижения подобной цели.

Таким образом, на сегодняшний день складывание евразийского законодательства идет неудовлетворительными темпами и с разной скоростью в различных отраслях экономики. Подобное обстоятельство объяснимо, если учесть, что ЕАЭС призван обеспечить функционирование экономик его участников в рамках шестого технологического уклада [5], а правовое регулирование и методы формирования правовой базы остаются в прошлом. Для достижения поставленной цели следует использовать возможности, предоставляемые цифровизацией, которая применительно к юриспруденции получила название юртех (правовые технологии) — Legal Tech.

Ключевая задача правовой цифровизации — это автоматизация процессов, связанных с однообразной, нудной и черновой работой. Компьютерные программы должны взять на себя обработку и анализ больших объемов информации по специально разработанным алгоритмам. Иными словами, первичную работу должны делать машины, а подготовка выводов и разработка предложений на основе полученной информации — это прерогатива человека.

Для правильной автоматизации процессов необходима разработка компьютерных инструментов и алгоритмов, в том числе использующих машинное обучение, которые помогут ориентироваться в пространстве правовых документов. Подобных алгоритмов можно предложить несколько, но едва ли не самым простым решением является использование двудольного ориентированного графа. С его помощью можно отобрать все нормативные акты, где встречаются нужные для исследователей правовые термины.

Сейчас подобный поиск существует в специальных правовых системах — «Консультант Плюс» и «Гарант», но распространяется только на российское и частично с ним связанное международное законодательство. Более того, отбор необходимых документов зачастую проводится вручную. Нормативно-правовые базы других участников Союза — Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии — либо охвачены не полностью, либо вообще не затронуты.

При этом все участники ЕАЭС не только имеют общую правовую историю, но и применяют в законодательстве русский язык. Соответственно, правовая терминология является если не идентичной, то очень похожей. Это открывает в перспективе возможности для формирования юридического тезауруса на машинном уровне. Для этого надо рассматривать всю правовую базу как совокупность «больших данных» (Big Data).

Возможность работы с большими данными кардинально изменила ситуацию в IT-сфере. Необходимость их обработки и использования стала толчком к развитию компьютерных технологий с элементами искусственного интеллекта. Данный процесс является взаимосвязанным, поскольку чем больше данных обработает соответствующая компьютерная программа (алгоритм), тем лучше она работает в дальнейшем с иной похожей информацией. Скорость обработки информации постоянно возрастает благодаря удешевлению параллельных вычислений, т. е. способность компьютера выполнять огромное количество задач одновременно. В данной сфере программы ЭВМ добиваются успехов, которые немыслимы даже для больших групп высококвалифицированных специалистов.

Однако первым шагом на долгом пути должно стать использование графа, состоящего из двух долей (вершин). Одна из этих вершин будет представлять конкретный правовой термин, необходимый для

евразийской интеграции; другая вершина — правовой документ (нормативный акт). Дули графа — это встречаемость терминов в документах.

По аналогии на основе компьютерного анализа большого объема документов (Big Data) можно сформировать граф связей между терминами. Параметры связей можно задавать разные. Например, если два термина встречаются в одном параграфе одного документа, — можем считать, что между этими терминами есть связь. Если два термина встречаются в одном предложении нормативного акта, — то между ними сильная связь.

Такие графы позволяют для каждого термина определить его контекст (множество других терминов, связанных с данным). Если у двух терминов контексты имеют большое общее пересечение, то эти термины можно подозревать в близости по смыслу. На основе такого отношения близости можно формировать рекомендательную систему (программный инструмент), предлагающую разработчикам новых правовых документов точнее подбирать термины, находить ссылки на близкие документы, оценивать их взаимодействие друг с другом и устранять дублирующие определения.

Разумеется, программа будет учитывать, что термины встречаются в законодательстве в разных склонениях, с разными окончаниями и, не исключено, с опечатками. По этой причине искать термин из одного документа в других документах можно и нужно с точностью до некоторых отклонений. Поскольку в одном и том же документе может понадобиться искать много терминов, эти документы можно представлять в виде префиксных деревьев [3].

В качестве дополнительного варианта для поиска похожих мест в документах можно использовать алгоритмы локального выравнивания строк. Эти алгоритмы достаточно давно и успешно используются в других областях [4]. Следовательно, возможно их адаптировать для нужд юриспруденции. Примером может служить высокопроизводительный алгоритм глобального выравнивания строк, использующий распараллеливание, векторизацию и тайлинг. Этот алгоритм может быть преобразован в алгоритм локального выравнивания.

Более того, на сегодняшний день наблюдаются очевидные успехи компьютерных программ в переводе текстов на разные языки уже в режиме реального времени с сохранением основного смысла. Таким образом, с их помощью возможно распространить механизм обработки и анализа правовых документов на правовую терминологию, не основанную на русском языке. Это должно послужить серьезным подспорьем для формирования законодательства о Зонах свободной торговли, а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС.

Следует, правда, оговориться, что серьезной проблемой будет не только разная терминология, но и разный смысл и значение, вкладываемые в одинаковые юридические термины в различных правовых семьях. Однако постоянное заимствование и инкорпорация иностранных норм в национальные законодательства, происходящие в настоящее время, помогут в решении данной проблемы.

Создание подобных компьютерных алгоритмов, способных работать с большими массивами юридических данных, потребует совместной работы не только программистов, но и юристов, а также в ряде случаев специалистов в конкретной отрасли экономики. Более того, учитывая постоянное изменение и совершенствование законодательства, компьютерный алгоритм также будет нуждаться в модификациях и улучшениях.

Следовательно, предлагаемые программные нововведения не означают замену юристов машинами. Недостатка в таких алармистских прогнозах нет. В ближайшее время компьютер не способен заменить человека, да и в будущем есть серьезные сомнения по поводу всемогущества искусственного интеллекта. Все разработки в данной области нацелены на решение прикладных задач, ускорение существующих процессов и облегчение деятельности человека.

В то же время попытки отказаться от подобных новшеств означают отставание в развитии, которое рано или поздно обернется серьезными издержками. Компьютерные программы с алгоритмами для решения правовых задач уже создаются в настоящее время как в России, так и за рубежом. Следовательно, в итоге будет использоваться либо отечественный продукт, либо зарубежный, за применение которого придется заплатить.

Наконец, не последним фактором является серьезное удешевление программирования и быстрый рост различных компьютерных приложений и иных продуктов для разных областей человеческой жизни. Еще несколько лет назад значительная стоимость работ и, соответственно, полученного продукта ограничивали цифровизацию. Сейчас ситуация изменилась, и, по-видимому, IT-отрасль вступает в период не простого быстрого роста, а стремительного расширения и сегментирования.

При этом инициаторами создания компьютерных алгоритмов в области Legal Tech должны выступать именно юристы. Никто, кроме них, не может сформулировать техническое задание для программистов, указать необходимые условия и ограничения.

Иными словами, юристы должны предоставить программистам всю необходимую информацию, а именно:

- основные термины — они могут определяться для конкретного документа, но лучше, если заранее указать их перечень для конкретного направления, правового института, отрасли или сектора экономики;
- ключевые слова и словосочетания, которые постоянно используются как в теории, так и практике, — это узловые точки, из которых в дальнейшем сложится вся структура правовой Big Data;
- специализированные термины узкой направленности, которые отличаются от обыденного значения или по-другому рассматриваются в иных областях науки и жизни;
- область поиска с указанием границ и условий для отбора необходимых терминов, а также конкретного международного и внутригосударственного законодательства.

Поскольку сотрудничество юристов и программистов должно носить долгосрочный характер, в дальнейшем техническое задание будет уточняться и дополняться. Более того, в ряде случаев обязательно потребуется привлечение иных специалистов. Например, правовое регулирование рынка лекарственных средств и медицинских изделий (раздел VII Договора о ЕАЭС) невозможно без учета мнения врачей и фармацевтов; регулирование общего рынка нефти и газа (Приложения № 22 и № 23 к Договору о ЕАЭС) — без специалистов нефтегазовой отрасли; регулирование транспортного рынка (раздел XXI Договора о ЕАЭС «Транспорт» и приложение № 24) — без перевозчиков по конкретным направлениям и видам транспорта.

Таким образом, для нормального функционирования компьютерного алгоритма по анализу и обработке правовых норм для развития интеграционного права ЕАЭС необходима работа коллектива специалистов. В отдельности юристы, программисты и иные эксперты не смогут разобраться с возникающими проблемами.

Использование Big Data имеет и дополнительный плюс. Вся работа по разработке интеграционного права ЕАЭС будет храниться в их памяти, и в дальнейшем они могут использоваться для разработки правовых документов более общего характера, не исключая и евразийских модельных кодексов [6]. Иными словами, объединение снизу с помощью Legal Tech должно перерасти в объединение сверху. Подобный процесс характерен для развития любого национального законодательства, но благодаря цифровизации его сроки можно значительно сократить.

Подводя итоги, следует отметить, что переход к шестому технологическому укладу — это уже наступившее настоящее. Для оформления единой правовой базы Союза необходимо использование цифровых технологий. В противном случае законодательное регулирование безнадежно отстанет от развивающейся действительности.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (вступил в силу 01.01.2015) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014 (дата обращения: 26.06.2020).
2. Модельный Гражданский Кодекс СНГ (ч. 1) [Электронный ресурс]. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30073642#pos=0;0. (дата обращения: 26.06.2020).

3. Абу-Халил Ж. М., Гуда С. А., Штейнберг Б. Я. Перенос параллельных программ без потери эффективности. Открытые системы. СУБД, 2015. № 4. Open Systems Journal. С. 18–19.
4. Гасфилд Дэн. Строки, деревья и последовательности в алгоритмах: Информатика и вычисл. Биология / Дэн Гасфилд; пер. с англ. И. В. Романовского. СПб. : Невский диалект. БХВ-Петербург, 2003. 653 с.
5. Глазьев С. Великая цифровая революция: вызовы и перспективы для экономики XXI века. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-iperspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka> (дата обращения: 26.06.2020).
6. Козлов Д. В. Сближение семейного законодательства государств — членов ЕАЭС с помощью Legal Tech // Сборник статей VI международной конференции «Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей». Под ред. А. Е. Тарасовой. М. : КноРус, 2020.

Об авторе:

Козлов Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права ЮФУ (Ростов-на-Дону, Российская Федерация); DVKozlov1980@mail.ru

References

1. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze (vstupil v silu 01.01.2015) [Elektronnyi resurs]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0043610/itia_05062014 (data obrashcheniya: 26.06.2020).
2. Model'nyi Grazhdanskii Kodeks SNG (ch. 1) [Elektronnyi resurs]. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30073642#pos=0;0. (data obrashcheniya: 26.06.2020).
3. Abu-Khalil Zh. M., Guda S. A., Shteinberg B. Ya. Perenos parallel'nykh programm bez poteri effektivnosti. Otkrytye sistemy. SUBD, 2015. № 4. Open Systems Journal. S. 18–19.
4. Gasfild Den. Stroki, derev'ya i posledovatel'nosti v algoritmakh: Informatika i vychisl. Biologiya / Den Gasfild; per. s angl. I. V. Romanovskogo. SPb. : Nevskii dialekt. BKhV-Peterburg, 2003. 653 s.
5. Glaz'ev S. Velikaya tsifrovaya revolyutsiya: vyzovy i perspektivy dlya ekonomiki XXI veka. 2017 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.glazev.ru/articles/6-jekonomika/54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-iperspektivy-dlja-jekonomiki-i-veka> (data obrashcheniya: 26.06.2020).
6. Kozlov D. V. Sblizhenie semeinogo zakonodatel'stva gosudarstv — chlenov EAES s pomoshch'yu Legal Tech // Sbornik statei VI mezhdunarodnoi konferentsii «Mezhdunarodno-pravovye aspekty semeinogo prava i zashchity prav detei». Pod red. A. E. Tarasovoi. M. : KnoRus, 2020.

About the author:

Denis V. Kozlov, Candidate of Law, Assistant Professor department of International Law of the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation); DVKozlov1980@mail.ru

Пенсионное обеспечение граждан в ЕАЭС и Союзном государстве Российской Федерации и Республики Беларусь

Мишальченко Ю. В.^{1,*}, Платонова Л. А.², Торопыгин А. В.³

¹ Экономический суд СНГ; * myv2008@mail.ru

² Государственное учреждение — Отделение Пенсионного фонда РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В настоящей статье проводится международно-правовой анализ пенсионного обеспечения граждан субрегиональных интеграционных объединений ЕАЭС и Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь, сформировавшихся на пространстве СНГ, перспектив правового регулирования.

В статье рассмотрены договорно-правовая база по регулированию пенсионного обеспечения граждан интеграционных объединений ЕАЭС и Союзного государства, порядок реализации пенсионных прав граждан рассматриваемых интеграционных объединений.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, интеграционное пространство, субрегиональное интеграционное объединение, международный договор, СНГ, ЕАЭС, Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь

Для цитирования: Мишальченко Ю. В., Платонова Л. А., Торопыгин А. В. Пенсионное обеспечение граждан в ЕАЭС и Союзном государстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 67–77.

Pension Provision of Citizens in the EAEU and the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Yuri V. Mishalchenko^{a,*}, Lyudmila A. Platonova^b, Andrey V. Toropygin^c

^a The Court of the CIS; myv2008@mail.ru

^b State Institution — Department of the Pension Fund of the Russian Federation in St. Petersburg and the Leningrad Region, Saint Petersburg, Russian Federation

^c Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The present article provides an international legal analysis of pension provision for citizens of subregional integration associations of CIS (the EAEU and the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus), well as the prospects for legal regulation. The article concerns the legal basis in part of the pension provision regulation of the integration associations' citizens of the EAEU, the Union State of Russian Federation and the Republic of Belarus, the procedure for implementing pension rights of integration associations' citizens.

Keywords: pension provision, integration space, subregional integration association, international treaty, CIS, EAEU, the Union State of Russian Federation and the Republic of Belarus

For citing: Mishalchenko Y. V., Platonova L. A., Toropygin A. V. Pension Provision of Citizens in the EAEU and the Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 67–77.

Международное правовое регулирование в сфере пенсионного обеспечения граждан субрегиональных интеграционных объединений на пространстве СНГ на примере ЕАЭС и Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь

Законодательно закрепленные гарантии пенсионного обеспечения граждан являются неотъемлемой чертой современного правового государства, а общепризнанность права каждого человека на социальную защиту подтверждается закреплением соответствующих норм в источниках международного права, а также фактом создания и функционирования международных организаций социальной направленности.

Среди специализированных международных организаций, деятельность которых влияет на формирование мировых стандартов социального, в том числе пенсионного обеспечения, можно выделить Международную организацию труда (МОТ), Международную ассоциацию социального обеспечения (МАСО), Международную ассоциацию пенсионных и социальных фондов (МАПСФ).

Конвенции МОТ по вопросам социального обеспечения являются ориентиром для каждого государства при создании внутригосударственной системы пенсионного обеспечения, при оценке соответствия мировым стандартам социальной защиты действующей внутригосударственной системы. К основополагающим документам МОТ в сфере социального обеспечения можно отнести Конвенцию № 102 МОТ о минимальных нормах социального обеспечения¹, Конвенцию № 118 МОТ о равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения², Конвенцию № 128 МОТ о пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца³, Конвенцию № 157 МОТ об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения⁴.

В соответствии с п. 3 ст. 7 Конвенции МОТ № 118 о равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения предусмотрены варианты пенсионного обеспечения, в зависимости от финансовой ответственности государств за расходы по выплате пособий (пенсий):

- расходы распределяются между соответствующими государствами пропорционально выработанному на их территории страховому (трудовому) стажу (пропорциональный принцип пенсионного обеспечения);
- расходы несет то государство, на территории которого проживает получатель пособия (территориальный принцип пенсионного обеспечения).

В настоящее время приоритет при заключении международных договоров отдается принципу пропорциональности, как наиболее соответствующему принципу социальной справедливости (страна — участник Договора осуществляет пенсионные выплаты за стаж, приобретенный только на ее территории).

В отдельных международных договорах по вопросам пенсионного обеспечения, заключенных на постсоветском пространстве, отражены положения как пропорционального, так и территориального принципов (смешанный принцип). Применение смешанного принципа в данном случае обусловлено тем, что в период существования Союза Советских Социалистических Республик (СССР) на всей территории действовали единые нормы пенсионного законодательства и унифицированная система уплаты взносов на пенсионное обеспечение. Финансовую ответственность за стаж, приобретенный в СССР, в рассматриваемом случае несет государство постоянного проживания пенсионера (принцип территориальности),

¹ Конвенция № 102 Международной организации труда о минимальных нормах социального обеспечения: заключена в г. Женеве 28 июня 1952 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20090330220729/http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/convdisp1.htm> (п. «С 102») (дата обращения: 05.04.2020).

² Конвенция № 118 Международной организации труда о равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения: заключена в г. Женеве 28 июня 1962 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20090330220729/http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/convdisp1.htm> (п. «С 118») (дата обращения: 03.05.2020).

³ Конвенция № 128 Международной организации труда о пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца: заключена в г. Женеве 29 июня 1967 г. // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. II. Женева : Международное бюро труда. 1991. С. 1531–1552.

⁴ Конвенция № 157 Международной организации труда об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения: заключена в г. Женеве 21 июня 1982 г. // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. II. Женева : Международное бюро труда. 1991. С. 1971–1982.

а за периоды трудовой деятельности, имевшие место после распада СССР, каждая договаривающаяся сторона несет финансовую ответственность в соответствии со стажем, приобретенным на ее территории.

Способствует международному взаимодействию по вопросам социальной защиты граждан и обмену опытом организации внутригосударственных пенсионных систем деятельность международных организаций МАСО и МАСПФ. Так, например, по мнению А. Арзыбаева, «большую роль в обмене опытом реформирования пенсионных систем внутри Содружества Независимых Государств (СНГ) сыграли ежегодные конференции, посещение мероприятий МАСО, а также организация двусторонних ознакомительных поездок и мероприятий, которые были организованы Международной ассоциацией пенсионных и социальных фондов, роль которой в организации обмена опытом внутри стран СНГ и в организации изучения глобального международного опыта в области социальной защиты неоценима» [1, с. 54].

Вопросы занятости, трудовой миграции, пенсионного обеспечения являются взаимосвязанными, при этом заключение межгосударственных договоров способствует урегулированию названных вопросов в рамках международного сотрудничества. При этом считаем, что готовность к такого рода сотрудничеству в том числе определяется уровнем интеграции.

О степени интеграции межгосударственных объединений можно судить по различным показателям — по результатам экономического и социального сотрудничества, формированию общекультурных традиций и взаимосвязей, готовности к сотрудничеству в различных сферах, в том числе готовности заключения международных (региональных) нормативных актов, регламентирующих деятельность интеграционного объединения и реализации их положений. При этом форма международного объединения соответствует уровню интеграционной вовлеченности. Так, например, Содружество обладает наименьшим уровнем интеграции; Сообществу присущ более высокий уровень интеграции по сравнению с Содружеством и потенциал перехода к более высокому уровню интеграции (активно формируется зона свободной торговли и таможенный союз, а также ставит перед собой цели создания общего рынка); Союзу присущ наивысший уровень интеграции (характеризуется сложившимся общим рынком, активным формированием экономического и валютного союза) [5, с. 78].

На примере интеграционных объединений, сформировавшихся на постсоветском пространстве, многие ученые отмечают, что уровень интеграционной вовлеченности государств — участников СНГ остается невысоким, несмотря на длительность существования СНГ.

А. Б. Дмитриева определяет этапы становления и проблем функционирования СНГ в определенные временные периоды:

- 1) с 1991 по 1993 гг. — характеризуется разрушением единого экономического пространства СССР и появлением национальных экономик, резким сокращением товарообмена, приведшего к экономическому кризису;
- 2) с 1994 по 1995 гг. — оценивается как попытка становления единого экономико-правового пространства, характеризующаяся интенсивным созданием нормативной базы Содружества;
- 3) с 1996 по 2001 гг. — характеризуется появлением субрегиональных объединений разноуровневой и разноскоростной интеграции (Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь, Евразийское экономическое сообщество — ЕврАзЭС, ГУАМ, Центральноазиатское экономическое сообщество — ЦАЭС);
- 4) с 2002 г. — активизация интеграционных процессов в рамках СНГ [2, с. 13].

Более высокая степень интеграции среди субрегиональных интеграционных объединений, сформировавшихся на пространстве СНГ, присуща Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) и Союзному государству Российской Федерации и Республики Беларусь. О данном факте можно судить в том числе по степени готовности сотрудничества в социальной сфере (сфере трудовой миграции, социального и пенсионного обеспечения).

Н. С. Иванова и Е. А. Варшавер отмечают, что «2015 г. с юридической точки зрения стал знаковым для основной части российских трудовых мигрантов, разделив их на иностранных граждан из стран СНГ (за исключением стран ЕАЭС) и на иностранных граждан государств — членов ЕАЭС» [3, с. 9]. Прерогативы в отношении трудовых мигрантов ЕАЭС связаны со вступлением в силу с 1 января 2015 г. положений Договора

о ЕАЭС. Авторами отмечается более выгодное положение граждан государств — членов ЕАЭС в части реализации возможностей при трудоустройстве (достаточно наличие трудового или гражданско-правового договора) и пребывания на территории Российской Федерации на законных основаниях.

Пенсионное обеспечение граждан субрегиональных интеграционных объединений, сформировавшихся на пространстве СНГ, в большинстве случаев осуществляется путем применения норм Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13.03.1992. Названное Соглашение обладает высокой значимостью в связи с широким охватом граждан и весомой исторической ролью в урегулировании вопроса защиты и сохранения пенсионных прав граждан бывшего СССР. При этом произошедшие изменения во внутригосударственном пенсионном законодательстве государств — участников СНГ не находят отражения в положениях Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13.03.1992, что не позволяет в полной мере реализовать пенсионные права граждан.

Важно отметить, что в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24.01.2006¹ закреплены в качестве переходных положений, необходимых для адаптации к новым условиям реализации пенсионного обеспечения, нормы Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13.03.1992², а в *Соглашении о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС* от 20.12.2019³ в качестве переходных положений закреплены как нормы Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13.03.1992, так и нормы Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24.01.2006 (в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь).

Пенсионное обеспечение в рамках Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь

Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства»⁴ определены цели объединения, среди которых:

- неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права;
- проведение согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека;
- укрепление мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в Европе и во всем мире, развитие Содружества Независимых Государств.

Для реализации целей Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь созданы: Высший государственный совет, Парламент, Совет министров, Счетная палата Союзного государства. Несмотря на то, что Суд определен Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» в числе органов интеграционного объединения, он до настоящего времени не сформирован⁵.

Одним из важных направлений интеграционного взаимодействия России и Беларуси «является реализация межгосударственных программ и проектов в таких областях, как экономика, экология, оборона, социальное развитие»⁶.

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения: заключен 24 января 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/dogovor-mezhdu-rf-i-respublikoi-belarus-ot-24012006-o/> (дата обращения: 24.04.2020).

² Соглашение о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения: заключено в г. Москве 13 марта 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 4.

³ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза: заключено в г. Санкт-Петербурге 20.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=342834&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.17826656295061927#015837828876405524> (дата обращения: 24.04.2020).

⁴ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» [Электронный ресурс]. URL: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 03.05.2020).

⁵ [Электронный ресурс]. URL: http://belrus.ru/about/organy_souzного_gosudarstva/sud.html (дата обращения: 03.05.2020).

⁶ Международное право: учебник / отв. ред. д. ю. н., проф. С. А. Егоров. М.: Статут. 2016. С. 675.

Многими учеными отмечается высокий уровень интеграции Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь по сравнению с другими странами, сформировавшимися на постсоветском пространстве. А. Б. Дмитриевой отмечается интеграционный потенциал Союзного государства России и Белоруссии, поскольку межгосударственные отношения имеют более глубокие исторические, экономические и культурные корни [2, с. 24]. Н. Г. Щеголева, оценивая интеграционный потенциал ЕАЭС на основе индекса интенсивности взаимной торговли, приходит к выводу о высокой степени интеграции Белоруссии и России [9, с. 176].

О стремлении к интеграционному сотрудничеству можно судить не только по экономическим, но и по социальным показателям, которые, вероятно, являются даже более значимыми в стремлении государств ко взаимодействию, поскольку не предполагают прямой экономической выгоды, но говорят о готовности нести ответственность не только в отношении своих граждан, но и граждан Союзного государства.

Примером продуктивного сотрудничества в сфере социального (пенсионного) обеспечения является Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24.01.2006.

Рассматривая положения данного Договора, можно сказать, что его нормы в большей мере учитывают произошедшие изменения в пенсионном законодательстве по сравнению с положениями Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г., так как вне зависимости от места проживания на территории одной из Договаривающихся Сторон, при определении права на пенсию и ее размера, каждой Стороной Договора будут производиться пенсионные выплаты, исходя из величины пенсионных прав, приобретенных на ее территории в соответствии с пенсионными взносами, уплаченными в компетентные органы каждого государства (например, учитываются страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации с 01.01.2002, независимо от факта проживания на территории Российской Федерации на дату установления пенсии).

Основные положения Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24.01.2006 заключаются в следующем:

1) кроме урегулирования вопросов пенсионного обеспечения граждан Республики Беларусь и Российской Федерации, определены иные формы социального обеспечения граждан (пособия в области защиты материнства и детства, в случае трудового увечья и профессионального заболевания, пособия по временной нетрудоспособности, на случай безработицы, пособия на погребение);

2) при назначении пенсий на территории Российской Федерации предусмотрены следующие виды пенсионного обеспечения: страховые и социальные пенсии по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца (социальные пенсии назначаются и выплачиваются только в случае постоянного проживания пенсионера на территории Российской Федерации);

3) предусмотрена возможность выбора гражданином варианта пенсионного обеспечения с применением пропорционального принципа ответственности государств или только по законодательству государства, гражданином которого он является:

- при назначении пенсии по принципу «пропорциональности» (в соответствии с п. 1 ст. 23) учет периодов страхового (трудового) стажа, приобретенного до 13.03.1992, осуществляет Договаривающаяся Сторона, на территории которой лицо постоянно проживает, после указанной даты — каждая Договаривающаяся Сторона исчисляет и выплачивает пенсию с учетом трудового (страхового) стажа, приобретенного на ее территории;
- при назначении пенсии по «гражданству» (в соответствии с п. 2 ст. 23) периоды работы до распада СССР учитываются в стаж без каких-либо условий, после засчитываются по нормам законодательства страны, гражданином которой является пенсионер. Выбор варианта пенсионного обеспечения по «гражданству» является окончательным и пересмотру не подлежит;

4) определены варианты пенсионного обеспечения в случае переезда для проживания гражданина с территории одной Договаривающейся Стороны на территорию другой:

- при переезде пенсионера выплата пенсии за периоды стажа до 13.03.1992 осуществляется государством по новому месту жительства пенсионера (п. 2 ст. 24), в случае если пенсия была назначена с учетом пропорционального принципа, а за стаж, выработанный после этой даты, продолжается пропорциональная выплата каждой Стороной Договора;
- при переезде пенсионера выплата пенсии будет продолжена государством, назначившим пенсию, в случае если пенсия была назначена по «гражданству»;
- при переезде пенсионера, имеющего стаж продолжительностью не менее 25 лет (для мужчин) или не менее 20 лет (для женщин), полностью выработанный на территории одной из Сторон Договора, выплату пенсии может продолжить страна, назначившая пенсию, без применения норм Договора. Такой выбор является окончательным и пересмотру не подлежит (п. 3 ст. 24).

Пенсионное обеспечение граждан Российской Федерации и Республики Беларусь осуществляется на более выгодных условиях, в связи с учетом в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24.01.2006 изменений, произошедших во внутригосударственных пенсионных системах на дату его подписания, а также в связи с долевой (пропорциональной) финансовой ответственностью государств. Кроме того, переходные положения позволяют учесть не только пенсионные права, приобретенные на территории каждой Договаривающейся Стороны, но и на всей территории бывшего СССР.

Хочется обратить внимание, что в международных судах (в том числе в Экономическом Суде СНГ) вопросы по применению положений Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24.01.2006 не рассматривались. Это в первую очередь связано с тем, что Суд Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь до настоящего времени не сформирован.

С 2005 г. определен приоритет в использовании «пропорционального» принципа пенсионной ответственности государств как наиболее справедливого способа пенсионного обеспечения граждан государств — участников СНГ при заключении международных договоров в сфере пенсионного обеспечения. Соответствующие изменения в Соглашение о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13.03.1992 внесены не были. За период признания необходимости модернизации положений Соглашения от 13.03.1992 Российской Федерацией заключен один двусторонний договор, основанный на «пропорциональном» принципе, с государством из числа участников СНГ, с Республикой Беларусь.

Учитывая, что до настоящего времени требуемые изменения не нашли своего отражения в источниках международного правового регулирования в области пенсионного обеспечения граждан государств — участников Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13.03.1992, хочется отметить проводимую работу в части пенсионного обеспечения граждан государств — членов ЕАЭС (с 2015 г.) и Евразийского экономического сообщества¹ (с 2001 по 2014 гг.), так как Евразийская экономическая интеграция государств СНГ за период осуществления деятельности названных организаций вышла на новый уровень взаимодействия.

Пенсионное обеспечение граждан государств — членов Евразийского экономического союза

Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан в г. Астане 25 мая 2014 г.² По мнению Президента Российской Федерации В. В. Путина, факт подписания Договора о Евразийском экономиче-

¹ Договор об учреждении ЕвразЭС был подписан 10 октября 2000 г. в Астане и вступил в силу 30 мая 2001 г. после его ратификации всеми государствами-членами. Членами Евразийского экономического сообщества с момента его образования являлись пять государств — Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. 25 января 2006 г. был подписан протокол о присоединении к организации Узбекистана. В октябре 2008 г. Узбекистан приостановил участие в работе органов ЕвразЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://evrazes.com/about/history> (дата обращения 17.04.2020).

² Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.eaeunion.org/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610> (дата обращения 15.04.2020).

ском союзе на территории Республики Казахстан является символичным, так как «у истоков самой идеи Евразийского экономического союза стоял Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, впервые озвучивший эту идею в своем выступлении в Московском государственном университете им. Ломоносова в 1994 г.»¹. Членами ЕАЭС являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика и Российская Федерация.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции и обладает международной правосубъектностью. В п. 1 ст. 8 Договора о Евразийском экономическом союзе перечислены органы ЕАЭС:

- Высший экономический совет;
- Евразийский межправительственный совет;
- Евразийская экономическая комиссия;
- Суд Евразийского экономического союза.

Проанализировав стадии интеграционного строительства ЕАЭС, В. И. Сологуб приходит к выводу об использовании опыта, наработанного одним из самых успешных интеграционных объединений, — Европейского союза. «Об этом говорит и формирование таможенного союза, и создание единого экономического пространства, и выстраивание компетенций органов объединения» [7, с. 144].

В положениях Договора о Евразийском экономическом союзе отражены обязательства решения *вопросов экспорта пенсий и зачета трудового стажа, накопленного в другой стране — участнице ЕАЭС*².

Работа по подготовке Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза велась с 2014 г. Распоряжением Евразийской экономической комиссии от 05.03.2019 № 38 был одобрен проект Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза.

20 декабря 2019 г. в Санкт-Петербурге состоялось заседание Высшего Евразийского экономического совета, в котором приняли участие Премьер-министр Республики Армения Никол Пашинян, Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, Президент Кыргызской Республики Сооронбай Жээнбеков, Президент Российской Федерации Владимир Путин, Первый Президент Республики Казахстан, Почетный председатель Высшего Евразийского экономического совета Нурсултан Назарбаев, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Тигран Саркисян, Президент Республики Молдова Игорь Додон — в качестве главы государства-наблюдателя при ЕАЭС. На упомянутом заседании было подписано Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС.

По словам премьер-министра Республики Армения Н. Пашиняна, подписание Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза является «значительным прогрессом в процессе создания условий для эффективного функционирования единого рынка трудовых ресурсов Союза»³.

Государства, иницируя равные возможности труда на своих территориях, со вступлением в силу Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС смогут начать реализацию пропорционального участия в осуществлении мер социальной защиты граждан в соответствии с трудовым стажем, приобретенным на территории каждой из Сторон Договора.

Для Российской Федерации инновационный подход данного Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС заключается в одновременном сочетании в международном договоре, заключенном по вопросам пенсионного обеспечения, многостороннего участия государств и принципа пропорциональной ответственности за пенсионное обеспечение граждан. Ранее договоры,

¹ Право Евразийского экономического союза : учебное пособие / отв. ред. Е. Г. Моисеев. М. : Проспект. 2015. С. 29.

² Вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-01-2015-1.aspx> (дата обращения 20.04.2020).

³ Итоги ВЕЭС: подписано Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся, утвержден план мероприятий, которые необходимо выполнить до начала работы общего электроэнергетического рынка ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/20-12-2019-4.aspx> (дата обращения 21.12.2019).

основанные на принципе пропорциональности, заключались только в двустороннем порядке. В многостороннем порядке подписаны только договоры, основанные на территориальном принципе.

Соглашением о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС предусмотрена возможность назначения пенсии каждым государством — членом ЕАЭС, в случае если стаж, приобретенный на его территории, суммарно составляет более 12 полных месяцев, то есть предусмотрена возможность одновременного назначения и выплаты пенсии согласно законодательству нескольких государств — членов ЕАЭС (п. 1 ст. 6), на территориях которых проходила трудовая деятельность, при соблюдении внутригосударственных условий для приобретения права на пенсионное обеспечение. Под соблюдением внутригосударственных условий понимается достижение возраста, предусмотренного законодательством соответствующей страны, наличие установленного количества лет страхового (трудового) стажа, а также иные специфические для отдельной страны требования. В пенсионном законодательстве Российской Федерации таким специфическим показателем является «индивидуальный пенсионный коэффициент», понятие которого введено Федеральным законом от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (вступившего в силу с 01.01.2015)¹. При этом в случае, если стажа работы, приобретенного на территории одного государства-члена недостаточно для определения права на пенсию, может быть учтен трудовой стаж, выработанный на территориях других государств — членов ЕАЭС (п. 1, 2 ст. 7). При определении права на досрочную пенсию льготные периоды, выработанные на территории другого государства — члена ЕАЭС, не учитываются. Такие периоды рассматриваются как стаж работы на общих основаниях (п. 4 ст. 7).

Виды пенсий, назначаемые каждым государством — членом ЕАЭС, конкретизированы в Соглашении о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза от 20.12.2019, виды пенсионного обеспечения соответствуют предусмотренным на внутригосударственном уровне каждого государства — члена ЕАЭС.

Хочется обратить внимание, что не все виды выплат, предусмотренные при назначении пенсии законодательством Российской Федерации, будут установлены в случае постоянного проживания пенсионера на территории иного государства ЕАЭС. Так, например, фиксированная выплата к страховой пенсии, повышение и (или) увеличение фиксированной выплаты к страховой пенсии и доплата к страховой пенсии, валоризация пенсионных прав в денежном выражении будут производиться только при условии постоянного проживания на территории Российской Федерации.

Переходные положения, предусмотренные Соглашением о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС и отраженные в ст. 12, определяют порядок назначения и выплаты пенсии:

- за стаж работы, приобретенный после вступления Соглашения в силу (с даты вступления Соглашения в силу пенсия назначается и выплачивается государством — членом ЕАЭС, на территории которого приобретен соответствующий стаж работы);
- за стаж работы, приобретенный до вступления Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС в силу (пенсия назначается и выплачивается в соответствии с законодательством государств — членов ЕАЭС и Соглашением о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13.03.1992, а для Республики Беларусь и Российской Федерации — Договором между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения от 24.01.2006).

Процедура вступления в силу Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС определена ст. 14 раздела «Заключительные положения»: с даты получения депозитарием по дипломатическим каналам последнего письменного уведомления о выполнении государствами-членами внутригосударственных процедур, необходимых для вступления Соглашения в силу.

¹ О страховых пенсиях : федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=334560&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5558434481979397#04669317996934206> (дата обращения 15.02.2020).

Учитывая нераспространение инновационных положений Соглашения *о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС* от 20.12.2019 о пропорциональной ответственности на более ранние периоды, трудовой стаж, приобретенный до даты вступления в силу названного Соглашения, будет учитываться в соответствии с ныне действующими нормами.

Поскольку Соглашение *о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС* от 20.12.2019 в настоящее время не действует, а учет стажа по принципу пропорциональной ответственности государств ЕАЭС предусмотрен только в отношении периодов стажа, приобретенных с даты вступления Соглашения в законную силу, «в отношениях между Российской Федерацией и Арменией, Казахстаном, Киргизией принцип территориальности будет актуальным еще достаточно долго» [8, с. 54].

В отношении рассмотрения в Суде ЕАЭС дел по вопросам пенсионного обеспечения граждан государств — членов ЕАЭС практически отсутствует в связи с тем, что Соглашение *о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС* от 20.12.2019 не вступило в силу. При этом в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 20.12.2018¹ по запросу Евразийской Экономической Комиссии даны разъяснения в части применения п. 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в ЕАЭС (приложение № 32 к Договору о ЕАЭС от 29.05.2014), в соответствии с которым разъяснена возможность включения периода работы должностных лиц и сотрудников Комиссии или Суда в стаж государственной службы для установления социальных гарантий, в том числе для назначения пенсии за выслугу лет. Положения о пенсионном обеспечении сотрудников ЕАЭС отражены в Договоре о ЕАЭС от 29.05.2014.

Рассмотрев положения Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза в части организации международного сотрудничества и определения права с учетом факта работы на территории государств интеграционного пространства, можно сделать вывод о том, что опыт Европейского союза был учтен не только при определении путей развития ЕАЭС, но и при разработке Соглашения *о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС* от 20.12.2019.

По мнению заместителя директора МАПСФ, М. М. Селиверстовой, «внедрение практики мобильности (транспортабельности) пенсий в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является необходимым шагом на пути к региональной экономической интеграции» [6, с. 54].

Система социального обеспечения государств — членов Европейского Союза основана на сохранении суверенитета государств-членов в построении систем социального обеспечения (пенсионные системы государств — членов Европейского союза сильно различаются по организации и условиям назначения пенсии) и координации их действий при выполнении обязательств, заключенных в Регламенте ЕС № 883/2004 «О координации систем социальной защиты»², которая и была частично заимствована при определении путей организации пенсионного обеспечения в рамках Соглашения *о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС* от 20.12.2019. Сохранены внутригосударственные требования для назначения пенсии, предусмотренные на территории каждого государства — члена ЕАЭС, без необходимости создания наднациональной пенсионной системы или соответствующего органа и установления единых требований для установления пенсии гражданам интеграционного объединения.

В мире отсутствует универсальная пенсионная система, подходящая для всех стран, поскольку структура пенсионной системы в каждой стране обусловлена особенностями исторического развития, экономики, демографии, культуры и другими обстоятельствами [4, с. 35]. Однако опыт организации пенсионного обеспечения граждан на межгосударственном уровне в пределах интеграционных

¹ Консультативное заключение от 20.12.2018 г. № CE-2-2/7-18-БК [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/konsultativnoe-zakliuchenie-suda-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soiuza-ot-20122018-n/> (дата обращения 10.02.2020).

² Для анализа использована публикация Л. Д. Любимовой, И. Ю. Александровой «Информация о пенсионном обеспечении трудящихся в странах ЕС» [Электронный ресурс]. URL: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/useful_links/Documents/Информация о пенсионном обеспечении трудящихся в странах ЕС.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/useful_links/Documents/Информация%20о%20пенсионном%20обеспечении%20трудящихся%20в%20странах%20ЕС.pdf) (дата обращения 05.03.2020).

пространств может быть успешно перенят, поскольку в большинстве случаев предполагает лишь внешнее регулирование взятых государством обязательств по пенсионному обеспечению граждан интеграционного сообщества, в соответствии с внутригосударственным пенсионным законодательством, при этом отсутствует необходимость унификации норм внутригосударственного обеспечения.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что государствами — участниками интеграционных сообществ предпринимаются попытки защиты пенсионных прав граждан путем внесения необходимых изменений в законодательство или заключения международных договоров. Однако сложность в процессе заключения многостороннего Договора в сфере социального (пенсионного) обеспечения, построенного по принципу «пропорциональности», объясняется необходимостью последующего осуществления государством расходов в соответствии с принятыми обязательствами, а также сложностью в организации непосредственного процесса пенсионного обеспечения с учетом многостороннего участия государств и согласования интересов партнеров.

В качестве положительной тенденции в развитии уровня социальной защищенности граждан отдельных государств — участников СНГ можно отметить подписание инновационного многостороннего международного договора, основанного на «пропорциональном» принципе, в положениях которого отражено право гражданина на выплату пенсии со стороны каждого государства, в случае осуществления работы на его территории не менее года, при соблюдении внутригосударственных условий для выхода на пенсию и при подтверждении факта уплаты пенсионных взносов.

В случае эффективного пенсионного обеспечения граждан государств — членов ЕАЭС положительный опыт применения Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС может способствовать восстановлению и развитию сотрудничества государств — членов СНГ по модернизации положений Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного обеспечения от 13.03.1992 либо активизации процессов заключения двусторонних международных договоров, положения которых будут направлены на усовершенствование защиты пенсионных прав граждан государств — участников СНГ.

Литература

1. Арзыбаев А. Пенсионные системы в условиях суверенитета: уроки и перспективы (на примере стран СНГ) // Пенсия. 2018. № 9.
2. Дмитриева А. Б. Интеграционные процессы на пространстве СНГ : монография. М. : Эдитус. 2017. 160 с.
3. Иванова Н. С., Варшавер Е. А. Особенности правового положения трудовых мигрантов из ЕАЭС и прочих стран СНГ в России: сравнительный анализ // Миграционное право. 2018. № 3.
4. Мачульская Е. Е. Пенсионные реформы в Европе: можно ли использовать опыт европейских стран в России? // Социальное и пенсионное право. 2017. № 1.
5. Мишальченко Ю. В. Теория и практика международной экономической интеграции государств: экономико-правовые и валютно-финансовые аспекты : диссертация доктора экономических наук: 08.00.14 / Мишальченко Ю. В. СПб. 2000. 432 с.
6. Селиверстова М. М. Мобильность пенсий в рамках Евразийского экономического союза и СНГ // Пенсия. № 3. 2015. С. 54.
7. Сологуб В. И. Современные интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе : диссертация кандидата политических наук: 23.00.04 / Сологуб В. И. [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. Москва, 2019.
8. Чирков С. А. О подписании Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза // Пенсия. 2020. № 1.
9. Щеголева Н. Г. Региональная экономическая интеграция: методология, архитектура и векторы развития (на примере ЭКОВАС, ССАГПЗ, АСЕАН, ЕАЭС) : монография / Н. Г. Щеголева. М. : Наука, 2019. 200 с.

Об авторах:

Мишальченко Юрий Владимирович, Генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор; myv2008@mail.ru

Платонова Людмила Александровна, главный специалист-эксперт отдела организации назначения и перерасчета пенсий Государственного учреждения — Отделение Пенсионного фонда РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Санкт-Петербург, Российская Федерация); platonoval@inbox.ru

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; toropyginav@mail.ru

References

1. Arzybaev A. Pensionnye sistemy v usloviyakh suvereniteta: uroki i perspektivy (na primere stran SNG) // Pensiya. 2018. № 9.
2. Dmitrieva A. B. Integratsionnye protsessy na prostranstve SNG : monografiya. M. : Editus. 2017. 160 s.
3. Ivanova N. S., Varshave E. A. Osobennosti pravovogo polozheniya trudovykh migrantov iz EAES i prochikh stran SNG v Rossii: sravnitel'nyi analiz // Migratsionnoe pravo. 2018. № 3.
4. Machul'skaya E. E. Pensionnye reformy v Evrope: možno li ispol'zovat' opyt evropeiskikh stran v Rossii? // Sotsial'noe i pensionnoe pravo. 2017. № 1.
5. Mishal'chenko Yu. V. Teoriya i praktika mezhdunarodnoi ekonomicheskoi integratsii gosudarstv: ekonomiko-pravovye i valyutno-finansovye aspekty : dissertatsiya doktora ekonomicheskikh nauk: 08.00.14 / Mishal'chenko Yu. V. SPb. 2000. 432 s.
6. Seliverstova M. M. Mobil'nost' pensii v ramkakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza i SNG // Pensiya. № 3. 2015. S. 54.
7. Sologub V. I. Sovremennye integratsionnye protsessy v Evraziiskom ekonomicheskom soyuze : dissertatsiya kandidata politicheskikh nauk: 23.00.04 / Sologub V. I. [Mesto zashchity: Diplomat. akad. MID RF]. Moskva, 2019.
8. Chirkov S. A. O podpisanii Soglasheniya o pensionnom obespechenii trudyashchikhsya gosudarstv — chlenov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza // Pensiya. 2020. № 1.
9. Shchegoleva N. G. Regional'naya ekonomicheskaya integratsiya: metodologiya, arkhitektura i vektory razvitiya (na primere EKOVA, SSAGPZ, ASEAN, EAES) : monografiya / N. G. Shchegoleva. M. : Nauka, 2019. 200 s.

About the authors:

Yuri V. Mishalchenko, General Counsel of the CIS Economic Court, Doctor of Economics, Doctor of Law, Professor; myv2008@mail.ru

Lyudmila A. Platonova, State Institution — Department of the Pension Fund of the Russian Federation in St. Petersburg and the Leningrad Region (Saint Petersburg, Russian Federation), Chief Specialist-Expert of the Department of Organization of Appointment and Recalculation of Pensions; platonoval@inbox.ru

Andrey V. Toropygin, Professor of the Department of International Relations, SZIU RANEPa under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Political Science, Professor; toropyginav@mail.ru

Сравнительный анализ правового регулирования гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни и здоровью человека

Шубина О. Б.*, Филиппова К. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* shubina-ob@rambler.ru

РЕФЕРАТ

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ законодательного регулирования гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни и здоровью человека, деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, в России и зарубежных странах. Ввиду интенсивного развития новых технологий и появления новых источников повышенной опасности возникает необходимость в конкретизации понятия «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих» в российском законодательстве.

Предметом статьи выступают нормы права российского и зарубежного законодательства, регулирующие институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни и здоровью человека, деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих.

Статья написана с использованием общенаучных, философских и специальных юридических методов познания.

По результатам в статье дается оценка особенностей регулирования причинения вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, в зарубежном законодательстве.

На основании проведенного исследования предложено разграничить закрепленные в российском законодательстве, а именно в ст. 1079 Гражданского кодекса РФ, понятия «источник повышенной опасности» и «деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих», также предложено конкретизировать перечень источников повышенной опасности, включив в него беспилотный транспорт, бойцовых собак.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, владелец, деликт, возмещение, вред, зарубежное законодательство

Для цитирования: Шубина О. Б., Филиппова К. А. Сравнительный анализ правового регулирования гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни и здоровью человека // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 78–87.

Comparative Analysis of the Legal Regulation of Civil Liability for Harm Caused to Human Life and Health

Olga B. Shubina*, Kseniya A. Filippova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nord West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; * shubina-ob@rambler.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is a comparative analysis of the legal regulation of civil liability for harm caused to human life and health by activities that create an increased danger to others in Russia and

foreign countries. Due to the intensive development of new technologies and the emergence of new sources of increased danger, there is a need to specify the concept of «activities that create increased danger to others» in Russian legislation.

The subject of the article is the norms of law of Russian and foreign legislation regulating the institution of civil liability for harm caused to human life and health by activities that create an increased danger to others.

The article is written using General scientific, philosophical and special legal methods of cognition.

Based on the results, the article assesses the specifics of regulating harm caused by activities that create an increased danger to others in foreign legislation.

Based on the research, it is proposed to distinguish the concepts of «source of increased danger» and «activities that are associated with increased danger to others» in Russian legislation, adding a note to article 1079 of the Civil code of the Russian Federation, as well as to specify the list of sources of increased danger, including unmanned vehicles and fighting dogs.

Keywords: source of increased danger, owner, delict, compensation, harm, foreign legislation

For citing: Shubina O. B., Filippova K. A. Comparative Analysis of the Legal Regulation of Civil Liability for Harm Caused to Human Life and Health // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 78–87.

Проблемы гражданско-правовой ответственности издавна привлекали внимание ученых-цивилистов. В настоящее время, несмотря на достаточно длинный исторический путь становления в российском и зарубежном законодательстве, институт ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека продолжает развиваться, многие важные вопросы не получили однозначных ответов, остались коллизии и пробелы, которые в условиях современного изменения общества только нарастают. На сегодняшний день интенсивное развитие науки и техники порождает новые источники повышенной опасности. С появлением новых факторов, загрязняющих окружающую среду, новых видов энергии, производства, технологий, новых видов транспорта, в том числе беспилотного транспорта, в правоприменительной практике все чаще возникают вопросы признания того или иного объекта источником повышенной опасности. Также правоприменительная практика показывает, что нередко под критерии общественной опасности попадают объекты, которые ранее не вызывали беспокойство окружающих. В качестве примера можно привести породы бойцовых собак.

Так, в Челябинской области на женщину набросилась собака породы стаффордширский терьер. Пострадавшей была оказана скорая медицинская помощь: собака схватила ее за кисть руки. После этого женщина две недели находилась на лечении в хирургическом центре.

Обычно именно виновное поведение владельцев животных становится причиной причинения вреда. Хотя теоретически животные соответствуют всем признакам источника повышенной опасности, вопрос их отнесения к источникам повышенной опасности в нашей стране до сих пор остается открытым. Разрешая данный спор, суд первой инстанции не посчитал нужным отнести стаффордширского терьера к источнику повышенной опасности. Однако апелляционный суд пояснил, что в определенных случаях источниками повышенной опасности могут признаваться и специально выведенные породы собак, отличающиеся особой агрессивностью. Данный вопрос в каждом отдельном случае разрешается судом с учетом фактических обстоятельств конкретного дела¹.

Проблемы возникают также при разрешении споров о возмещении вреда, причиненного дикими животными. В качестве примера можно привести диких пчел, которые стали причиной многочисленных укусов пожилых соседей пасечника из Челябинской области.

Улей пасечника проникли дикие пчелы, из-за чего домашние пчелы разлетелись и покусали пожилых соседей, что спровоцировало у них гипертонический криз и аллергию. Кто должен в данном случае

¹ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 19.06.2014 по делу № 11-6059/2014 // СПС КонсультантПлюс. 2019 (дата обращения: 28.11.2019).

возместить длительное лечение пострадавших? Кроме того, пчелы искусили среднеазиатскую овчарку соседей, которая вскоре должна была ощениться. Собака погибла, как показало вскрытие, у нее должно было родиться семь щенков. Пострадавшие обратились в суд с заявлением о взыскании материального ущерба с пасечника. Исковые требования включали в себя расходы на лечение и компенсацию морального вреда, стоимость собаки и неполученные доходы от продажи щенков. Верховный Суд РФ в данном деле пришел к выводу, что рой домашних пчел является источником повышенной опасности, находящимся во владении пасечника, и обязал его независимо от своей вины возместить вред потерпевшим¹.

Уже сейчас мы можем наблюдать, как технический прогресс опережает развитие цивилистической науки. Необходимость устранения разнотечий, потребность в регулировании новых инновационных технологий, которые впоследствии становятся источниками повышенной опасности, растет с каждым днем.

Законодательство разных стран по-разному регулирует институт ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность. Наблюдаются тенденции как к обобщению норм об ответственности за причинение вреда источниками повышенной опасности, как в законодательстве России, Италии, Португалии, так и к сохранению партикулярного, специального правового регулирования данного института, которое в большинстве случаев дифференцируется по видам источников повышенной опасности. Специальные акты, регулирующие ответственность за причинение вреда в отдельных сферах, есть в Англии. Они применяются наряду с системой общего права в вопросах, касающихся атомной энергетики, гражданской авиации, газоснабжения, водоснабжения. Отдельное нормативное регулирование данного института можно наблюдать в Германии, где принят полноценный нормативно-правовой акт, регулирующий ответственность за вред, причиненный источниками повышенной опасности [8].

На сегодняшний день нет единообразного подхода и в определении методов правового регулирования ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Если обратиться к опыту Франции, критерий опасности в данной стране вовсе не учитывается, ответственность возлагается на владельца источника повышенной опасности. Более подробно модель правового регулирования во французском законодательстве будет рассмотрена ниже. Согласно же российскому законодательству именно критерий опасности лежит в основе модели правового регулирования. Согласно ст. 1079 Гражданского Кодекса РФ «юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего»².

Но что именно следует считать под источником повышенной опасности согласно российскому гражданскому законодательству, до сих пор остается непонятным. Либо источником признается общественно-опасная деятельность, которую лицо осуществляет, либо это определенный объект материального мира, который представляет опасность для окружающих, которым лицо владеет.

Ответ на данный вопрос был дан Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в 2010 г.: «Источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами»³. Но данное разъяснение не может быть распространено на всю

¹ Саткинский городской суд Челябинской области [Электронный ресурс] URL: http://satka.chel.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=27 (дата обращения: 22.04.2020).

² Ст. 1079 Гражданского Кодекса Российской Федерации (ч. II) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.

³ П. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. № 24. 2010.

правоприменительную практику, поскольку не исчерпывает весь перечень общественно-опасной для окружающих деятельности.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что именно общественно-опасная деятельность понимается в российском законодательстве под источником повышенной опасности, а не конкретный объект материального мира. Но нельзя отождествлять понятия «источник» и «деятельность». Такая позиция вызывает споры, особенно в научной среде, поскольку, устанавливая ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в законе говорится о «владельце». Можно владеть самостоятельно или передавать во владение только материальный объект, но никак не деятельность.

Поэтому все чаще в цивилистической литературе преобладает отличная от закреплённой в законе точка зрения, согласно которой именно предметы материального мира, которые в процессе их использования проявляют такие качества, свойства, состояния, в силу которых владение ими связано с повышенной опасностью для окружающих, признаются источниками повышенной опасности.

Разрешение вопроса о привлечении к ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, в существующем российском законодательстве вызывает ряд существенных вопросов на практике.

Представим ситуацию: водитель едет за рулем своего автомобиля. Вдруг он попадает в дорожно-транспортное происшествие и причиняет вред третьим лицам. Кто в данном случае подлежит ответственности? Водитель осуществлял управление транспортным средством, поэтому, безусловно, согласно российскому законодательству, именно он будет ответственен за причиненный вред.

Представим другую ситуацию: на дороге общего пользования проводятся испытания. Запускается транспортное средство, которое управляется самостоятельно. Беспилотный автомобиль насмерть сбивает человека. Что делать в ситуации, когда вред причинен автомобилем без водителя? Как такую ситуацию разрешит суд?

Такой случай был зарегистрирован в 2018 г. в штате Аризона, США. В момент аварии, согласно законодательству штата, в автомобиле компании Uber сидел тестировщик — человек, отвечающий за проведение испытаний [4].

В данном случае возникает вопрос: кто подлежит ответственности за причинение вреда — лицо, которое находилось в транспортном средстве и не смогло вовремя принять на себя управление, компания — производитель беспилотного автомобиля или разработчики технологии? Данный вопрос вызвал серьезные споры среди американских юристов.

Рассмотрим, как понятие «беспилотное транспортное средство» закреплено в российском законодательстве.

Согласно ратифицированной со стороны России Венской конвенции о дорожном движении¹, а именно п. 1 ст. 8: «Каждое транспортное средство или состав транспортных средств, которые находятся в движении, должны иметь водителя».

Для возможности дальнейшего внедрения беспилотных транспортных средств Российская Федерация приняла следующее изменение: «Считается, что системы транспортных средств, воздействующие на способ управления транспортным средством и не отвечающие вышеупомянутым условиям изготовления, установления и использования, соответствуют положениям п. 5 настоящей статьи и п. 1 ст. 13, если водитель может в любой момент перевести их в ручной режим или отключить». Данные нормы предусматривают обязанность водителя всегда иметь возможность управлять своим транспортным средством.

Согласно п. 5 ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации²: «Беспилотное воздушное судно — воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)».

¹ Конвенция о дорожном движении (заключена в г. Вене 08.11.1968) (ред. от 23.09.2014) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.03.2020).

² Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Российская газета, № 59–60, 26.03.1997.

Также Распоряжением Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р¹ была утверждена «Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования. Согласно Концепции: «Под беспилотным транспортным средством понимается высоко- или полностью автоматизированное транспортное средство, функционирующее без вмешательства человека (в беспилотном режиме)».

Законодательство Российской Федерации приравнивает беспилотные транспортные средства к обычным². Поэтому в ситуациях причинения вреда с участием беспилотных транспортных средств, согласно п. 1 ст. 1079 Гражданского кодекса РФ, «обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании (на праве аренды, по доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т. п.)».

Рассматривая данные вопросы, особый интерес представляет изучение особенностей регулирования ответственности за причинение вреда источниками повышенной опасности в законодательстве зарубежных стран.

В Японии институт обязательств вследствие причинения вреда закреплен в Гражданском кодексе³. Согласно ст. 709⁴ общим условием наступления деликтной ответственности являются умысел и неосторожность. Для квалификации деяния как умышленного необязательно, чтобы причинение вреда являлось конечной целью лица, совершившего его. Под неосторожностью понимается пренебрежение требуемым законодательством вниманием, иными словами «вниманием хорошего управляющего». При этом по законодательству Японии ответственность владельцев транспортных средств строится на началах причинения, то есть независимо от вины. Кроме общих положений, регулирующих институт деликтной ответственности, законодательство выделяет специальные виды, в числе которых ответственность за вред, причиненный использованием атомной энергии; загрязнением окружающей среды; добычей полезных ископаемых. Ответственность за такой вред несут организации, осуществляющие данные виды деятельности. Также в законодательстве Японии закреплена ответственность владельцев животных. Согласно ст. 718⁵ Гражданского кодекса Японии, «владелец животного или лицо, управляющее животным от имени владельца, обязан возместить ущерб, причиненный животным другим лицам, при условии, однако, что это не применяется, если он / она управлял животным с разумной осторожностью в соответствии с видом и характером животного» [4].

Существенное внимание данному институту уделяется в современном Китае, который находится на этапе масштабного планомерного реформирования гражданского законодательства. В стране вступит в силу новый гражданский кодекс⁶, который будет содержать отдельную самостоятельную часть, посвященную возмещению вреда за деликтные правонарушения. На сегодняшний день для регулирования данного института в государстве существуют отдельные законы. Основным законом, предусматривающим возмещение вреда, является Закон об ответственности за правонарушения КНР⁷.

В зависимости от вида общественно-опасной деятельности вышеупомянутый закон дифференцирует ответственность за вред, причиненный источниками повышенной опасности. Так, нормы, посвященные

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.12.2019).

² Ст. 18 Постановления Правительства РФ от 26.11.2018 № 1415 (ред. от 22.02.2020) «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» (вместе с «Положением о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств») // Собрание законодательства РФ, 03.12.2018, № 49 (ч. VI), ст. 7619.

³ 民法 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moj.go.jp/content/000056024.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

⁴ 第709条 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moj.go.jp/content/000056024.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

⁵ 第718条 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moj.go.jp/content/000056024.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

⁶ Парламент Китая одобрил первый в истории страны единый Гражданский кодекс [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200528/1572099055.html> (дата обращения: 10.12.2019).

⁷ 中华人民共和国侵权责任法 [Электронный ресурс]. URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/df16114f48f958954c02bd2261903c.html> (дата обращения: 10.12.2019).

данному институту, закреплены в разных главах Закона Китайской Народной Республики. Например, в гл. 9 «Ответственность за высокую степень опасности»¹ содержатся нормы, регулирующие возмещение вреда, причиненного вследствие выполнения особо опасных операций, ядерной аварии на гражданском объекте использования особо опасных веществ. К особо опасным веществам законодатель Китая относит, к примеру, высокотоксичные, взрывоопасные, радиоактивные, легковоспламеняющиеся вещества. В гл. 10 закреплена ответственность за вред, причиненный животными². Кроме перечисленного, данный закон закрепляет ответственность за вред, причиненный в результате дорожно-транспортных происшествий, использования атомной энергии, подземных работ. Согласно ст. 74, «ответственность за ущерб, причиненный другим лицам в результате утраты или оставления особо опасных предметов, несет собственник»³.

В китайском законодательстве существует различие традиционного регулирования отдельных видов опасных объектов. Например, в Китае традиционно хорошо защищены от исков потерпевших компании, занимающиеся электричеством, при этом жестко регламентируется компенсация вреда, причиненного железнодорожными компаниями. В отличие от первых, компании, связанные с железнодорожными перевозками, несут ответственность за действия третьих лиц, и для них устанавливается обязательный минимум возмещения вреда. При этом предусмотрена возможность сторон договориться о порядке возмещения вреда. Так, причинитель вреда и потерпевший могут обговорить размер компенсации, способ ее выплаты, возможность рассрочки [5]. С одной стороны, это освобождает потерпевшую сторону от необходимости сбора доказательств (чеков, выписок, справок, документов, подтверждающих получение услуг по восстановлению здоровья). С другой стороны, такой подход позволяет предусмотреть более гибкую систему выплат.

В Гражданском кодексе Республики Армения⁴ ст. 1072 «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» полностью повторяла аналогичную ст. 1079 Гражданского кодекса РФ. В 2007 г. в данную статью было внесено изменение, согласно которому слово «владелец» было заменено на «собственник»⁵. Таким образом, по законодательству Армении ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, лежит на лице, которое помимо владения и пользования, правомочен распоряжаться источником повышенной опасности. Что касается понятия «источник повышенной опасности», в законодательстве Армении оно полностью повторяет понятие, закрепленное в гражданском законодательстве Российской Федерации.

Несмотря на сходство, в ст. 1071.2⁶ Гражданского кодекса Республики Армения закреплена ответственность собственника животных.

В ст. 1108 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики⁷ «Ответственность за вред, допущенный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» также изложены положения, аналогичные положениям Гражданского Кодекса РФ. Но, как и в законодательстве Армении, в гражданском законодательстве Азербайджана предусмотрена норма, предусматривающая ответственность за причинение вреда животным. Так, согласно ст. 1110 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики «владелец животного обязан возместить вред, причиненный животным другим лицам». При этом не имеет значения, причинен ли вред животным, которое сбежало от владельца,

¹ 第九章 高度危险责任 中华人民共和国侵权责任法 [Электронный ресурс]. URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/df16114f48f958954c02bd2261903c.html> (дата обращения: 23.11.2019).

² 第十章 饲养动物损害责任 [Электронный ресурс]. URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/df16114f48f958954c02bd2261903c.html> (дата обращения: 23.11.2019).

³ 第七十四条 中华人民共和国侵权责任法 [Электронный ресурс]. URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/df16114f48f958954c02bd2261903c.html> (дата обращения: 23.11.2019).

⁴ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳԻՐԸ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=74658> (дата обращения: 14.04.2020).

⁵ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳՐՈՒՄ ԼՐԱՑՈՒՄՆԵՐ ԵՎ ՓՈՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ԿԱՏԱՐԵԼՈՒ ՄԱՍԻՆ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=32915> (дата обращения: 14.04.2020).

⁶ ՀՈՂՎԱԾ 1071² ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ՕՐԵՆՍԳՐՈՒՄ ԼՐԱՑՈՒՄՆԵՐ ԵՎ ՓՈՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ԿԱՏԱՐԵԼՈՒ ՄԱՍԻՆ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=32915> (дата обращения: 14.04.2020).

⁷ Maddə 1108. Ətrafdakılar üçün yüksək təhlükə yaradan fəaliyyətlə törədilmiş zərərə görə məsuliyyət / AZƏRBAYCAN RESPUBLİKASININ MÜLKİ MƏCƏLLƏSİ [Электронный ресурс]. URL: <http://e-qanun.az/code/8> (дата обращения: 23.04.2020).

или было утеряно, или находилось под надзором. Освобождение от ответственности предусмотрено только в случае, если предприняты все меры, направленные на охрану третьих лиц.

Обращаясь к опыту США, следует сразу отметить, что в американской правовой системе гражданское и уголовное право и судопроизводство тесно связаны между собой. С точки зрения американского права противоправным является поведение лица, которое нарушает чужие субъективные права. Для возникновения обязательства по возмещению вреда необходимо наличие трех элементов: наличие потерпевшего лица; совершение деяния, которое повлекло причинение вреда; такое деяние должно нарушать установленную законом перед потерпевшим обязанность. Но, кроме этого, существуют и дополнительные деликты.

За вред, причиненный особо опасными видами деятельности, в Соединенных Штатах действует генеральный принцип строгой ответственности за вред.

При этом в американском праве отсутствует единое научное определение понятия «источник повышенной опасности». Данный факт порождает различия в законодательной и прецедентной практике отдельных штатов. Чаще всего под опасными объектами понимаются жидкие, газообразные вещества, которые могут нанести вред при проникновении через границы собственности. Под опасной деятельностью понимается не являющаяся распространенной и общедоступной деятельность, создающая значительный риск причинения вреда, который невозможно предотвратить разумными мерами предосторожности. Регулирование данной деятельности осуществляется на основе применения нескольких источников права: норм статутного права (федерального уровня), права штатов, судебных прецедентов, авторитетных частноправовых кодификаций.

Анализируя российскую и американскую правоприменительную практику, важно отметить, во-первых, различие критериев повышено-опасной деятельности, о которых было сказано выше.

Во-вторых, различие в квалификации деятельности субъекта для возложения ответственности за причинение вреда. Чтобы квалифицировать действия лица как причинившие вред деятельностью, создающей повышенную опасность, в России достаточно признать недостаточную бдительность лица или недостаточность подавления вредоносных свойств источника повышенной опасности. Для подобной квалификации в США применяются специальные юридические техники: моделирование ситуации и экономическая оценка с позиции предпринятых мер предосторожности относительно вероятности наступления вреда и тяжести последствий [12].

Рассмотрим подробнее на примере законодательства Франции. Согласно ст. 1242 Гражданского Кодекса Франции¹ ответственность за причинение вреда, вызванного вещью, несет лицо, владеющее вещью. Что касается владельцев автотранспортных средств, их ответственность регулируется специальным законом от 05.07.1985, который направлен на улучшение положения потерпевших от дорожно-транспортных происшествий и ускорение процедур возмещения вреда. В отношении железнодорожного движения, продуктов массового потребления, сферы технических сетей лицо должно использовать вещь непосредственно в момент причинения вреда — это главное условие наступления ответственности. Как и в российском законодательстве, регулируется противоправное изъятие вещи из владения.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие нормы зарубежного права и законодательства весьма специфичны и продиктованы своеобразием историко-политического развития стран, однако ряд норм, неизвестных отечественному законодательству, могли бы найти свою интерпретацию и в российской правовой действительности. Так, например, в Китае² источники повышенной опасности разделены на виды, каждый из которых регулируется отдельными правовыми нормами. И даже в таких странах, как Армения и Азербайджан, которые пошли по схожему с Россией пути развития гражданского законодательства, урегулирован вопрос ответственности за причинение вреда животными. В данных странах не возникает вопросов отнесения животных к источникам повышенной опасности, поскольку в гражданских

¹ Article 1242 Code civil [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032041559?isSuggest=true#LEGISSTA000032021488 (дата обращения: 19.12.2019).

² 第九章 高度危险责任 中华人民共和国侵权责任法 [Электронный ресурс]. URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/df16114f48f958954c02bd2261903c.html> (дата обращения: 23.11.2019).

кодексах закреплены специальные нормы, регулирующие случаи возмещения вреда собственниками и владельцами животных.

Институт ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, в России имеет существенные пробелы: поскольку в законодательстве невозможно отразить исчерпывающий перечень всех видов деятельности, которые представляют вред для окружающих, невозможно строго очертить круг субъектов, которые обязаны возместить вред. Такой подход оставляет решение вопроса наступления ответственности при отсутствии вины на усмотрение судов. При этом в каждом конкретном случае суд должен самостоятельно принимать решение как в отношении характера деятельности, так и свойств объектов, используемых в процессе деятельности, и соответствия их критериям общественной опасности.

Поскольку в российском гражданском законодательстве закреплён лишь примерный перечень источников повышенной опасности, для устранения пробелов необходимо систематическое обновление, включение новых потенциально опасных объектов. На сегодняшний день в данный перечень следует включить такие источники повышенной опасности, как беспилотный транспорт, бойцовых собак, электротранспорт. Совершенствование классификации источников повышенной опасности позволит гражданам в полном объеме реализовать свои конституционные права на защиту, а судам правильно квалифицировать факт совершенного правонарушения при вынесении решения о возмещении вреда.

Кроме того, анализ российского законодательства показал, что под источником повышенной опасности в России понимаются не только объекты материального мира, но и деятельность, представляющая опасность для окружающих. Поскольку по российскому гражданскому законодательству ответственность за причиненный вред несет владелец источника повышенной опасности, то само понятие «владелец» говорит об источнике повышенной опасности как о вещи, объекте материального мира. Кроме того, в Гражданском Кодексе РФ предусмотрено такое основание освобождения владельца от ответственности, как выбытие источника повышенной опасности из его обладания. Но если понимать под источником повышенной опасности кроме объектов материального мира еще и деятельность, как это указано в уже упомянутом ранее Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, то выбытие осуществляемой деятельности из чьего-либо владения невозможно. Таким образом, ст. 1079 Гражданского Кодекса РФ сформулирована некорректно, необходимо разграничить понятия «источник повышенной опасности» и «деятельность, которая связана с повышенной опасностью для окружающих», дополнив ст. 1079 ГК РФ примечанием: «Деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, признается деятельность, которая, будучи связана с использованием определенных вещей, в том числе являющихся источником повышенной опасности, не поддается всеобъемлющему контролю человека. Источником повышенной опасности признаются объекты материального мира, которые вследствие присущих им свойств несут в себе потенциальную опасность, независимо от того, используют ли их в процессе какой-либо деятельности».

Литература

1. Асатрян А. А. Проблемные вопросы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный автономными транспортными средствами / А. А. Асатрян // Вестник науки. 2020. Т. 2. № 1 (22). С. 65–71.
2. Брайцева Е. А. Основания освобождения владельца источника повышенной опасности от ответственности за вред, причиненный этим источником / Е. А. Брайцева // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. 2019. С. 16–18.
3. Долгинов И. С. Основания возникновения гражданско-правовой ответственности вследствие причинения вреда источником повышенной опасности / И. С. Долгинов // Преступление, наказание, исправление. Сборник тезисов выступлений и докладов участников IV международного пенитенциарного форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): в 10 т. 2019. С. 188–193.

4. *Кархалев Д. Н.* Гражданско-правовая ответственность по законодательству Японии / Д. Н. Кархалев // *Аграрное и земельное право*. 2016. № 3. С. 83–86.
5. *Летута Т. В.* Обязательства вследствие причинения вреда в гражданском праве Китая / Т. В. Летута // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право*. 2019. № 1. С. 17–24.
6. *Мирончук Д. А.* Деликтные обязательства, возникшие вследствие причинения вреда жизни и здоровью источниками повышенной опасности / Д. А. Мирончук // *Отечественная юриспруденция*. 2017. № 10 (24). С. 20–22.
7. *Невзгодина Е. Л.* Источник повышенной опасности и возмещение вреда, причиненного животными, имеющими владельца / Е. Л. Невзгодина, Д. В. Лантух // *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2019. Т. 16. № 2. С. 50–67.
8. *Слипченко Е. И.* Сравнительно-правовые аспекты возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью человека и гражданина по законодательству зарубежных государств / Е. И. Слипченко, О. В. Фахретдинова // *Аллея науки*. 2019. № 2. С. 675–679.
9. *Сухарев М. С.* Понятие источника повышенной опасности / М. С. Сухарев // *Аллея науки*. 2018. Т. 3. № 8 (24). С. 593–596.
10. *Торубарова В. В.* Проблемы понятия и правового регулирования источников повышенной опасности / В. В. Торубарова // *Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч.* 2018. С. 167–169.
11. *Шакурова Н. К.* Понятие обязательства по возмещению вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих / Н. К. Шакурова // *Вопросы российского и международного права*. 2018. Т. 8. № 12 А. С. 103–108.
12. *Шинкаренко А. А.* Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в отечественном законодательстве и законодательстве США: сравнительно-правовой анализ / А. А. Шинкаренко // *Форум молодых ученых*. 2019. № 5. С. 1393–1397.
13. *Яшнова С. Г.* Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, в гражданском праве России и стран Западной Европы / С. Г. Яшнова. Ульяновск : Ульяновский государственный университет. 2017. 196 с.

Об авторах:

Шубина Ольга Борисовна, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); shubina-ob@rambler.ru

Филиппова Ксения Андреевна, магистрант кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); filksu0208@gmail.com

References

1. Asatryan A. A. Problemnye voprosy grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za vred, prichinennyy avtonomnymi transportnymi sredstvami / A. A. Asatryan // *Vestnik nauki*. 2020. Т. 2. № 1 (22). С. 65–71.
2. Braitseva E. A. Osnovaniya osvobozhdeniya vladel'tsa istochnika povyshennoi opasnosti ot otvetstvennosti za vred, prichinennyy etim istochnikom / E. A. Braitseva // *Pravo, obshchestvo, gosudarstvo: problemy teorii i istorii*. 2019. S. 16–18.
3. Dolginov I. S. Osnovaniya vozniknoveniya grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti vsledstvie prichineniya vreda istochnikom povyshennoi opasnosti / I. S. Dolginov // *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. Sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov IV mezhdunarodnogo penitentsiarnogo foruma*

- (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii): v 10 t. 2019. S. 188–193.
4. Karkhalev D. N. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' po zakonodatel'stvu Yaponii / D. N. Karkhalev // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2016. № 3. S. 83–86.
 5. Letuta T. V. Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda v grazhdanskom prave Kitaya / T. V. Letuta // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo. 2019. № 1. S. 17–24.
 6. Mironchuk D. A. Deliktnye obyazatel'stva, vznikshie vsledstvie prichineniya vreda zhizni i zdorov'yu istochnikami povyshennoi opasnosti / D. A. Mironchuk // Otechestvennaya yurisprudentsiya. 2017. № 10 (24). S. 20–22.
 7. Nevzgodina E. L. Istochnik povyshennoi opasnosti i vozmeshchenie vreda, prichinennogo zhivotnymi, imeyushchimi vladel'tsa / E. L. Nevzgodina, D. V. Lantukh // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2019. T. 16. № 2. S. 50–67.
 8. Slipchenko E. I. Sravnitel'no-pravovye aspekty vozmeshcheniya vreda, prichinennogo zhizni i zdorov'yu cheloveka i grazhdanina po zakonodatel'stvu zarubezhnykh gosudarstv / E. I. Slipchenko, O. V. Fakhretdinova // Alleya nauki. 2019. № 2. S. 675–679.
 9. Sukharev M. S. Ponyatie istochnika povyshennoi opasnosti / M. S. Sukharev // Alleya nauki. 2018. T. 3. № 8 (24). S. 593–596.
 10. Torubarova V. V. Problemy ponyatiya i pravovogo regulirovaniya istochnikov povyshennoi opasnosti / V. V. Torubarova // Vysokie tekhnologii, nauka i obrazovanie: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch. 2018. S. 167–169.
 11. Shakurova N. K. Ponyatie obyazatel'stva po vozmeshcheniyu vreda, prichinennogo deyatel'nost'yu, sozdayushchei povyshennuyu opasnost' dlya okruzhayushchikh / N. K. Shakurova // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. 2018. T. 8. № 12 A. S. 103–108.
 12. Shinkarenko A. A. Otvetstvennost' za vred, prichinennyi istochnikom povyshennoi opasnosti, v otechestvennom zakonodatel'stve i zakonodatel'stve SShA: sravnitel'no-pravovoi analiz / A. A. Shinkarenko // Forum molodykh uchenykh. 2019. № 5. S. 1393–1397.
 13. Yashnova S. G. Otvetstvennost' za vred, prichinennyi istochnikom povyshennoi opasnosti, v grazhdanskom prave Rossii i stran Zapadnoi Evropy / S. G. Yashnova. Ul'yanovsk : Ul'yanovskii gosudarstvennyi universitet. 2017. 196 s.

About the authors:

Olga B. Shubina, Associate Professor of Law in The North West Institute of Management, Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Saint Petersburg, Russian Federation); shubina-ob@rambler.ru

Kseniia A. Filippova, Master Student in The North West Institute of Management, Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Saint Petersburg, Russian Federation); filksu0208@gmail.com

Взаимозависимость интересов США, Китая и России в Центральной Азии

Торопыгин А. В.*, Мендагазиев А. Е.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* toropyginav@mail.ru

РЕФЕРАТ

Центральная Азия — союзные республики бывшей Средней Азии и Казахстан, ставшие независимыми странами после распада СССР. Формирование новых государств и региона связано как с внутренними вызовами, так и влиянием внешних внерегиональных сил. Цель статьи — проанализировать интересы и влияние США, Китая и России на развитие ЦА, а также восприятие этих сил в регионе. Проанализированы различные этапы этого влияния с момента появления до настоящего времени. Авторы приходят к выводу, что страны Центральной Азии за все время своего независимого существования по-разному воспринимали державы в треугольнике США — РФ — КНР, что явилось одной из предпосылок формирования их разновекторной внешней политики. Баланс интересов присутствия России, США и Китая в регионе является жизненно необходимым для стран ЦА, он обеспечивает независимый внешнеполитический курс и развитие Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и Таджикистана, способствуя стабильной ситуации в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, Китай, США, геополитические интересы, геополитика, геоэкономика

Для цитирования: Торопыгин А. В., Мендагазиев А. Е. Взаимозависимость и восприятие интересов США, Китая и России в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 88–98.

Interdependence of the Interests of the United States, China and Russia in Central Asia

Andrey V. Toropygin*, Arman E. Mendagaziev

North West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; * toropyginav@mail.ru

ABSTRACT

Central Asia is the union republics of former Central Asia and Kazakhstan, which became independent countries after the USSR collapse. The formation of new states and regions is associated with both internal challenges and the influence of external extra-regional forces. The purpose of the article is analyzing the interests and influence of the United States, China, and Russia on the Central Asia development, as well as the perception of these forces in the region. Various stages of this influence from the moment of its appearance to the present time are analyzed. The authors concluded that the countries of Central Asia during its independent existence perceived powers in the triangle USA — Russia — China differently, which was a prerequisite for the formation of their multi-vector foreign policy. The balance of interests of Russia's, the United States' and China's presence in the region is vital for the Central Asian countries, it provides an independent foreign policy course and development of Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan, contributing to a stable situation in the region.

Keywords: Central Asia, Russia, China, the USA, geopolitical interests, geopolitics, geoeconomics

For citing: Toropygin A. V., Mendagaziev A. E. Interdependence and Perception of the Interests of the United States, China and Russia in Central Asia // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 88–98.

Уход с мировой сцены Советского Союза оказало глубокое воздействие на всю систему международных отношений. Новые независимые государства, такие как Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Казахстан, в самом сердце Евразии образовали новый регион — Центральную Азию.

Центральная Азия всегда была территорией геополитического соперничества ведущих стран. Сегодня Центральная Азия (ЦА) — регион не только с большим потенциалом развития, но и вызовами на пути его реализации. Огромные запасы минеральных ресурсов, демографические возможности, транзитный потенциал совмещаются с хрупкими демократическими институтами, слабо диверсифицированной и плохо финансируемой экономикой. Представляют угрозу государствам ЦА близость к нестабильному Афганистану, слабая охрана границ, рост радикального исламизма. Регион привлекает внешних игроков, которые в первую очередь ищут выгоду от экономического сотрудничества. Но упомянутые угрозы являются дестабилизирующим фактором для соседних стран, что требует вовлечение внешних акторов в региональные дела.

Стоит отметить то, что собственными интересами в регионе обладают многие государства: Россия, Китай, Турция, Иран, ЕС, США, Индия и другие. Тем не менее наибольшее влияние на регион оказывают такие державы, как Россия, с которой страны ЦАР входили в одно государство, Китай, набирающий все большую экономическую и политическую мощь, и США, преследующие глобальные интересы.

Интересы этих стран зачастую не сочетаются между собой, а также противопоставляются друг другу. Так, проблемы в отношениях США — Россия, Китай — США, сопряжения интеграционных проектов Китая и России транслируются на взаимодействие стран ЦА.

Развитие интересов США в Центральной Азии

Внимание США к Центральной Азии было привлечено с момента образования новых независимых государств после распада СССР. На протяжении 90-х гг. передовой целью США в ЦА являлось недопущение распространения оружия массового поражения. Стараясь выполнять функцию мирового полицейского, США пытались не допустить увеличения количества ядерных держав, тем более с неустоявшимися политическими системами и проблемами национальной безопасности, а также пресечь расширение влияния радикальных исламистов, что впоследствии могло стать причиной попадания оружия массового уничтожения (далее — ОМУ) в руки террористов и стран, пытающихся создать такое оружие, в том числе Ирана.

Почти невозможно отделить интересы НАТО и США друг от друга, так как «Вашингтон не только определяет практическую деятельность Альянса, но и использует ее для продвижения в первую очередь своих интересов»¹. Это особенно хорошо прослеживается во втором этапе политики США в Центральной Азии, который начался после событий 11 сентября 2001 г. Необходимость тылового обеспечения боевых действий США в Афганистане требовало участия в военной операции стран ЦА, которые предоставили возможность размещения баз снабжения и военных баз.

Позднее США были «намерены иметь долгосрочные отношения в области безопасности со странами Центральной Азии, которые могли бы включать доступ к базам, если это потребуется»², однако идеологические интересы США, а именно требования демократизации существующих режимов (авторитарных по сути), негативно повлияли на присутствие и восприятие США в регионе.

¹ Белоборов Ю. Что ищет НАТО в краю далеком? // РСМД. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/cto-ishchet-nato-v-krayu-dalekom/?phrase_id=32043063 (дата обращения: 15.08.2020).

² The Brookings Institution: United States Foreign Policy in the States of Central Asia — 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.brookings.edu/events/united-states-foreign-policy-in-the-states-of-central-asia/> (дата обращения: 15.08.2020).

С объявленным Б. Обамой ограничением задач Международных сил содействия безопасности в 2013 г. начинается новый этап американских интересов в регионе. Охлаждение отношений, закрытие баз на территории стран ЦА, уменьшение военного персонала и боевых действий привело к сокращению сотрудничества со странами ЦА. Несмотря на новую операцию «Решительная поддержка», начавшуюся в 2014 г., увеличения внимания к региону не произошло. Главный американский специалист по ЦА Ф. Старр критиковал планы США уйти из Афганистана, что негативно скажется на влиянии США в регионе и на проекте экономической интеграции Центральной и Южной Азии [14, с. 50].

Говоря об американских экономических интересах, следует сказать, что ЦА, безусловно, находится на периферии их интересов, что объясняется такими факторами, как малый совокупный ВВП стран, отсутствие выхода к морю, высокий уровень коррупции в государственных системах и труднодоступность и удаленность региона от США. Тем не менее США пытались экономически закрепиться в данном регионе, преследуя геополитические интересы. После распада СССР американские компании стремительно приступили к освоению нефтегазовых ресурсов региона. Для снижения влияния России, а позднее и Китая, и закрепления в энергетическом сегменте использовались: содействие международному развитию [3, с. 53] (официальная помощь развивающимся странам), прямые иностранные инвестиции, а также проекты, такие как ТAPI (газопровод из Туркмении в Афганистан, Пакистан и Индию), CASA-1000 (проект по переброске электроэнергии из Киргизии и Таджикистана в Пакистан и Афганистан), C5 + 1 (переговорная площадка, объединяющая пять стран Центральной Азии и США), Новый Шелковый путь (план США по интеграции Центральной и Южной Азии в единый макрорегион), Транскаспийский трубопровод (газопровод из Туркмении и Казахстана на Кавказ и далее в Европу) и другие.

Касательно мягкой силы США в регионе следует констатировать, что она основана на популяризации демократических принципов и западного стиля жизни, направлена на молодое поколение, ищущее возможности для самореализации, а также на лидеров, приверженных демократическим принципам.

Таким образом, трансформацию интересов США можно разделить на три этапа. С 1991–200 гг. в регионе ставились три приоритета: решение проблемы ядерного оружия и ОМУ; помощь странам ЦА в укреплении суверенитета, разрушение традиционных инфраструктурных связей с Россией, связанных с трубопроводными системами.

Второй этап начинается после событий 11 сентября, когда на первый план вышли интересы в области безопасности. В итоге сопровождение военного сотрудничества и экономического взаимодействия идеологическими интересами США в демократизации региона негативно повлияло на отношения со странами. За четверть века стало понятно, что попытки демократизации не дали результатов, а лишь подтолкнули страны ЦА в объятия России и Китая.

На современном этапе США пытаются усилить свое присутствие в регионе, что подтверждает новая Стратегия США в Центральной Азии 2019–2025 гг. [18, р. 2]. Основным неизменным интересом США в регионе является противодействие усилению влияния России и Китая в регионе.

Расширение китайских интересов в Центральной Азии

Распад Советского Союза не мог оставить в стороне Китай, имеющий протяженную границу с новыми независимыми государствами. Политика Китая в 90-е гг., главным образом, была направлена на формирование дружеских отношений с новыми странами, обеспечения надежного тыла, что определило дальнейшую политику Китая в регионе.

Изначально перед Китаем стояла задача урегулирования пограничных вопросов с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Россией. Установление добрососедских отношений со всеми участниками пограничного урегулирования создало базис для образования «Шанхайской пятерки», институализированной позднее в ШОС в 2001 г.

Стоит отметить, что ШОС была создана на фоне Чеченской войны в России, обострения религиозного экстремизма в странах ЦА, сепаратистской эскалации СУАР в Китае и начала операции США и НАТО в Афганистане. Складывающаяся международная и внутренняя ситуация, «понимание государствами

региона невозможности противостояния таким глобальным вызовам и угрозам в одиночку послужили основанием для интеграционных процессов и объединения усилий, выразившихся в образовании ШОС» [6, с. 26].

Китай заинтересован в дружеском и стабильном ЦАР¹; это будет обеспечивать национальную безопасность Китая и выполнение геополитических и геоэкономических планов. Китай смог достичь компромисса в пограничном вопросе со своими западными соседями и углубить сотрудничество в области безопасности. Страны региона и Китай заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве в борьбе против радикального исламского терроризма, уйгурского сепаратизма и организованной преступности. Такая политика получила свое оформление в рамках ШОС.

Что касается экономического сотрудничества, то на данный момент Китай является главным экономическим партнером для стран ЦА. Впечатляющий экономический рост, торговая экспансия, огромный демографический потенциал и значительное расширение прямых иностранных инвестиций обусловили усиление экономического и политического влияния Китая в ЦАР.

В 90-е гг. экономическое взаимодействие Китая и стран ЦА не поражаало впечатляющими масштабами и было сконцентрировано на нефтяном секторе. Растущая потребность Китая в углеводородах заставляла наращивать «присутствие в нефтегазовом секторе новых участников глобального энергетического рынка, включая ...постсоветское пространство» [7, с. 86]. С 2000-х гг. начался процесс интенсивного строительства инфраструктуры для транспортировки нефти и газа. В этот же период произошло усиление китайских ТНК на казахстанском, узбекском и туркменском энергетическом рынке, что способствовало наращиванию китайского потребления ресурсов из этих стран [5, с. 15]. При зависимости стран ЦА от российской инфраструктуры и западных инвестиций «именно Китай превратил в реальность цели ...по диверсификации рынков»².

После провозглашения инициативы «Один пояс — один путь» в 2013 г. значительно увеличилось значение стран ЦА для Китая [19, с. 10]. Для удовлетворения интересов Китая в транзите через страны ЦА использовалось расширение инвестиций в инфраструктурные проекты и транспортную систему. Также важным фактором является финансирование проектов через связанное кредитование, особенностью которого является «использование китайских материалов, оборудования, технологий либо рабочей силы при реализации проектов» [8, с. 82]. Наращивание взаимной торговли и прямых иностранных инвестиций, усиление политического влияния Китая сопровождалось постепенным уходом США из региона.

Увеличение экономического влияния Китая в Центральной Азии создает как новые перспективы, так и новые вызовы. Так, среди населения растет недоверие и синафобия, вызванные как экономической экспансией Китая, так и историческими предрассудками. Для преодоления этих проблем Китай активно использует технологию мягкой силы. Он активизировал взаимодействие в сфере внешней коммуникации, образования и науки со странами ЦА. Но трудности в продвижении мягкой силы Китая позволяют сказать, что мягкая сила Китая не соответствует требованиям экономических и социальных взаимодействий между странами.

Таким образом, за все время независимости Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана важнейшим партнером для всех стран стала КНР, без которой невозможно представить поступательного развития региона. Страны ЦА и Китай взаимно заинтересованы в ресурсах друг друга. Постепенное расширение интересов Китая в Центральной Азии в меньшей степени зависело от внешнего фактора и было сконцентрировано на внутренних интересах Китая.

Трансформация российской политики в Центральной Азии

На сегодняшний момент значительно трансформировались интересы России в ЦАР. В 90-е гг. приоритетность Центральной Азии в политике России снизилась по ряду причин. Россия была не способна

¹ ЦАР — Центральноазиатский регион.

² Olcott M. *中国在中亚地区无与伦比的影响* // 清华 — 卡内基中心 — 2013年09月18日 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegietsinghua.org/2013/09/18/zh-pub-53204> (дата обращения: 15.08.2020).

направить необходимые силы в ЦА в связи с внутренними проблемами: глубокой экономической рецессией, продолжающейся до 2000 г., и ослаблением армии. Отдельно стоит вопрос о всплеске национальной идентичности в новых независимых государствах, что сказалось на отношении к России. Учитывая также неудачные попытки экономической интеграции, можно сказать, что основные инструменты присутствия в регионе были потеряны для России.

Новый стимул для консолидации центрально-азиатского направления внешней политики придала антитеррористическая операция США. Россия оказывала значительную помощь в проведении операции, преследуя собственные интересы: нивелирование угрозы безопасности в Центральной Азии, а также лишение помощи чеченским боевикам. Однако усиление позиций США в Центральной Азии, естественно, не рассматривалось Кремлем как желательное, что привело к институализации Договора о коллективной безопасности в 2002 г.

Разочаровавшись в евроатлантическом направлении внешней политики, в 2000-е гг. Россия вновь заявила на международной арене, что страны СНГ, в том числе страны ЦА, являются зоной российских интересов как с точки зрения безопасности, так и в экономическом плане. Проводилась политика, направленная на усиление экономического сотрудничества в рамках всего постсоветского пространства.

Усиление политического и экономического присутствия России протекало в регионе через военнотехническое сотрудничество и размещение военных баз и, в большей степени, по причине провала политики демократизации США в Центральной Азии, что пробудило больший интерес к сотрудничеству стран региона с Россией.

На наш взгляд, новый этап политики России в ЦА начинается с 2007 г. с «мюнхенской речи» В. Путина. Развернув внешнюю политику России к возвращению позиций великой державы, Россия стала более напористо отстаивать геополитические интересы в Центральной Азии, стремясь к уходу США из региона и недопущению перенаправления центрально-азиатской нефтегазовой инфраструктуры на Восток. Несмотря на то, что кризис интеграционных процессов на постсоветском пространстве был ясен, Россия стремилась укреплять потенциал основных институтов, в том числе СНГ¹, что представлялось как «нежелательный субъект международных отношений для Запада, а также для таких региональных акторов, как КНР, ИРИ и Турция» [12, с. 102].

С точки зрения безопасности на сегодняшний день основным интересом России является обеспечение стабильности и недопущение радикализации стран региона, укрепление политических систем стран ЦА. Особую роль Центральная Азия играет в качестве буфера безопасности между Россией и радикальными Афганистаном и Пакистаном. Другой не менее чувствительной проблемой для России является контрабанда наркотиков через территорию Центральной Азии из Афганистана.

Страны ЦА имеют стратегическое и геоэкономическое значение для поступательного развития России. Интересы связаны как с добычей полезных ископаемых, таких и рынком сбыта товаров. Капиталы крупных нефтегазовых российских компаний активно вкладываются в ТЭК региона. Важнейшей частью энергетической стратегии Москвы являлось сохранение монополии экспортера для Европы и транзитера для стран ЦА. Однако здесь стоит учитывать внешних игроков, таких как США, ЕС и Китай, активно продвигающих и реализовывающих собственные планы построения трубопроводов. В связи с этим приводится вывод о том, что «Россия не смогла сохранить доставшуюся с советского периода монопольную роль в транспортировке энергоресурсов» [13, с. 32].

В нынешнее время экономические интересы в Центральной Азии являются стратегическими для России. Регион представляет собой рынок сбыта российских товаров и инвестиций, имеет особое значение для энергетической стратегии и предоставляет необходимые трудовые ресурсы. Почти во всех странах Россия входит топ-3 экспортеров и импортеров стран ЦА, что говорит о взаимозависимой торговле. Однако ее характер описывается ростом положительного баланса России, «причина этого кроется в структуре импорта из стран Центральной Азии» [11, с. 165], который состоит в основном из природных ископаемых и сельскохозяйственной продукции. Поступательное развитие стран региона является

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 12 июля 2008 г. № 1440 // Сайт Президента РФ. 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 15.08.2020).

важнейшим пунктом для политики России. Стоит учитывать и роль внешнего фактора, Россия не заинтересована в усилении экономического влияния Китая, несмотря на общее сотрудничество в регионе, что будет означать уходящие позиции России.

Мягкая сила России, без сомнений, является одним из важнейших параметров присутствия в регионе. По словам китайского исследователя Ма Сян: «Русская культура имеет позитивный имидж среди населения Центральной Азии, через русский язык и русскую культуру народы Центральной Азии приняли европейскую цивилизацию» [20, с. 131]. Русский язык, русская культура и русскоязычное информационное пространство можно рассматривать как сопоставимые экономические или военно-политические инструменты. Их защита является важнейшим интересом России, так как иначе связи с регионом и позиции России могут быть потеряны.

Таким образом, Россия обладает стратегическими геополитическими и геоэкономическими интересами в регионе. Глубокая взаимосвязь со странами Центральной Азии и протяженная граница предполагают необходимость присутствия в регионе. Обеспечение стабильности и недопущение радикализации в регионе — одна из важнейших задач внешней политики России. Экономические интересы также обоснованы, однако степень их реализации является спорной.

Интересы в треугольнике РФ — КНР — США в ЦАР

В соответствии с интересами держав, возможно построить матрицу их приоритетности в регионе. Представленная таблица основана на содержании статьи и иллюстрирует ее материал.

Таблица

Матрица приоритетности интересов в ЦАР

Интересы	Россия	США	Китай
Территориальные	Отсутствие	Отсутствие	Отсутствие
Экономические	Приоритет	Отсутствие	Среднее значение
Военные	Приоритет	Отсутствие на данный момент	Отсутствие
Геополитические	Приоритет	Не первостепенное значение	Среднее значение
Ресурсные	Среднее значение	Среднее значение	Приоритет
Безопасность региона	Приоритет	Среднее значение	Приоритет
Культурные	Среднее значение	Отсутствие	Отсутствие

Источник: составлено авторами с использованием материалов [1], [3], [4], [6], [8], [11], [13], [14], [16], [18], [20].

Однако изложенная таблица не рассматривает фактор другого государства, что обязательно необходимо учитывать. В реализации своих интересов страны обязательно учитывали фактор других держав, или даже сдерживание другой державы становилось защитой своих интересов.

Так, вся политика 90-х гг. США была направлена на сохранение однополярного мира. Шанс закрепиться в Центральной Азии, которая находится в самом центре Евразии, между двумя соперниками прошлых 40 лет — Китаем и Россией, не мог быть упущен. Согласно теории З. Бжежинского, сдерживание «в Евразии доминирующей и антагонистической силы определяет способность Америки осуществлять глобальное первенство» [17, р. 38]. Также, по мнению классика западной геополитики Х. Маккиндера, контроль над хартлендом, с чем и ассоциируется Центральная Азия [9, с. 20], обеспечивает контроль над всем континентом. По Центральной Азии проходит «часть исторического разлома, отделяющего западный, православный и синский мир от мусульманского, вдоль которого, по прогнозам С. Хантингтона, назревает “столкновение цивилизаций”»¹. Таким образом, мы видим, что геополитическим интересом

¹ Попов Д. Политика США в Центральной Азии и российские стратегические интересы // Доклад на заседании Ученого Совета РИСИ. Москва, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/analitics/30426/> (дата обращения: 15.08.2020).

США в 90-х гг. в Центральной Азии является закрепление контроля в этом регионе, что позволит сделать уязвимыми Китай и Россию. Вся политика поддержки демократизации и налаживание военно-политического сотрудничества обеспечивали эту цель.

Военное присутствие Соединенных Штатов в Центральной Азии во время операции в Афганистане привлекло внимание России и Китая. Несмотря на то, что они с начала операции не выступали против американского присутствия, Россия и Китай были обеспокоены и отвечали на эту ситуацию. Создание ОДКБ и подписание Устава ШОС, появление российских баз в этот период в Центральной Азии свидетельствуют об ответных реакциях Китая и России. Также встает вопрос: по какой причине Китай и Россия действовали скоординированно? Д. Бабаян считает, «что Пекин и Москва распределили между собой “зоны ответственности” каждой из сторон для “сдерживания” влияния Запада, прежде всего Вашингтона, в ключевых регионах мира» [2, с. 156]. В таком случае, действительно, Китай уважал сферу влияния Москвы и сосредотачивался лишь на решении приграничных вопросов, тогда как и в 90-х гг. Китай мог значительно усилить экономическое и политическое присутствие в регионе. Так, например, Китай стал на время одним из главных экономических партнеров Киргизии.

Однако США смогли укрепиться в регионе, особенно во время начала операции в Афганистане, в связи с чем были необходимы совместные действия КНР и РФ. Ситуация, когда в условиях добрососедских отношений Россия ответственна за безопасность региона, являлась благоприятным раскладом для Китая. А плавное, неагрессивное налаживание экономических связей со странами ЦА вписывалось в реалии того времени, так как инфраструктуры, связывающей Китай со странами региона, в тот момент не было. Китай без подозрений относился к интеграционным проектам России на протяжении всего современного этапа, признавая особую связь между странами, несмотря на категоричные отказы экономической интеграции в рамках ШОС.

Упрочение положения США в Центральной Азии после начала операции в Афганистане позволили начать процесс демократизации региона для обеспечения долгосрочного присутствия. Аналогичные тенденции проходили в Грузии и Украине через такие инструменты, как цветные революции. Однако навязывание демократической модели «не только испортило государственный имидж США в Центральной Азии, но и изменило положение баланса сил между Москвой и Вашингтоном в регионе» [15, с. 60].

На протяжении этого же периода времени США активно продвигали проекты по устранению монополии России на транзит нефти и газа по трубопроводной системе и перенаправления потока углеводородов в западном направлении. Однако по причине объективных проблем в многочисленных проектах и охлаждения отношений с США шанс был упущен, в борьбу за центрально-азиатские ресурсы вступил Китай. В итоге новые трубопроводные проекты России и Китая смогли полностью занять предложение нефти и газа стран ЦА. В «трубопроводной дипломатии» в Центральной Азии интересы держав также строились по большей части внутри треугольника США — РФ — КНР.

Следующий этап увеличения интересов держав к региону возник вокруг интеграционных объединений. Страны учитывали проекты друг друга в выстраивании интеграционной модели. Россия на начальном этапе желала как можно большего состава участников, США планировали развернуть страны ЦА к Южной Азии в рамках проекта «Большая Центральная Азия и Новый Шелковый путь», а Китай стремился к интеграции в рамках ШОС. Все проекты так или иначе стремились к снижению влияния других сторон.

Существующее «согласие» Китая и России в Центральной Азии складывается из отношений стран с Соединенными Штатами и ситуации в других регионах. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (далее — ЭПШП) является показателем сотрудничества и общих интересов Китая и России [4, с. 16], однако позже выяснилось, что Россия не стремится к активному продвижению проекта ЭПШП, так как «равноценный торговый баланс между ЕАЭС и Китаем — это далекая перспектива» [16, с. 33], а Китай предпочитает решать экономические вопросы со странами ЕАЭС через двусторонние форматы. К тому же важным российским интересом является недопущение бесконтрольного экономического проникновения Китая как в Россию, так в ЦАР, что приведет к бескомпромиссной конкуренции с китайскими товарами. При дальнейшем насаждении противопоставляемых интересов «Китай может

принять решение отказаться от своей нынешней политики самоограничения в Центральной Азии»¹. Однако, несмотря на увеличивающийся экономический вес Китая в Центральной Азии, Пекин понимает необходимость действовать в ЦА через Москву, которая имеет больший политический инструментарий в регионе. Россия «сохранила “особые отношения” со странами Центральной Азии»², в то время как единственный существенный фактор присутствия Китая (экономический) не поддерживается широкими массами в странах ЦА. Тем не менее Россия и Китай имеют больше точек соприкосновения интересов и способны выстроить свои отношения в формате win-win. Таким образом, Россия и Китай преследуют свои интересы, однако действуют в контексте «коллективного сотрудничества» в отношениях между собой, тогда как отношения внутри треугольника США — Россия — Китай в ЦАР вписываются в терминологию «баланса сил».

В соответствии с новой Стратегией США в Центральной Азии, опубликованной в 2020 г., возможен новый этап развития американской политики в ЦА. В условиях скрытой борьбы за трансформацию мирового порядка в полицентричное устройство, где главными ревизионистами США считают Китай и Россию, можно предположить, что США собираются наращивать свое присутствие в регионе. Несмотря на то, что главный интерес всех стран лежит в недопущении превращения региона в еще один очаг мировой нестабильности, геополитические интересы явно преобладают. Противодействие друг другу в регионе — «игра с нулевой суммой» и для Москвы, и для Вашингтона. Это подтверждает новая стратегия США в регионе, которая «определяет другие внешние державы как злые силы»³ и ставит их в положение соперника.

В контексте треугольника интересов РФ — США — КНР важное значение имеет восприятие интересов держав странами ЦА. Предпочтение странами ЦА деятельности США на начальных этапах объясняется необходимостью сбалансировать российское монопольное присутствие. Да и страны Запада представлялись более важными в качестве источника инвестиций и помощи в региональных проблемах. В дальнейшем внешняя политика США, направленная на демократизацию региона, была воспринята негативно, и страны уже видели в России защитника своего суверенитета.

Сегодня иная международная ситуация, и некоторые страны ЦА смотрят в сторону США как на возможность компенсировать нарастающее китайское и российское присутствие. Однако «общественное мнение в Центральной Азии не демонстрирует положительного отношения к Соединенным Штатам» [10, с. 11].

Отношение к Китаю также не является однозначным. Власти видят в Китае источник роста и инвестиций, восхищаются экономическими и технологическими достижениями. Что важно для властей ЦА, Китай не связывает демократичность режимов с предоставлением кредитов или инвестиций. Однако в это же время усиливается «страх» перед Китаем, который «в сознании некоторой части населения в будущем представляется как мировой гегемон и агрессор»⁴. Данный диссонанс происходит из-за быстрого наращивания экономической активности китайских компаний, отсутствия доступной комплексной информации и слабости китайской мягкой силы в регионе.

Восприятие России заметно изменилось во многих странах Центральной Азии. Страны больше рассматривают Россию не как бывшую старшую сестру, а, скорее, как партнера и союзника. Объясняется это тем, что «российская политика проявляет большую чувствительность к обстоятельствам каждой центральноазиатской страны и демонстрирует гибкость в разработке индивидуальных подходов к ним»⁵. Ориентация на Россию помогает сбалансировать китайское экономическое присутствие, которое

¹ Zogg B. Cooperation, Co-existence or Clash? China and Russia's Ambitions in Central Asia // The Diplomat. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2019/11/cooperation-co-existence-or-clash-china-and-russias-ambitions-in-central-asia/> (дата обращения: 15.08.2020).

² Gusev L. The Importance of Central Asia for Russia's Foreign Policy // Italian Institute for international political studies. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/importance-central-asia-russias-foreign-policy-24071> (дата обращения: 15.08.2020).

³ 曾向红: «美国新中亚战略评析» // 国际问题研究 — 第2期, 2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2020-03/27/content_41105151.htm (дата обращения: 15.08.2020).

⁴ Иманалиев М. Китай и Центральная Азия: постсоветское развитие // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitay-i-tsentralnaya-aziya-postsovetское-razvitiye/?sphrase_id=21355 (дата обращения: 15.08.2020).

⁵ Dubnov A. Reflecting on a Quarter Century of Russia's Relations with Central Asia // Carnegie Endowment for International Peace. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/04/19/reflecting-on-quarter-century-of-russia-s-relations-with-central-asia-pub-76117> (дата обращения: 15.08.2020).

трансформируется в политическое давление. Политическая сплоченность с Россией позволяет нейтрализовать негативные излишки китайской экспансии на данный момент. Тем не менее позитивное отношение к России в различных социальных и возрастных группах также подвержено эрозии.

Благодаря тому, что степень конфронтации в ЦАР значительно ниже по сравнению с ЮВА, Восточной Европой или Ближним Востоком, страны региона обладают возможностью проводить многовекторную политику и стремятся к хорошим отношениям с Китаем, Россией и Соединенными Штатами. С этой целью они приняли некоторую форму равновесия как ключ к таким отношениям¹.

Таким образом, страны Центральной Азии за все время своего независимого существования по-разному воспринимали державы в треугольнике США — РФ — КНР. А проведение многовекторной политики странами ЦА способствовало хорошим отношениям с ними. Баланс интересов присутствия России, США и Китая в регионе жизненно необходим для стран Центральной Азии, он обеспечивает независимый внешнеполитический курс Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и Таджикистана и способствует стабильной ситуации в регионе.

Литература

1. Азмуханова А. М., Джумадилова Г. М., Амзенова Ж. Ж. Интересы Китая в Центральной Азии (аналитическая справка) // *Society and Security Insights*. № 1, 2018. С. 186–194.
2. Бабаян Д. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX — начале XXI вв. : дис. д-ра исторических наук // Институт востоковедения РАН. 2016. С. 429.
3. Барановский В. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / под ред. В. Барановского, Ю. Квашина, Н. Тогановой // ИМЭМО РАН. М., 2018. 248 с.
4. Глазьев С. Ю., Архипова В. В., Агеев А. И. [и др.] Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» в представлениях Китая и России // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 3, 2019. С. 13–30.
5. Глинкина С. П. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза // С. П. Глинкина, М. О. Тураева, А. А. Яковлев. Институт экономики РАН. М., 2016. С. 59.
6. Грозин А. Россия в Центральной Азии: сотрудничество и перспективы энергетического партнерства со странами региона // *Восточная аналитика*. 2019. С. 23–34.
7. Жуков С., Резников О. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации // ИМЭМО РАН, М., 2009. 180 с.
8. Кашин В., Королев А. Помощь КНР странам Центральной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 3, 2018. С. 78–85.
9. Кефели И. Ф., Шамахов В. А. Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия ЕАЭС и ЕС в формате Большого евразийского партнерства // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. № 4, 2019. С. 17–25.
10. Кортунов А., Ларюэль М. Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества // доклад под ред. И. С. Иванова. РСМД. № 49, 2019. 38 с.
11. Кузьмина Е. Экономическое сотрудничество России с государствами Центральной Азии // *Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии*. МГИМО, 2018. С. 164–184.
12. Лаумулин М. Стратегические интересы России в государствах Центральной Азии на современном этапе // *Россия и мусульманский мир*. № 12, 2009. С. 98–112.
13. Никитенко В. Евразийские векторы сотрудничества стран — участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной и региональной безопасности // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. № 1, 2018. С. 25–33.

¹ Kausikan B., Starr F., Cheng Y. Central Asia: All Together Now // *The American Interest*. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/06/16/central-asia-all-together-now/> (дата обращения: 15.08.2020).

14. Сафранчук И. Концепция «Новый шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» // Международная жизнь. № 7, 2013. С. 43–53.
15. Фань С. Стратегия США по распространению влияния в регионе Центральной Азии как общая угроза для России и Китая // Международные отношения. № 3, 2018. С. 55–64.
16. Шамахов В. А., Случевский В. В. Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС «Один пояс — один путь» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. № 1, 2019. С. 28–33.
17. Brzezinski Z. K. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives // Zbigniew Brzezinski. Perseus Books group; 1st ed. 1997. P. 217.
18. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity: Report of the Bureau of South and Central Asian Affairs // U. S. Department of State. 2020.
19. 共建“一带一路”倡议 进展、贡献与展望 // 推进“一带一路”建设工作领导小组办公室 — 2019, 64 页.
20. 马强: «大国在中亚的“软实力”政策比较分析» // 俄罗斯学刊 — 第 9 卷总第 54 期 — 120–134 页.

Об авторах:

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук; toropyginav@mail.ru

Мендагазиев Арман Еркинович, бакалавр международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); armanmendagaziev@mail.ru

References

1. Azmukhanova A. M., Dzhumadilova G. M., Amzenova Zh. Zh. Interesy Kitaya v Tsentral'noi Azii (analiticheskaya spravka) // Society and Security Insights. № 1, 2018. S. 186–194.
2. Babayan D. Politika Kitaya v Tsentral'noi Azii, na Kavkaze i v Severnom Prikaspii v kontse XX — nachale XXI vv. : dis. d-ra istoricheskikh nauk // Institut vostokovedeniya RAN. 2016. S. 429.
3. Baranovskii V. Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki: zarubezhnyi opyt / pod red. V. Baranovskogo, Yu. Kvashina, N. Toganovoi // IMEMO RAN. M., 2018. 248 s.
4. Glaz'ev S. Yu., Arkhipova V. V., Ageev A. I. [i dr.] Voprosy i sostoyanie protsessov sopryazheniya Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza i initsiativy «Odin poyas — odin put'» v predstavleniyakh Kitaya i Rossii // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. № 3, 2019. S. 13–30.
5. Glinkina S. P. Kitaiskaya strategiya osvoeniya postsovetского prostranstva i sud'ba Evraziiskogo soyuza // S. P. Glinkina, M. O. Turaeva, A. A. Yakovlev. Institut ekonomiki RAN. M., 2016. S. 59.
6. Grozin A. Rossiya v Tsentral'noi Azii: sotrudnichestvo i perspektivy energeticheskogo partnerstva so stranami regiona // Vostochnaya analitika. 2019. S. 23–34.
7. Zhukov S., Reznikov O. Tsentral'naya Aziya i Kitai: ekonomicheskoe vzaimo-deistvie v usloviyakh globalizatsii // IMEMO RAN, M., 2009. 180 s.
8. Kashin V., Korolev A. Pomoshch' KNR stranam Tsentral'noi Azii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. T. 62. № 3, 2018. S. 78–85.
9. Kefeli I. F., Shamakhov V. A. Geopoliticheskie i geoeconomicheskie aspekty vzaimodeistviya EAES i ES v formate Bol'shogo evraziiskogo partnerstva // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. № 4, 2019. S. 17–25.
10. Kortunov A., Laryuel' M. Rossiya i SShA v Tsentral'noi Azii: ogranicheniya i vozmozhnosti sotrudnichestva // доклад pod red. I. S. Ivanova. RSMД. № 49, 2019. 38 s.
11. Kuz'mina E. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Rossii s gosudarstvami Tsen-tral'noi Azii // Rossiya i Tsentral'naya Aziya: novye perspektivy: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 25-letiyu

- ustanovleniya diplomatich. otnoshenii mezhdu Ros. Federatsiei i gosudarstvami Tsentral'noi Azii. MGIMO, 2018. S. 164–184.
12. Laumulin M. Strategicheskie interesy Rossii v gosudarstvakh Tsentral'noi Azii na sovremennom etape // Rossiya i musul'manskii mir. № 12, 2009. S. 98–112.
 13. Nikitenko V. Evraziiskie vektory sotrudnichestva stran — uchastnikov Shankhaïskoi organizatsii sotrudnichestva po obespecheniyu mezhdunarodnoi i regional'noi bezopasnosti // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. № 1, 2018. S. 25–33.
 14. Safranchuk I. Kontsepsiya «Novyi shelkovyi put'» i politika SShA v «Bol'shoi Tsentral'noi Azii» // Mezhdunarodnaya zhizn'. № 7, 2013. S. 43–53.
 15. Fan' S. Strategiya SShA po rasprostraneniyyu vliyaniya v regione Tsentral'noi Azii kak obshchaya ugroza dlya Rossii i Kitaya // Mezhdunarodnye otnosheniya. № 3, 2018. S. 55–64.
 16. Shamakhov V. A., Sluchevskii V. V. Nekotorye aspekty sopryazheniya proektov EAES «Odin poyas — odin put'» // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. № 1, 2019. S. 28–33.
 17. Brzezinski Z. K. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives // Zbigniew Brzezinski. Perseus Books group; 1st ed. 1997. P. 217.
 18. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity: Report of the Bureau of South and Central Asian Affairs // U. S. Department of State. 2020.
 19. 共建“一带一路”倡议 进展、贡献与展望 // 推进“一带一路”建设工作领导小组办公室 — 2019, 64 页.
 20. 马强: «大国在中亚的“软实力”政策比较分析» // 俄罗斯学刊 — 第 9 卷总第 54 期 — 120–134 页.

About the authors:

Andrey V. Toropygin, Professor of the Department of International Relations of the North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Politics); toropyginav@mail.ru

Arman E. Mendagaziev, Bachelor of International Relations of the North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation); armanmendagaziev@mail.ru

Феномен культурного геноцида: история и современность

Бабаян М. Э.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
m.babayanx@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию концепции «культурного геноцида» в качестве одной из форм проявления геноцида с целью установления содержания культуры в качестве объекта преступления геноцида. Для этого были использованы историко-правовой метод и метод анализа конкретных ситуаций, в частности, практики разрушения культуры народов Османской империи, Шри-Ланки и Тибета для сравнения с возможностью их обозначения в качестве преступления культурного геноцида, выступающего как элемент преступления геноцида или же как отдельное преступление с дифферентным от физического и биологического геноцида значением. Делается вывод, что культурный геноцид является не новым компонентом преступления геноцида, а составной частью геноцидальной политики, и может представлять собой фазы предгеноцида или постгеноцида или выступать в качестве отдельного преступления, требующего раннего предупреждения и пресечения.

Ключевые слова: преступление геноцид, вандализм, Р. Лемкин, культурный геноцид, Армения, Тибет, Шри-Ланка

Для цитирования: Бабаян М. Э. Феномен культурного геноцида: история и современность // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 99–111.

The Phenomenon of Cultural Genocide: History and Modernity

Mary E. Babayan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; m.babayanx@gmail.com

ABSTRACT

The article is dedicated to the study of the «cultural genocide» concept as one of the forms of the genocide crime in order to establish the content of culture as the object of the genocide crime. For this, the historical legal method and the method of case study were used (in particular the practice of destroying the culture of the peoples of the Ottoman Empire. Sri Lanka and Tibet for comparison with the possibility of designating them as a crime of cultural genocide, acting as an element of the genocide crime, or as a separate crime with a meaning different from physical and biological genocide). It is concluded that cultural genocide is not a new component of the genocide crime, but an integral part of genocidal policy, and may constitute the phases of pregenocide or postgenocide or act as a separate crime requiring early warning and suppression.

Keywords: genocide crime, vandalism, R. Lemkin, cultural genocide, Armenia, Tibet, Sri Lanka

For citing: Babayan M. E. The Phenomenon of Cultural Genocide: History and Modernity // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 99–111.

Геноцидальная политика представляет собой использование комплекса преднамеренно жестоких актов, направленных на ликвидацию определенной человеческой группы, на основе отказа в уважении прав представителей данной группы на достойный жизненный уровень и в конечном счете на жизнь.

Рафаэль Лемкин — отец-основатель термина и концепции геноцида, развивал более широкую, нежели мы имеем теперь в интерпретации Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., концепцию преступления геноцида, которая включала также культурный компонент. Так, в пояснениях к своему докладу для Конференции по унификации уголовного права 1933 г. Лемкин дает развернутое определение актов вандализма как уничтожения произведений искусства и культуры, отмечая, что вклад любого конкретного сообщества в международную культуру входит в сокровищницу всего человечества, сохраняя при этом свои характерные черты. Соответственно, уничтожение произведений искусства и культуры любой нации должно рассматриваться как акт вандализма, направленный против мировой культуры. Такие акты наносят непоправимый ущерб не только владельцу разрушенного произведения и общине, к которой он принадлежит, но и затрагивают культурное достояние всего человечества. Акты вандализма наряду с актами варварства противоречат прогрессу человечества, потрясая его сознание и оставляя опасения за его будущее, — вот почему они должны рассматриваться как преступления по международному праву [9].

Р. Лемкин обращает внимание на важность придания должного значения нападениям на культуру группы как существенного элемента того, что он впоследствии назовет преступлением геноцида. В последующих годах Лемкин становится свидетелем ужасных действий, которые могут характеризоваться как симбиоз актов варварства и вандализма, — разрушений физического, биологического и культурного характера. В результате личного опыта он углубляет свое понимание тесной связи между физическим уничтожением и культурным разрушением, что и использует в дальнейшем при формировании определения понятия геноцида и отстаивании своей позиции в качестве эксперта по разработке Конвенции о геноциде. Лемкин также приходит к выводу, что существует много взаимосвязанных элементов или методов геноцида. Он выявляет восемь методов геноцида: политический, социальный, культурный, религиозный, моральный, экономический, биологический, физический [8].

Относительно характеристик культурного компонента геноцида он отмечает запрет использования родного языка и национальных традиций группы, уничтожение его культурных ценностей — памятников, библиотек, архивов, музеев, художественных галерей, которые контролируются специальными органами государственной политики, такими как Комитет культуры Рейха [7, с. 84–85]. Со временем число представленных им методов геноцида значительно сокращается, и Лемкину приходится отстаивать перед международным сообществом позицию физического и биологического компонентов геноцида наряду с культурным элементом.

Напомним, что в 1944 г. в своей книге «Правление государств “Оси” в оккупированной Европе» Лемкин предложил следующее определение геноцида: «...согласованный план различных действий, направленных на разрушение важнейших основ жизнедеятельности национальных групп, с конечной целью уничтожения самих групп. Задачи такого плана сводятся к дезинтеграции политических и социальных институтов, культуры, языка, национальных чувств, религии и основ экономического существования национальных групп и к посягательствам на безопасность, свободу, здоровье, достоинство и даже на жизни лиц, принадлежащих к такой группе» [7, с. 79].

В декабре 1946 г. ГА ООН принимает резолюцию, которой призывает принять необходимые законодательные меры для предупреждения и наказания преступления геноцида, одновременно предлагая Экономическому и Социальному совету начать исследования для разработки проекта Конвенции о геноциде. Стоит отметить, что данной резолюцией уже признается важность культурного компонента преступления: «Геноцид — это отрицание права на существование целых человеческих групп, так же как убийство (гомицид) является отрицанием права на жизнь отдельных индивидов; такой отказ в праве на существование потрясает сознание человечества, приводит к огромным потерям для человечества в виде утраты культурных и других вкладов, привнесенных этими человеческими группами...»¹.

Разработка конвенции прошла три основные стадии. На первом этапе Генеральный секретарь поручил подготовку начального проекта конвенции Отделу по правам человека Секретариата, который в своей

¹ The Crime of Genocide // UN General Assembly, A/RES/96, December 11, 1946 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/docid/3b00f09753.html> (дата обращения: 15.03.2020).

работе над проектом консультируется с тремя экспертами — А. Д. де Вабром, В. В. Пеллой и, конечно, Р. Лемкиным.

Примечательно, что с самого начала двое из вышеназванных экспертов были против идеи включения культурного компонента в конвенцию, отмечая, что культурный геноцид излишне расширяет концепцию геноцида, в то же время Лемкин утверждал, что национальная, расовая или религиозная группа не может продолжать свое существование, если не сохраняется ее духовное и моральное единство [11, с. 180]. Позицию Лемкина поддерживали представители таких стран, как Советский Союз, Китай и Венесуэла, противоположной позиции придерживались представители Великобритании, Франции и США. В целом дискуссии вызывал не вопрос о том, что группа должна быть защищена от посягательств на свою культуру, но то, что защиту культуры надо рассмотреть в контексте норм прав человека или меньшинств.

Несмотря на серьезные противоречия, культурные компоненты преступления геноцида нашли свое отражение в двух проектах конвенции — в проекте Секретариата и далее Специального комитета. Позднее Шестой комитет пересмотрел решение Специального комитета о включении культурного геноцида как наказуемого акта преступления геноцида, и единственной формулировкой из характеризующих и осуждающих культурный геноцид, которая была отражена в окончательном варианте конвенции, принятой 9 декабря 1948 г. ГА ООН, стала насильственная передача детей, как представителей культурного наследия, из одной группы в другую. Такое геноцидальное действие рассматривалось как самый жестокий акт, поскольку он нацелен на «разрыв культурной продолжительности группы, когда уничтожается душа, в то время как тело остается живым» [6, с. 166].

Несмотря на уже проявившуюся ситуацию о том, что культурный геноцид не будет определен в конвенции, Лемкин не оставлял свои попытки доказать, что культурный компонент геноцида несет в себе те превентивные признаки, которые необходимы для эффективной борьбы с данным преступлением. В своем письме, направленном в сентябре 1948 г. председателю Комитета геноцида, Лемкин, ссылаясь на приведенные делегатом Венесуэлы аргументы о том, что культурное разрушение может предшествовать преднамеренному физическому истреблению, приводит примеры «массового разрушения Гитлером синагог в 1938 г. и массового уничтожения армянских христианских церквей, предшествовавших истреблению миллионов армян» [5, с. 166]. Он пишет, что «сжигание книг — это не то же самое, что сжигание тел, но когда кто-то своевременно вмешивается для того, чтобы прекратить массовое уничтожение церквей и книг, он подоспевает как раз вовремя, чтобы предотвратить сжигание тел» [6, с. 166].

Абсолютно верно, что уничтожение культурных ценностей никоим образом нельзя сопоставить с физическим уничтожением людей, однако история показывает, насколько эти два акта взаимосвязаны: культурный компонент сохраняет свою актуальность в качестве свидетельствующего элемента о намерении уничтожить группу. Сегодня, как и в свое время, убеждения Лемкина о том, что уничтожение культуры служит признаком возможного физического истребления, являются основой разрабатываемых учеными программ по предупреждению геноцида. Кроме того, в судебных процессах по наказанию преступников геноцида доказательство того, что обвиняемый был причастен к уничтожению культурных памятников и нематериальных ценностей или к аналогичным действиям, направленным против культуры группы, может помочь трибуналу в выявлении и оценке геноцидального намерения (например, приговор Судебной палаты МТБЮ против Р. Крстича).

Концепция культурного геноцида не имеет четкого и общепринятого определения, она никогда не была принята и кодифицирована на национальном или международном уровнях. Концепция оказалась спорной при определении преступления геноцида в конце 1940-х гг. и остается таковой на сегодняшний день.

К сожалению, приходится говорить также о вооруженных группировках (террористических в большинстве случаев), которые занимаются похищением детей, незаконным оборотом культурных ценностей и организуют нападения на бесценные объекты всемирного культурного наследия, нанося таким образом ущерб не только человеческим группам, которым принадлежат эти ценности, но и культурному наследию всего человечества. В связи с этим в современной политической динамике все чаще используется термин «культурный геноцид».

Термин «культурный геноцид» чаще использовался в отношении деятельности боевиков террористической организации «Исламское государство» (ИГ, запрещено в России), которые наряду с убийствами осуществляют также систематическое уничтожение культурных объектов, артефактов и археологических памятников¹. Это включает разрушение древнеассирийской столицы Нимруд в поселении Хорсабад в Ираке², уничтожение артефактов, книг и редких рукописей в музее и библиотеке Мосула³, также Храма Баалшамина, Храма Баала, Монументальной арки и других объектов в сирийском городе Пальмира⁴. Подобные разрушения являются предметом многочисленных международных документов, причиняют неисправимый ущерб вековой культуре народов, часть гордости и свидетельств величия которых они составляли.

Кроме того, высказанная на официальном уровне угроза уничтожения культурных объектов в условиях кризиса в межгосударственных отношениях либо в любой другой обстановке вызывает беспокойство мирового сообщества. В частности, во время напряженности между Соединенными Штатами Америки и Исламской Республикой Иран, возникшей в результате убийства в начале января 2020 г. командующего силами специального назначения «Аль-Кудс» Корпуса стражей исламской революции (элитные части ВС Ирана) Касема Сулеймани, президент США Д. Трамп сообщил, что ими выделено определенное число ценнейших памятников иранской культуры, которые подвергнутся атаке, если иранские власти попытаются отомстить за гибель генерала⁵. Некоторые разглядели в таких угрозах намерение осуществить культурный геноцид.

Однако сами вышеприведенные преступления являются действиями сферы военных преступлений, а их мотивы, возможно, близки к некоторым аспектам политцида⁶. Едва ли все случаи культурных разрушений последних годов были напрямую связаны с преступлением геноцида, с характерным ему намерением. Боевики ИГ были обвинены в осуществлении геноцида в отношении езидов в иракском городе Синджар, они не скрывали свое геноцидальное намерение и уничтожали езидов различными способами, оговоренными в Конвенции о геноциде, включая похищение и помещение езидских детей среди боевиков, отрывая их от своих культурных и религиозных ценностей⁷. Однако вряд ли их культурные уничтожения скрывали в себе намерение уничтожить определенную группу, ведь финансовая сторона их деятельности базируется также на продаже культурных артефактов на черном рынке, а уничтожаются, скорее, те, перемещение и продажа которых невозможна. Таким же образом маловероятно, что угрозы Д. Трампа служат признаком возможного геноцида в отношении иранского народа, но не принимать их в учет также не является верным способом поведения. Свидетельством тому служит реакция международных универсальных и специализированных в области охраны культурного наследия организаций. Несомненно, подобные вопросы требуют тщательного изучения для того, чтобы понять, существует ли концепция культурного геноцида в отдельности или она связана с различными историческими событиями и уже устоявшейся концепцией преступления геноцида, имеет ли термин «культурный геноцид» свое собственное значение на сегодняшний день в связи с актуальными проблемами вооруженных

¹ Jessica Mendoza. Why is ISIS Destroying Ancient Artifacts in Iraq? [Электронный ресурс]. Christian Science Monitor, Feb. 26, 2015. URL: <https://www.csmonitor.com/World/Global-News/2015/0226/Why-is-ISIS-destroying-ancient-artifacts-in-Iraq> (дата обращения: 18.06.2020).

² Have ISIS Destroyed ANOTHER Ancient City? Iraq Investigating Reports Jihadists Have Looted and Blown up Former 700BC Assyrian Capital Near Mosul [Электронный ресурс]. Daily Mail, Mar. 9, 2015. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2986275/Have-ISIS-destroyed-ancient-city-Iraq-investigating-reports-jihadists-looted-blown-former-700BC-Assyrian-capital-near-Mosul.html> (дата обращения: 18.06.2020).

³ ISIS Burns 8000 Rare Books and Manuscripts in Mosul [Электронный ресурс]. The Fiscal Times, Feb. 24, 2015. URL: <http://www.thefiscaltimes.com/2015/02/23/ISIS-Burns-8000-Rare-Books-and-Manuscripts-Mosul> (дата обращения: 18.06.2020).

⁴ Palmyra: Islamic State's demolition in the desert [Электронный ресурс]. BBC, Oct. 5, 2015. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-34294287> (дата обращения: 18.06.2020).

⁵ Threat to Destroy Heritage Sites Akin to 'Cultural Genocide,' Experts Say in Response to Trump's Initial Warning [Электронный ресурс]. ABC News, Jan. 9, 2020. URL: <https://abcnews.go.com/International/threat-destroy-heritage-sites-akin-cultural-genocide-experts/story?id=68144819> (дата обращения: 18.06.2020).

⁶ Политическое массовое убийство — продвижение, подразумеваемое согласие и / или осуществление правящей элитой или ее агентами последовательной политики, нацеленной на уничтожение, частично или полностью, общинной, политической или политизированной этнической группы. См.: Harff B. No lessons learned from the Holocaust? Assessing risks of genocide and political mass murder since 1955 / B. Harff // American Political Science Review. Vol. 97, No 1, 2003. P. 58.

⁷ UN Commission of Inquiry on Syria: ISIS is Committing Genocide against the Yazidis [Электронный ресурс]. OHCHR, June 16, 2016. URL: <https://www.ohchr.org/RU/HRBodies/HRC/Pages/NewsDetail.aspx?NewsID=20113&LangID=R> (дата обращения: 20.06.2020).

конфликтов и исследованиями мирного времени или оно уже полностью охвачено концепцией геноцида. В современных условиях, несмотря на отсутствие международно-правовой базы концепции культурного геноцида, можем ли мы говорить о преступлениях геноцида и культурного геноцида как о разных преступных антигуманных действиях и понятиях, описывающих разные вещи и приемлемых к разным ситуациям? Или же культурный геноцид непременно осуществляется наряду с физическим и биологическим уничтожением группы-жертвы и не представляет собой отдельное преступление?

Мы рассмотрим три разных случая названных преступлений для сравнения их различных аспектов применимости к концепциям геноцида и культурного геноцида, описанных в международных документах. Это геноцид армян, гражданская война в Шри-Ланке и историческая и современная ситуация в Тибете. Три случая охватывают достаточно значимый период времени, представляют собой длительные процессы, имеют разное географическое расположение, представляют различные стадии преступления геноцида и произошли в различных условиях. Мы рассмотрим приведенные примеры как события, которые большинство ученых признают связанными с теми или иными элементами преступления геноцида, но которые отрицаются самими преступниками, и попытаемся понять, какую связь эти преступления имеют с концепцией культурного геноцида и признания его в качестве отдельного преступления.

Культурный компонент геноцида армян

История геноцида армян служит одним из классических примеров геноцидальной политики, которая на сегодняшний день находится на стадии более чем векового отрицания. Геноцид армян осуществлялся во время Первой мировой войны и продолжался по некоторым данным до 1923 г., хотя ученые утверждают, что геноцид имел свою предысторию — период предгеноцида, когда создавались предпосылки и условия, необходимые для перехода к совершению самого преступления [1, с. 24]. Армяне как объект геноцида представляли одновременно национальную, этническую, религиозную и политическую группу. Имевшие место в начале XX в. массовые погромы и депортация армянского населения Османской империи, в результате которых погибли полтора миллиона человек, подтвержденные архивными и дипломатическими документами разных стран, изначально отвергались османскими властями, или же сами власти выступали в качестве обвинителя, оправдывая свои действия необходимостью войны и не подчинением подданных. Параллельно осуществлялся культурный геноцид.

В годы резни и насильственной депортации армянского населения Османской империи младотурецкое правительство целенаправленно осуществляло также уничтожение материальных ценностей и духовного единства посредством разрушения объектов культуры и искусства, через арест и убийство армянской интеллигенции, деятелей науки, литературы и культуры, уничтожение их архивов. Все осуществлялось в соответствии с приказом Талаата-паши, направленным в Комитет по делам высылки в Алеппо, где было сказано: «Настоятельно рекомендуется... всячески стараться уничтожить само название “Армения” в Турции» [2, с. 474]. Все это привело к тому, что десятки тысяч армянских рукописей по истории, филологии, естественным наукам, искусству, рукописи религиозного содержания были сожжены, уничтожены или бесследно исчезли. Один из очевидцев геноцида, арабский юрист Файез Эль-Хусейн, пишет в своих воспоминаниях: «После уничтожения армян... правительство создало специальные комитеты, которые сбывали товары по самым ничтожным ценам, как обычно бывает после смерти владельца, с той лишь разницей, что выручка доставалась не наследникам, а поступала в турецкую казну. Произведения искусства отдавались за бесценок... школы, когда-то наполненные учениками, сейчас пустуют, самые драгоценные книги используются лавочниками для того, чтобы завертывать сыр, хурму, семечки...» [2, с. 403]. Свидетельства, собранные разными учеными, насчитывают от 700 до 22 000 единиц уничтоженных рукописных документов.

Наиболее печальна была судьба армянского духовенства, церковных сооружений и церковной утвари. По некоторым данным, в 1912 г. общее число армянских церквей составляло более 2200, не менее 2150 из них были разграблены, сожжены и разрушены [3, с. 7]. Согласно данным ЮНЕСКО от 1974 г., после 1923 г. из 913 сохранившихся армянских историко-архитектурных памятников 464 полностью уничтожены,

252 лежат в руинах, 197 нуждаются в капитальном восстановлении¹. В годы геноцида были разграблены: большое количество серебряной и золотой церковной утвари, трон армянского царя Сенекерима Арцруни X–XI вв., украшенные драгоценными камнями пергаменты и т. д. [4]

Культурный геноцид в форме уничтожения и разграбления культурных ценностей армянского народа осуществлялся наряду с физическим геноцидом, являлся составной частью разработанной политики. Однако в последующих годах, вплоть до сегодняшних дней, в концепции отрицания турецкими властями геноцида армян можно проследить компоненты культурного геноцида, направленные на искажение исторических фактов через присваивание духовных и культурных достижений армянского народа, а также планомерное уничтожение памятников армянской культуры. Цель культурного геноцида на данном этапе — доказать, что Западная Армения никогда не была исторической родиной армян, для чего последовательно следят за тем, чтобы из турецких карт, справочников и путеводителей стиралось слово «Армения». В противном случае к ответственности привлекаются те, кто случайно или намеренно допустил попадание данного слова в печатное издание.

Например, в 1982 г. турецкий архитектор Н. Болук был привлечен к судебной ответственности за то, что в изданном им путеводителе по Турции ряд районов Восточной Анатолии обозначен как историческая Армения; в 1985 г. к судебной ответственности с обвинением в «антитурецкой пропаганде и намеренном оскорблении чувств турецкого народа» была привлечена издательница турецкого перевода «Британской энциклопедии» Х. Путаоглу за ссылку на существование Киликийского Армянского царства; гид немецкой туристической группы Р. Браун был арестован, поскольку напомнил своим соотечественникам, что в Диярбекире некогда была армянская церковь [3, с. 8–7]. Кроме того, ведется борьба против тех иностранных компаний, авторов и издателей, которые на своих страницах говорили о существовании на территории современной Турции армянских государств или же освещали трагические события начала XX в., называя их геноцидом. Их труды запрещаются к продаже, и начинается пропагандистская работа с целью фальсификации исторической действительности.

Составной частью турецкой политики против армянских культурных ценностей являются переименования армянских географических названий, свыше 90% которых уже было переименовано, и преднамеренное игнорирование армянских архитектурных памятников, их использование в качестве мишеней для артиллерийских упражнений, загонов для скота, складов и даже тюрем, их камни служат строительным материалом. Наряду с этим продолжается процесс закрытия или тюркизации армянских школ, где запрещалось преподавать историю Армении, изучать литературные произведения на историческую тему, а в 1985 г. были осуждены два армянских учителя за то, что организовали курсы армянского языка для детей-армян [3, с. 10–11]. В п. 6 резолюции Европарламента о политическом решении Армянского вопроса 1987 г. отмечено, что турецкое правительство должно проявлять справедливое отношение к самобытности армянского народа, его языку, религии, культуре и системе образования; Европарламент настоятельно требует должного отношения правительства к охране памятников армянской архитектуры, находящихся на территории современной Турции². Таким образом, вышеприведенное свидетельствует о преднамеренном нападении на культуру армянского народа в рамках геноцидальной политики в начале XX в. и продолжающейся целенаправленной политики разрушения и небрежного отношения к материальным и нематериальным ценностям армянской культуры в последующие годы.

Предшествующие физическому уничтожению аресты и систематическое изгнание лиц, представляющих культуру группы, стали первой стадией культурного геноцида, направленной на слом национального духа, препятствование сопротивлению, которое могли бы возглавлять потенциальные, безосновательно арестованные представители группы. Геноцид сопровождался систематическим уничтожением книг и религиозных произведений, а те, кто пытался их спасти, подвергался жестокому убийству. Наконец, параллельно с физическим геноцидом осуществлялось систематическое уничтожение исторических и религиозных памятников, возможных свидетельств о том, что данный народ жил в определенном

¹ Культурный геноцид [Электронный ресурс]. МИД РА. URL: <https://www.mfa.am/ru/cultural-genocide> (дата обращения: 20.06.2020).

² European Parliament Resolution on a Political Solution to the Armenian Question [Электронный ресурс]. June 18, 1987. URL: https://www.armenian-genocide.org/Affirmation.152/current_category.7/affirmation_detail.html (дата обращения: 20.06.2020).

месте. Последние названные действия, наряду с закрытиями учебных заведений и запретом использования национального языка, продолжаются до сих пор, и это можно было бы назвать периодом постгеноцида, так называемым последствием физического геноцида, когда осуществляется культурный геноцид посредством разрушения, присваивания и использования в чуждых их назначению объектов культуры группы-жертвы с целью стереть доказательства существования группы в данном определенном месте и тем более их преднамеренного уничтожения.

Данным случаем мы хотели показать, что преступление культурного геноцида осуществлялось параллельно с физическим и биологическим геноцидом, рассматривать его в качестве отдельного преступления в данном случае представляется спорным вопросом, поскольку это неразрывно связано с убийствами представителей данной группы, проходило одновременно с ними, а в постгеноциде осуществлялось, чтобы скрыть эти самые убийства (по крайней мере, как намеренные).

Культурный компонент в гражданской войне в Шри-Ланке

Как известно, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка является небольшим островным государством у южно-восточного побережья Индии с более чем двадцатимиллионным населением. Значительное этническое и религиозное разнообразие Шри-Ланки лежит в основе его социальной и политической истории, но основными этнолингвистическими культурами являются сингалы и тамилы. Следует отметить, что до того, как британская колония представила идею единого государства и объединила две общины, сингалы и тамилы жили исключительно на своих традиционных землях, с которыми обе этнические группы тесно себя связывали как отдельные нации, имеющие различное национальное самосознание [13].

Первоначально этническая напряженность, которая стала неотъемлемой частью общества Шри-Ланки на протяжении всего двадцатого века и фактически вылилась в геноцид, была связана с противоречиями между этими национальными группами. Сингальская националистическая идеология определяла тамилы как исторических угнетателей и врагов сингальской нации. Такая идеология начала формироваться в колониальный период, и такой поляризованный взгляд на сингало-тамильские отношения стал частью национальной памяти Шри-Ланки. На практике же они начали реализовываться в период после обретения государством независимости в 1948 г. [10, с. 28].

За два года до независимости сингальская и тамильская политические элиты пришли к согласию о конституционном урегулировании независимости, однако конституция, представленная британцами, оказалась спорной, поскольку не включала в себя хоть какие-либо законы касаясь избирательных прав, прав гражданства и общин. Подобные недостатки конституции позволили сингальским политическим элитам (Объединенная национальная партия) взять политическую власть в свои руки и направить ее против индийских тамилы [13].

После обретения независимости в 1948 г. произошел всплеск сингальского национализма, в результате которого были приняты Законы о гражданстве 1948 и 1949 гг., лишившие гражданства и избирательных прав почти один миллион индийских тамилы, несмотря на то, что они проживали на острове более шести поколений¹.

Геноцидальные действия, направленные против этнической группы тамилы, можно проследить в начальный период и на протяжении политической борьбы и гражданской войны за восстановление прав, проводимых тамилы. Целесообразно выделить следующие этапы: фаза предвоенной борьбы (1956–1983 гг.); этап вооруженной борьбы (1983–2005 гг.); этап окончания войны (2006–2009 гг.); этап послевооруженной борьбы (после 2009 г.)². Мы будем акцентировать внимание на фазе предвоенной борьбы как периоде культурного геноцида и физического предгеноцида, сигнализирующих о возможном насилии в отношении определенной национальной группы.

¹ The Long Shadow of War: The Struggle for Justice in Postwar Sri Lanka — Report [Электронный ресурс]. Oakland Institute. 1 Jun 2015. URL: <https://www.transcend.org/tms/2015/06/the-long-shadow-of-war-the-struggle-for-justice-in-postwar-sri-lanka-report/> (дата обращения: 21.06.2020).

² Genocide against the Tamil People. Massacres, Pogroms, Destruction of Property, Sexual Violence and Assassinations of Civil Society Leaders [Электронный ресурс]. International Human Rights Association Bremen. URL: <http://www.ptsrilanka.org/pogroms-and-massacres/> (дата обращения: 21.06.2020).

Изначально напряженность в обществе была связана с языковой политикой правительства и доступом к государственной службе. В 1956 г. был принят Закон о единственном сингальском языке, который заменил три предыдущих официальных языка: сингальский, тамильский и английский. Это означало, что сингальский язык стал единственным языком, с которым граждане могли общаться с государством. Тамилы столкнулись с последствиями данного закона при найме на работу, а те, кто занимал государственные должности, работал в службе безопасности, должны были знать сингальский язык на высоком уровне или быть уволены [13].

Госслужба не была единственной областью, где тамилы оказались обездоленными, они активно подвергались дискриминации также в области образования. В британскую колониальную эпоху тамилы удерживали государственные должности за счет владения английским языком, что, в свою очередь, стало средством социальной мобильности и экономического роста. Однако в период после обретения независимости правительство отдавало предпочтение сингальцам, что отразилось в законодательстве в 1971 г., когда закон стал помогать студентам, находящимся в невыгодном географическом положении (районные квоты), в доступе к высшему образованию, позволяя им поступать в университеты с более низкими квалификационными оценками, чем у тамильских студентов, которым, в свою очередь, не было гарантировано место в университетах [13]. Более того, реализация этих законов оказалась частью более широкой программы сделать население государства полностью сингальским, и в 1978 г. была принята новая конституция, которая отдавала буддизму (вероисповедание сингальцев) первостепенное место среди других религий в стране, отмечая, что государство должно защищать и развивать буддизм [13].

Законы стали символом сингальского национализма и укрепили в умах тамилы веру, что нельзя довериться руководству сингальского общества в деле защиты прав меньшинств. Они начали заявлять, что законодательство ставит под угрозу их язык, культуру и экономическое положение. Вместе с тем, понимая, что закон угрожает национально-этнической самобытности тамилы, многие были против, чтобы их дети изучали сингальский язык. Наряду с проявлениями чувства патриотизма, отвергнув попытки ассимиляции и дискриминации, у тамилы появлялись идеи и солидарность в отношении создания отдельного государства. После таких изменений действующие тамильские политические лидеры утратили легитимность, а напряженность в обществе в итоге переросла в полномасштабное насилие в 1970-х гг., которое сопровождалось требованиями тамилы об автономии и территориальных правах. В результате начали появляться боевые движения, такие как «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ).

Непоправимый ущерб культурному наследию тамильского народа был нанесен 1 июня 1981 г., когда сингальские толпы и полиция сожгли публичную библиотеку Джафны, в которой содержались более 97 тыс. томов книг и рукописей, посвященных культуре тамилы и которая представляла собой в то время одну из крупнейших библиотек в Азии [13]. Хотя приведенные примеры правительственной политики в области национального языка, образования и религии больше похожи на целенаправленную ассимиляционную политику, но случай уничтожения книг и рукописей квалифицируется как акт против культуры группы, способный свидетельствовать о геноцидальном намерении.

Антитамильские погромы и бунты 1983 г., известные как «Черный июль», последовали за погромами 1958, 1977 и 1981 гг.¹, и в результате дискриминации и насилия возросло тамильское сепаратистское движение и число группировок боевиков, которые возглавило ТОТИ. В 1983 г. страна погрузилась в кровопролитную гражданскую войну, которая завершилась только в 2009 г., когда правительственная армия захватила последнюю, контролируемую ТОТИ территорию в Северной провинции². Война оставила за собой непоправимый ущерб в виде более 40 тыс. жертв среди гражданского населения как представителей этнической группы, отличающейся своей культурой.

Несмотря на то, что предпринятые правительством меры в отношении языковой, образовательной и религиозной политики носили больше характер ограничений, чем являлись элементами концепции

¹ Genocide against the Tamil People [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ptsrilanka.org/pogroms-and-massacres/> (дата обращения: 16.04.2020).

² The Long Shadow of War: The Struggle for Justice in Postwar Sri Lanka — Report [Электронный ресурс]. Oakland Institute, 1 Jun 2015. URL: www.transcend.org/tms/2015/06/the-long-shadow-of-war-the-struggle-for-justice-in-postwar-sri-lanka-report/ (дата обращения: 22.06.2020).

культурного геноцида, поскольку язык и религия правящей нации, в соответствии с законом, приобретали привилегированное положение, а не вводился запрет на использование определенного языка и исповедание определенной религии, но изложенные меры стали теми культурными мотивами, которые, столкнувшись с сопротивлением, превратили дискриминационную политику в политику насилия и геноцида (в котором в конечном счете правительство было обвинено¹). Данный случай показывает, что культурные ограничения и посягательства на культуру группы, которые также не рассматриваются в качестве отдельных преступлений, а являются составной частью объемной программы по нейтрализации этнической группы, могли сигнализировать о предстоящем насилии, физическом геноциде и военных преступлениях.

Культурный геноцид в Тибете

Общеизвестно, что тибетский народ в течение тысячелетий развил своеобразную цивилизацию, для которой характерны собственный язык, духовные традиции и обычаи, искусство и литература. Кроме того, буддизм является неотъемлемой частью тибетской идентичности, об уникальности которой тибетцы постоянно заявляют, идентифицируя себя как коренных жителей. В течение долгих лет Тибет имел нестабильные отношения с Китаем, однако последние десятилетия отмечались большим числом нарушений прав человека и посягательств на тибетскую культуру.

После вторжения в Тибет Народно-освободительной армии Китая в 1949 г. и последующих антикитайских восстаний, в рамках Культурной революции, инициированной лидером Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуном, было принято решение покончить с «четырьмя пережитками» (старая культура, мышление, привычки, обычаи) [12, с. 184–185], что имело разрушительное последствие для тибетской культурной самобытности. Политика Китая в отношении Тибета базируется на комбинации китайского шовинизма и марксистской диалектики, что просто противоречит тибетской культуре и самобытности, целью которой является ассимиляция тибетцев для обеспечения контроля Пекином и потока материальных выгод в компартию [14, с. 38].

Обратимся к преступным действиям, образующим культурный геноцид. Во время политических демонстраций в 1956 г. публично были сожжены священные буддистские тексты, разрушены религиозные и исторические памятники, монастыри [12, с. 185–186]. Исследователи отмечают, что с 1956 г. китайские правители уничтожили основы тибетской цивилизации, напав на религию и аристократический общественный порядок [5, с. 30]. После смерти Мао жесткая политика в отношении религии сравнительно ослабла, однако проводилась практика умаления важности монастырских учреждений и той роли, которую они играют в тибетском обществе, пытаясь подорвать образовательный компонент этих учреждений через контроль над их учебными планами и введение немонастырских школ. Кроме того, в добавление к последним представленным мерам появились определенные критерии к назначению учителей, такие как поддержка компартии и ее идеологии и патриотичность по отношению к Китаю [12, с. 186].

На таком же уровне находится тибетский язык, слабое использование которого может повлиять на сохранение религии и истории, а в государственной службе в Тибете, хотя официальным являет тибетский язык, поощряется использование китайского языка. Были проведены также демографические реформы — перераспределение земель, приобретенных вследствие разрушенных монастырей, в результате создания новых социальных деревень недобровольно было переселено более 2 млн тибетцев. Это имело существенные негативные последствия, так как кочевничество и скотоводство для тибетцев — это не просто способ поддержания средств к существованию, но на протяжении веков являлось важнейшим элементом тибетской культуры [12, с. 187].

Еще одним примером является взятие китайским правительством под стражу шестилетнего ребенка по имени Гадун Чоки Нима, который согласно тибетской буддистской традиции был определен и назначен в качестве 11-го панчен-ламы (ранг после далай-ламы, за определение которого он частично

¹ A Decade Without Justice for Sri Lanka's Tamils [Электронный ресурс]. The Diplomat, May 17, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/05/a-decade-without-justice-for-sri-lankas-tamils/> (дата обращения: 22.06.2020).

ответственен)¹. Несомненно, такое вмешательство является грубым нарушением права тибетского народа на свободное исповедание своей религии.

Все это, наряду с пропагандой ненависти и расовой и этнической дискриминации, привело к протестам в виде самосожжений² и обвинениям в культурном геноциде. В связи с этим далай-лама отметил: «Ситуация такая, что, будь то намеренно или ненамеренно, в Тибете происходит нечто вроде культурного геноцида. И если потеря независимости приемлема, то потеря культуры, согласие с уничтожением нашей духовности, тибетского буддизма немыслимо»³. Следует подчеркнуть, что доказательствами преступной практики китайского правительства в отношении тибетского народа служат отклики на ситуацию международного сообщества.

Так, еще в 1959 г. ГА ООН приняла резолюцию, в которой содержится призыв к Китаю обеспечить «уважение основных прав человека тибетского народа и его особой культурной и религиозной жизни» [5, с. 31]. В резолюции ГА 1961 г. ООН призвала Китай прекратить «практику, которая лишает тибетский народ его основных прав, включая право на самоопределение» [5, с. 31]. Также в 1965 г. ГА ООН приняла третью резолюцию, в которой выражала серьезную обеспокоенность «продолжающимся нарушением основных прав и свобод народа Тибета и продолжающимся подавлением его особой культурной и религиозной жизни» [12, с. 186]. Далее в 1991 г. Подкомиссия ООН по предупреждению дискриминации и защите прав меньшинств приняла резолюцию, в которой выражала обеспокоенность «постоянными сообщениями о нарушениях основных прав и свобод человека, которые угрожают особой культурной, религиозной и национальной самобытности тибетского народа» [12, с. 186].

По мнению далай-ламы, власти Китая видят в культуре и религии Тибета угрозу восстания и отделения, поэтому проводят политику на его подавление, что выражается не только в действиях против тибетского языка и религии (наглядным примером является разрушение около 6 тыс. монастырей или их использование в отличных от религиозных целей), но и в миграционном процессе — переселении большого числа китайцев в Тибет и строгом планировании семьи. Такие меры могут быть направлены на затруднение восстания, распространение китайской пропаганды, создание тибетского меньшинства на их территории и в конечном счете на то, чтобы добиться исчезновения тибетской культуры. Кроме того, в рамках общеизвестных программ интернет-цензуры в Китае фильтруются запросы и данные о тибетской культуре, что можно рассмотреть в качестве нового нетрадиционного аспекта культурного геноцида.

Сегодня, после десятилетий неуважения по отношению к тибетской религии, культуре, образу жизни, то, что случилось и что продолжает иметь место, не должно рассматриваться как простой результат естественных изменений времени, властных и общественных отношений. Данный случай показывает, что целенаправленная политика насильственной ассимиляции носит однозначные элементы культурного геноцида с восприятием группы-жертвы в качестве опасной и взятием ее под контроль через разрыв связей с самобытной культурой. Подобная ситуация показывает, что культурный геноцид представляет собой длительный процесс разрушения культуры группы-жертвы, которое проявляется различными способами, включая физическое разрушение культурных ценностей, массовую колонизацию, семейное планирование и использование современных технологий, и которое может сигнализировать о будущем физическом насилии, но на сегодняшний день представляется как отдельное преступление.

Заключение

Культурный геноцид — это систематическое разрушение наследия и определенных культурных особенностей группы-жертвы. В более общем плане культурный геноцид является неотъемлемым компонентом физического уничтожения группы. Нами были выбраны три случая, которые связаны между

¹ International Campaign for Tibet, "Cultural Genocide and the 11th Panchen Lama" [Электронный ресурс]. June 4, 2013. URL: <https://www.savetibet.org/cultural-genocide-and-the-11th-panchen-lama/> (дата обращения: 22.06.2020).

² Self-immolation protest [Электронный ресурс]. URL: <https://www.freetibet.org/about/self-immolation-protests> (дата обращения: 22.06.2020).

³ David Eimer. Dalai Lama Condemns China's 'Cultural Genocide' of Tibet [Электронный ресурс]. The Telegraph. March 16, 2008. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1581875/Dalai-Lama-condemns-Chinas-cultural-genocide-of-Tibet.html> (дата обращения: 22.06.2020).

собой возможностью по тем или иным критериям вписаться в концепцию культурного геноцида. Первый случай представляет собой культурное разрушение группы во время мирового конфликта, в то время как второй случай является действием авторитарного правительства во время внутреннего конфликта. В третьем случае рассматриваются действия тоталитарного правительства, враждующего с меньшинством в течение длительного периода времени. Это разнообразие показывает, что действия преступных правительств связаны с их враждебным отношением к группе-жертве, и в их контексте внешнее вмешательство или подстрекательства не имеют места.

Кроме того, случаи были отобраны так, чтобы иметь возможность очертить границы между преступлением геноцида и культурным геноцидом и рассмотреть вопрос о значении концепции культурного геноцида и ее собственного места в исследованиях геноцидологии. В результате мы выявили, что, например, в случае с культурным компонентом геноцида армян культурный геноцид осуществлялся во время и после физического уничтожения представителей группы-жертвы и что он является неотъемлемым элементом политики отрицания. В гражданской войне в Шри-Ланке, как было выявлено, культурный геноцид стал сигналом о будущем геноциде. И наконец, случай культурного геноцида тибетцев показал возможность рассмотрения культурного геноцида в качестве отдельного преступления, осуществленного при этом в мирное время.

Таким образом, можно констатировать, что преступление культурного геноцида не связано с временными рамками осуществления физического и биологического геноцида, которые, по сути, являются объективной стороной преступления геноцида, определенного в конвенции. Культурный геноцид может представлять собой фазы предгеноцида или постгеноцида или же являться преступлением с дифференциальным от физического и биологического геноцида значением. В любом случае это правонарушения, которые требуют внимания международного сообщества, указывают на необходимость их нейтрализации в соответствии с системой предупреждения преступления геноцида. Все три случая представляют собой не только и не столько исторические события, но органично связаны с современной динамикой исследований геноцидологии, мирных и конфликтных положений. Все это показывает, что культурный геноцид является далеко не новым компонентом преступления геноцида, а составной частью геноцидальной политики, в некоторых случаях выступает в качестве отдельного преступления, в некоторых — в качестве формы преступления геноцида.

Литература

1. Барсегов Ю. Г. Геноцид армян — преступление по международному праву / Ю. Г. Барсегов. М., 2000. 272 с.
2. Геноцид армян в османской империи: Сборник документов и материалов / под ред. М. Г. Нерсисяна. 2-е, доп. изд. Ереван : Айастан, 1983. 704 с.
3. Հովհաննիսյան, Ս. Թուրքիա. մշակութային ցեղասպանություն, ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության ինստիտուտ, Երևան, 2005թ. (Оганесян А. Р. Турция: культурный геноцид. Ереван, НАА РА, 2005 [на арм., рус., англ. яз.]).
4. Քեշիշյան, Մ. Հայկական մշակութային եղեռնը Օսմանյան Թուրքիայի տարածքում. Հայոց ցեղասպանության պատմության և պատմագրության հարցեր, № 7. 2003. էջ 124–131. (Кешишян М. Геноцид армянских культурных ценностей на территории Османской империи. Вопросы истории и историографии Геноцида армян, № 7. 2003. С. 124–131. [на арм. яз.]).
5. Cultural Genocide in Tibet. A Report. Department of Information and International Relations of the Central Tibet Administration. 2017.
6. Frieze D. L. Genos — the Human Group: How the Concept of “Culture” Underscores Raphael Lemkin’s Notion of “Genocide” / D. L. Frieze // The Crime of Genocide: Prevention, Condemnation and Elimination of Consequences, Proceedings of International Conference (Yerevan). 2011. Pp. 164–171.
7. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress / R. Lemkin. Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 p.

8. *Lemkin R. Genocide — a Modern Crime / R. Lemkin // Free World* [Электронный ресурс]. Vol. 4, 1945. Pp. 39–43. URL: <http://www.preventgenocide.org/lemkin/freeworld1945.htm> (дата обращения: 15.03.2020).
9. *Lemkin R. Les Actes Constituant un Danger General (interetatique) Considerés Comme Delits du Droit des Gens / R. Lemkin // Actes de la Vème Conférence Internationale Pour l' Unification du Droit Pénal (Madrid)* [Электронный ресурс]. Octobre, 1933. Pp. 48–56. URL: <http://www.preventgenocide.org/fr/lemkin/madrid1933.htm> (дата обращения: 15.03.2020).
10. *Powell Ch., Amarasingam A. Atrocity and Proto-Genocide in Sri Lanka / Ch. Powell, A. Amarasingam // Understanding Atrocities: Remembering, Representing, and Teaching Genocide. February, 2017. Pp. 19–47.*
11. *Schabas W. A. Genocide in International Law: The Crime of Crimes / W. A. Schabas. Cambridge University Press. 2000. 644 p.*
12. *Sandhar J. K. Cultural Genocide in Tibet: The Failure of Article 8 of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples in Protecting the Cultural Rights of Tibetans Santander Art and Culture / J. K. Sandhar // Law Review. 2015. Pp. 175–198.*
13. *Satgunarajah M. "Never Again": The Case Study of Sri Lanka and the Collective Action Theory of Genocide / M. Satgunarajah // University of Windsor. Electronic Theses and Dissertations [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/5915> (дата обращения: 15.03.2020).*
14. 60 Years of Chinese Misrule: Arguing Cultural Genocide in Tibet, report by the International Campaign for Tibet. 2012.

Об авторе:

Бабаян Мери Эриковна, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); m.babayanx@gmail.com

Referencis

1. Barsegov Yu. G. Genotsid armyan — prestuplenie po mezhdunarodnomu pravu / Yu. G. Barsegov. M., 2000. 272 s.
2. Genotsid armyan v osmanskoi imperii: sbornik dokumentov i materialov / pod red. M. G. Nersisyan. 2-e, dop. izd. Erevan : Aiastan, 1983. 704 s.
3. Հովհաննիսյան, Ա. Թուրքիա. մշակութային ցեղասպանություն, ՀՀ ԳԱԱ Արևելագիտության ինստիտուտ, Երևան, 2005թ. (Oganesyan A. R. Turtsiya: kul'turnyi genotsid. Erevan, NAA RA, 2005 [na arm., rus., angl. yaz.]).
4. Քեշիշյան, Մ. Հայկական մշակութային եղեռնը Օսմանյան Թուրքիայի տարածքում. Հայոց ցեղասպանության պատմության և պատմագրության հարցեր, № 7. 2003. էջ 124–131. (Keshishyan M. Genotsid armyanskikh kul'turnykh tsennostei na territorii Osmanskoi imperii. Voprosy istorii i istoriografii Genotsida armyan, № 7. 2003. S. 124–131. [na arm. yaz.]).
5. Cultural Genocide in Tibet. A Report. Department of Information and International Relations of the Central Tibet Administration. 2017.
6. Frieze D. L. Genos — the Human Group: How the Concept of “Culture” Underscores Raphael Lemkin’s Notion of “Genocide” / D. L. Frieze // The Crime of Genocide: Prevention, Condemnation and Elimination of Consequences, Proceedings of International Conference (Yerevan). 2011. Pp. 164–171.
7. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress / R. Lemkin. Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 p.
8. Lemkin R. Genocide — A Modern Crime / R. Lemkin // Free World [Elektronnyi resurs]. Vol. 4, 1945. Pp. 39–43. URL: <http://www.preventgenocide.org/lemkin/freeworld1945.htm> (data obrashcheniya: 15.03.2020).

9. Lemkin R. Les Actes Constituant un Danger General (interétatique) Considerés Comme Delits du Droit des Gens / R. Lemkin // Actes de la Vème Conférence Internationale Pour l' Unification du Droit Pénal (Madrid) [Elektronnyi resurs]. Octobre, 1933. Pp. 48–56. URL: <http://www.preventgenocide.org/fr/lemkin/madrid1933.htm> (data obrashcheniya: 15.03.2020).
10. Powell Ch., Amarasingam A. Atrocity and Proto-Genocide in Sri Lanka / Ch. Powell, A. Amarasingam // Understanding Atrocities: Remembering, Representing, and Teaching Genocide. February, 2017. Pp. 19–47.
11. Schabas W. A. Genocide in International Law: The Crime of Crimes / W. A. Schabas. Cambridge University Press. 2000. 644 p.
12. Sandhar J. K. Cultural Genocide in Tibet: The Failure of Article 8 of the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples in Protecting the Cultural Rights of Tibetans Santander Art and Culture / J. K. Sandhar // Law Review. 2015. Pp. 175–198.
13. Satgunarajah M. “Never Again”: The Case Study of Sri Lanka and the Collective Action Theory of Genocide / M. Satgunarajah // University of Windsor. Electronic Theses and Dissertations [Elektronnyi resurs]. 2016. URL: <https://scholar.uwindsor.ca/etd/5915> (data obrashcheniya: 15.03.2020).
14. 60 Years of Chinese Misrule: Arguing Cultural Genocide in Tibet, report by the International Campaign for Tibet. 2012.

About the author:

Mary E. Babayan, Master Student, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); m.babayanx@gmail.com

Коронавирус и глобализация: знание vs домыслы

Чумаков А. Н.*, Юрченко П. С.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация;

* chumakov5@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Пандемия коронавируса породила множество разговоров о посткоронавирусном будущем мирового сообщества и привлекла пристальное внимание к процессам глобализации. В статье отмечается, что нечто аналогичное в общественном сознании имело место после публикации первого доклада Римскому клубу, когда достаточно быстро пришло осознание опасности со стороны глобальных проблем. Теперь также одна из глобальных проблем — пандемия коронавируса — в считанные недели изменила привычный ритм жизни всего мирового сообщества. Актуальность темы столь высока, что в ее обсуждение активно включились даже те, кто до этого не только профессионально, но даже всерьез не интересовался ни проблемами медицины, ни глобальной проблематикой. В итоге на страницах многих печатных и электронных изданий наряду с серьезной и выверенной информацией множатся всевозможные догадки и домыслы о природе и соотношении коронавируса и глобализации. Противопоставить этому, по мнению авторов, можно только знания.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, глобализация, эпидемия, глобальные проблемы, знание, мировое сообщество

Для цитирования: Чумаков А. Н., Юрченко П. С. Коронавирус и глобализация: знание vs домыслы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 112-122.

Coronavirus and Globalization: Knowledge vs Concept

Alexander N. Chumakov*, Pavel S. Yurchenko

Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation;

* chumakov5@yandex.ru

ABSTRACT

The coronavirus pandemic has generated a lot of talk about the post-coronavirus future of the world community and has drawn close attention to the globalization process. The article notes that something similar in the public consciousness took place after the publication of the first report to the Club of Rome, when the awareness of the danger posed by global problems had quickly come. Now, one of the global problems — the coronavirus pandemic — has changed the usual life rhythm of the entire world community in a matter of weeks. The relevance of the topic is so high that even those who, before that, not only professionally, but even seriously were not interested in either the problems of medicine or global problems, actively joined its discussion. As a result, on the pages of many print and electronic publications, along with serious and verified information, all sorts of guesses and speculations about the nature and correlation of coronavirus and globalization are multiplied. Only knowledge can be opposed to this, according to the authors.

Keywords: coronavirus pandemic, globalization, epidemic, global problems, knowledge, world community

For citing: Chumakov A. N., Yurchenko P. S. Coronavirus and Globalization: Knowledge vs Concept // Eurasian integration: economics, law, politics. 2020. No. 3. Pp. 112-122.

Уроки истории

Во второй половине XX в., когда противоречия во взаимодействии природы и общества резко обострились и вышли на глобальный уровень, известные ученые и общественные деятели, озабоченные глобальными проблемами, создали международную общественную организацию — Римский клуб, чтобы исследовать принципиально новые угрозы человечеству и привлечь к ним широкое общественное внимание. Но уже первые попытки решить такую задачу показали, что ни многоликое научное сообщество, ни тем более широкие слои населения не понимали реального положения дел и той опасности, которая нависла над человечеством. При этом ничто не могло заставить людей посмотреть на быстро меняющийся мир и на себя в этом мире по-другому. А более всего членов Римского клуба, посетивших многие страны и различные континенты, удручало равнодушие людей, которое проявилось в их отношении к собственной судьбе. Практически все слои населения, от простых обывателей до представителей различных уровней власти, не видели, не осознавали и, что особенно важно, не хотели осознавать нараставшие опасности.

Вспоминая впоследствии то время, основатель и первый Президент Римского клуба А. Печчеи, писал: «Как будто бы глобальные проблемы, к которым мы стремились привлечь всеобщее внимание, касались вовсе не нашей, а какой-то совсем иной, далекой планеты... Наши слова нашли не больше отклика, чем проповеди Папы Римского, увещевания Генерального секретаря ООН У Тана или, скажем, предостережения обеспокоенных ученых и мыслителей. Создавалось впечатление, что их забывали еще до того, как слышали» [6, с. 99]. Необходима была сенсация, которая напоминала бы лечение шоком. Только нечто абсолютно необычное, способное вызвать эффект «грома среди ясного неба», могло заставить людей увидеть надвигающиеся опасности и задуматься над своей судьбой. Эту задачу тогда успешно выполнила группа ученых под руководством Д. Медоуза, подготовившая первый доклад Римскому клубу «Пределы роста». Именно его публикация в 1972 г. и стала тем поворотным пунктом, после которого игнорировать глобальную проблематику было уже практически невозможно.

И вот полвека спустя сложилась аналогичная ситуация, но уже в новых условиях и в ином формате. Мировое сообщество, где и теперь, как прежде, «никто, в сущности, не несет и даже не ощущает ответственности за состояние всего мира» [6, с. 111], испытало буквально шок, но вызванный уже не публикацией очередного доклада обеспокоенных ученых, а естественным ходом событий. Иными словами, природа преподнесла более жесткий и поучительный урок мировому сообществу в виде эпидемии коронавируса, которая за считанные недели охватила всю планету и буквально поставила ультиматум мировому сообществу.

Случилось то, что еще несколько месяцев тому назад, казалось бы, невозможно было себе представить. Привычная жизнь людей изменилась в одночасье и кардинальным образом. Люди, города и даже страны перешли в режим самоизоляции и оказались фактически запертыми в своих границах. Перестали летать самолеты, резко сократились транспортные потоки, а разрыв технологических цепочек и экономических связей породил волну банкротств и остановку многих предприятий по всему миру. Индустрии развлечений, туризма, спорта перестали функционировать. Опустили отели, кинотеатры, рестораны, стадионы и иные места массового скопления людей. Личные контакты, сведенные к минимуму, заменило общение онлайн. Туда же перешли многие виды работ, производственные, деловые и прочие совещания, досуг, образование, научные конференции и т. п. Масштабы перемен и скорость, с которой они произошли, стали буквально шоком и полной неожиданностью даже для научного сообщества.

На этом фоне появилось множество как серьезных, так и досужих разговоров о природе и причинах появления коронавируса. К тому же в большинстве случаев все это связывается с глобализацией, ее ролью и значением в сложившейся ситуации. И это вполне объяснимо. К теме глобализации заставляют обратиться резко изменившиеся обстоятельства. Даже те, кто еще вчера, не задумываясь, пользовался интернетом и современными средствами связи, покупал в магазинах бытовые и промышленные товары, произведенные в различных странах, а фрукты и овощи, выращенные в том числе и в самых экзотических

уголках планеты, вдруг поняли, что все это в конечном счете замыкается на весь глобус, на всю планету и составляет нечто взаимосвязанное, взаимозависимое, единое целое. Как правильно отмечают в этой связи Г. Фаррел и А. Ньюман: «Глобализация предполагает дальнейшую специализацию труда между странами, эта модель невероятно повышает эффективность, но одновременно ведет к беспрецедентной уязвимости. Удары, подобные пандемии COVID-19, выявляют подобную уязвимость. Единственный поставщик или регион, специализирующийся на одном продукте, в момент кризиса может вызвать хрупкость всей системы, может нарушиться вся цепочка поставок. В ближайшие месяцы мы увидим еще больше проявлений этой уязвимости»¹. Соглашаясь с данной оценкой влияния глобализации на экономику, следует тем не менее подчеркнуть, что ключевым элементом в этой глобальной системе является человек. Таким образом, как бы кто до этого не относился к глобальным процессам или к такого же уровня проблемам, структурам, движениям и какие бы представления не имел о них, проигнорировать разговоры о связи коронавируса и глобализации уже никто не может. А вот суждения и оценки, из этого вытекающие, заслуживают особого внимания.

От коронавируса к глобализации

Итак, мировой масштаб распространения коронавируса и его последствия резко развернули общественный интерес и внимание в сторону глобальной проблематики. На этом фоне появилось множество публикаций, где авторы, независимо от их квалификации и профессиональной принадлежности, настолько активно стремятся высказаться по поводу глобализации и ее связи с коронавирусом, что все это сильно напоминает времена становления древнегреческой философии. В тот период, именуемый «натурфилософией», основное внимание мудрецов было сосредоточено на размышлениях о природе и сущности мироздания, и каждый уважающий себя философ считал своим долгом написать труд под названием «О природе». Вот так и теперь медийное пространство буквально заполнили публикации, где наряду с темой коронавируса непременно говорится и о глобализации.

Страницы всевозможных изданий пестрят соответствующими заголовками статей, где речь идет о нисходящем тренде глобальных процессов, а то и вовсе о *«завершении»* глобализации, которую определяют как «рудимент и атавизм»². Появились и все более активно используются такие термины, как «деглобализация» и «антиглобализация». Соответствующая терминология получает все более широкое распространение в расхожих домислах о «закате», «конце», «обвале», «остановке», «смерти» глобализации. Вот только некоторые заголовки такого рода: «Убил ли коронавирус глобализацию?», «Глобализация умерла от коронавируса», «Остановит ли коронавирус глобализацию?», «Конец глобализации: как коронавирус изменит мировую экономику», «Может ли после коронавируса начаться антиглобализация?», «Похоронит ли коронавирус эпоху глобализации?», «О воздействии пандемии COVID-19 на процессы глобализации» и т. д. и т. п.

Вполне очевидно, что коронавирус как лакмусовая бумажка показал предельно широкий разброс мнений относительно того, что являет собою глобализация. При этом явно просматривается тенденция, когда суждения об этом предельно сложном явлении делаются без обращения к специальным знаниям и авторитетным источникам, т. е. с позиции «мне так кажется». Здесь невольно вспоминается еще одна аналогия, а именно те времена, когда люди смотрели на небо и в силу очевидности на уровне здравого смысла заключали, что «Солнце вращается вокруг Земли», «звезды зажигаются и гаснут», «Луна излучает свет», «заходит за тучи» и т. п. Характерным примером подобных суждений является субъективное мнение автора одной из таких публикаций, когда он пишет: «Ощущение кризиса мира глобализации сложилось еще в 2019 г. у слишком многих людей, чтобы быть просто самообманом. Система глобализации, казавшаяся вполне устойчивой, обвалилась быстро, почти мгновенно (свертывание международной торговли и глобальных авиаперевозок произошло всего за месяц) и от относительно небольшого

¹ Фаррел Г., Ньюман А. Остановит ли коронавирус глобализацию в привычном понимании? // «Россия в глобальной политике» [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ostanovit-li-koronavirus-globalizacziyu-v-privychnom-ponimanii> (дата обращения: 10.08.2020).

² Евстафьев Д. Пандемия коронавируса: путь туда, но не обратно // Эксперт. Москва, 06.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert/2020/15/pandemiya-koronavirusa-put-tuda-no-ne-obratno/> (дата обращения: 10.08.2020).

толчка»¹. Аналогичный домысел о «приостановке» глобализации находим и у другого автора, который утверждает: «...Вот что особенно интересно. Оказалось, что глобализацию можно приостановить — закрыть границы и отменить авиасообщение, наложить жесткие ограничения по перемещению внутри стран»². Еще одно высказывание из множества других такого же рода принадлежит немецкому политологу Г. Мюнклеру: «Пандемия COVID-19, поразившая мир, положит конец эйфории глобализации»³.

И даже те, кто в целом адекватно воспринимает современную глобализацию, могут делать из этого превратные выводы, как, например, М. Ханов, который, с одной стороны, верно отмечает: «Не будем забывать, что процесс глобализации выходит далеко за рамки сугубо экономической интеграции отдельных стран. Это лишь ее наиболее наглядный практический уровень. На более глубоком уровне происходит соперничество культур, идеологий и политического влияния». И в то же время он говорит, рассуждая о Японии, что она «в большей степени, чем многие другие страны, пострадает от временной тенденции к *деглобализации* (выделено нами: А. Ч., П. Ю.)»⁴. Примерно такую же ошибку делает и В. Ф. Пряхин, когда говорит, что «глобализация является объективным процессом. Он может быть *заторможен* (выделено нами: А. Ч., П. Ю.) конкретными конъюнктурными обстоятельствами, но “отменить” его нельзя» [7, с. 1473–1480].

Столь упрощенные представления о глобализации, ее тенденциях и перспективах развития вполне объяснимы тем обстоятельством, что дело касается достаточно сложного явления, сущность которого можно выявить только в результате комплексного междисциплинарного анализа. К тому же в массе своей люди склонны доверять чувствам и первому впечатлению, когда впервые имеют дело с чем-то правдоподобным и согласующимся с их здравым смыслом. Вот и авторы отмеченных выше и аналогичных им публикаций легко и непринужденно судят о глобализации, не утруждая себя знакомством со специальной литературой по глобалистике или хотя бы с соответствующими справочными изданиями [4; 11; 12 и др.], не говоря уже о серьезном погружении в суть данного явления. В итоге их суждения о глобализации имеют в лучшем случае поверхностный, фрагментарный характер, поскольку внимание при таком подходе изначально фокусируется на том, что в первую очередь привлекает внимание и для не владеющего специальными знаниями кажется вполне очевидным. Дело касается, как правило, противостояния и столкновения интересов в глобальном мире, тех или иных негативных последствий человеческой деятельности или, например, успехов одних и отсутствия результатов у других. При этом ответственность за такого рода проблемы в современном мире возлагается, как правило, на вольно трактуемую глобализацию и тех, кто якобы инициировал ее, а теперь «управляет» ею в своих интересах.

Отсюда множество «теорий» и суждений о различных типах, моделях, проектах, вариантах глобализации. При этом ее именуют то либеральной, то олигархической, то капиталистической... Образцом суждения в русле указанной парадигмы является пассаж Д. Евстафьева, когда он пишет: «Едва ли удивительно, что концепция глобализации — что в американской версии, что в европейском толковании американской версии, что в китайских поправках к американской версии — не предусматривала никакой реальной геоэкономической многополярности, максимум “делегирование” военно-полицейских полномочий отдельным союзникам США в пределах ранее сформировавшихся в рамках американоцентричной (и никакой другой) модели глобального развития макрорегионов»⁵.

Основа подобных суждений все та же — некритически позаимствованный или сугубо личный взгляд на глобализацию «со своей колокольни», когда преувеличиваются, а то и вовсе абсолютизируются субъективные факторы глобальных процессов, при том что их объективные предпосылки

¹ Евстафьев Д. Пандемия коронавируса: путь туда, но не обратно // Эксперт. Москва, 06.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert/2020/15/pandemiya-koronavirusa-put-tuda-no-ne-obratno/> (дата обращения: 10.08.2020).

² Иванченко В. Коронавирус: страх — не лучший советчик» (17.03.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/koronavirus-strah-ne-luchshij-sovetchik/> (дата обращения: 10.08.2020).

³ Человечество почувствовало настоятельную необходимость закрыть двери : опрос экспертов разных стран // Россия в глобальной политике. № 3, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zakryt-dveri/> (дата обращения: 10.08.2020).

⁴ Ханов М. Похоронит ли коронавирус эпоху глобализации? (02.06.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/8626299> (дата обращения: 10.08.2020).

⁵ Евстафьев Д. Пандемия коронавируса: путь туда, но не обратно // Эксперт. Москва, 06.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert/2020/15/pandemiya-koronavirusa-put-tuda-no-ne-obratno/> (дата обращения: 10.08.2020).

и естественноисторическая природа остаются без должного внимания. Но даже признавая первичность объективных факторов по отношению к субъективным, нередко впадают в другую крайность, когда говорят о глобализации, например, только с экономической или политической точки зрения, игнорируя при этом другие сферы общественной жизни. Этим грешат, как правило, узкие специалисты, не выходящие за рамки своего предмета и профессионального кругозора. Характерным примером такого подхода является позиция американских ученых Г. Фаррела и А. Ньюмана, которые, в частности, пишут: «Глобализация создала сложную систему взаимозависимости. Компании радостно строили глобальные цепочки поставок, в результате запутанные сети производства связали воедино всю мировую экономику... Производство стало глобальным, одновременно возросла и взаимозависимость государств, поскольку ни одна страна не может полностью контролировать все товары и компоненты, необходимые ее экономике. Национальные экономики превратились в участников глобальной системы поставок»¹. В общем-то здесь все правильно, за исключением того, что глобализация не «создала сложную систему взаимозависимости», а открыла возможности для такой взаимозависимости [8]. А это далеко не одно и то же (систему взаимозависимости создают люди). Но вот что важно — авторы говорят только об одной сфере общественной жизни в контексте глобализации — об экономике, тогда как мы имеем теперь дело с многоаспектной глобализацией, т. е. такой, которая помимо экономики охватывает и практически все другие сферы общественной жизни: политическую, социальную, культурную, научную, образовательную, спортивную, информационную, экологическую и т. п. [9] Почему так важно принимать во внимание эти уточнения? Ну, хотя бы потому, что еще Марк Аврелий говорил: «Ваша жизнь есть то, что Вы о ней думаете». Иными словами, наша способность адекватно действовать прямо пропорциональна адекватности понимания окружающей нас действительности.

Касательно политиков, общественных деятелей, журналистов или «мнения народа» и того проще — они рассуждают на эти темы обычно в меру своей компетентности «по долгу службы» или просто потому, что это актуально. Отметим также, что в такие разговоры вовлекаются в том числе и серьезные ученые самого широкого спектра профессиональной принадлежности. И это вполне объяснимо. Монополии на обсуждение глобализации нет ни у кого. Важно только уточнить: если они ученые, то в какой области? Так, например, если известный биолог или ученый-климатолог станет всерьез обсуждать либеральную или еще какую-то там модель глобализации, то очень скоро встанет вопрос о его профессиональной принадлежности и уровне его компетенции в области именно глобалистики. Причем в той ее части, которая касается не естествознания, а общественных дисциплин. Вполне очевидно, что «научная ценность» таких разговоров не будет стоить потраченного на них времени.

К сожалению, именно с подобным непрофессионализмом мы и сталкиваемся сплошь и рядом, когда слышим или читаем о какой-то там модели или инициированной, управляемой кем-то глобализации. Нет надобности приводить здесь дополнительные доводы и доказательства несостоятельности такого рода суждений, поскольку на этот счет опубликовано уже множество серьезных работ, вполне доступных и в открытой печати, и в интернете [1; 3; 10 и др.]. Отметим только, что в профессиональном сообществе нет принципиальных разногласий относительно того, что в самом общем виде глобализация — это естественноисторический процесс универсализации и формирования единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни.

Таким образом, будучи объективно-историческим явлением (и процессом), глобализация сама по себе не может оцениваться положительно или отрицательно, так же, например, как и научно-технический прогресс. Разумеется, она сопряжена как с позитивными, так и негативными результатами человеческой деятельности в условиях, когда мир все больше становится целостной замкнутой системой. И, конечно, определенное влияние на отдельные аспекты глобальных процессов люди оказывают, когда, например, предпринимают соответствующие шаги в области демографии, экологии преодоления бедности или здравоохранения. Но это вовсе не значит, что глобализацию в целом можно остановить, повернуть вспять или управлять ею по чьему бы то ни было желанию. Она необратима и имеет свою

¹ Фаррел Г., Ньюман А. Остановит ли коронавирус глобализацию в привычном понимании? // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ostanovit-li-koronavirus-globalizacziyu-v-privychnom-ponimanii> (дата обращения: 10.08.2020).

логику развития. Иными словами, с тех пор, как после великих географических открытий человечество все больше становилось глобальным явлением (в буквальном смысле этого слова), переформатировать нарастающие глобальные процессы в региональные или локальные уже невозможно, аналогично тому, как невозможно, например, повернуть вспять взросление человека и вернуть его в детство.

Эпидемии и пандемии — спутники человечества

Но остается вполне закономерным вопрос о связи пандемии коронавируса с глобализацией. Есть ли такая связь, и если да, то какого она свойства и в чем проявляется? Вопрос вполне закономерный, поскольку многое на это указывает. Но, как уже отмечалось выше, не все, что кажется очевидным, таковым и является на самом деле. Как показывают приведенные выше выдержки из отдельных работ, не все просто и с пониманием взаимосвязи коронавируса и глобализации.

Начнем с того, что глобализация порождает, инициирует и обостряет различные проблемы такого же планетарного масштаба, которые именуются глобальными. Они называются так, поскольку соответствуют вполне определенным критериям глобальности и касаются различных сфер общественной жизни мирового сообщества [2, с. 228–232]. Это позволяет классифицировать такие проблемы по группам, в одну из которых входит проблема здравоохранения [2, с. 408–409]. Так вот, *коронавирус*, будучи одной из множества болезней, которыми болеет человек, стал составной частью общей глобальной проблемы — здравоохранения, когда это заболевание, очень быстро преодолев порог эпидемии, обрело глобальный масштаб и перешло в формат пандемии. Здесь важно уточнить два ключевых понятия: «эпидемия» и «пандемия».

Эпидемией именуют такую вспышку инфекционного заболевания, которая охватывает не менее 5% населения определенной страны или какой-то одной популяции. Эпидемии — неизменный и постоянный спутник человечества. Пандемия же определяется как такое заболевание, которое принимает массовый характер, поражая значительную часть населения нескольких сопредельных государств, а то и многих стран мира. С выходом человечества на региональный, а затем и глобальный уровень эпидемии получили возможность перерасти в региональные и глобальные пандемии. В мировой истории можно насчитать немало такого рода случаев, и современный коронавирус — только одна из разновидностей пандемии. Об особенностях и обусловленности современной напасти глобализацией скажем немного позже, а теперь посмотрим на разновидности и динамику только некоторых из такого рода заболеваний, унесших многие тысячи и даже миллионы человеческих жизней.

Так, археологические раскопки дают основание говорить о случаях эпидемий уже в глубокой древности. В частности, примерно 5 тыс. лет тому назад загадочная болезнь выкосила целый регион в Китае, где на северо-востоке страны археологи обнаружили несколько мест, в которых сохранились дома, буквально набитые скелетами. Имеются также сведения о доисторической эпидемии, имевшей место около 3000 г. до н. э. Более полную и достоверную информацию история сохранила о серии вспышек таких печально известных эпидемий, как оспа, холера, чума, тиф, дифтерия, корь, грипп, СПИД.

Что касается, например, оспы и холеры, то они были известны докторам с древних времен как высокозаразные инфекции, смертность от которых достигала более 40%. Первые эпидемии оспы, согласно летописям, были зафиксированы в Азии в период с IV по VIII в., когда население Китая и Кореи уменьшилось на четверть, а Японии — более чем на треть. В XVII–XVIII вв. оспа свирепствовала в Европе и России, унося до 1,5 млн чел. в год. Но еще большие беды приносили масштабные, периодически повторяющиеся вспышки чумы (Афинская чума — V в. до н. э.; чума Антонина — II в.; Юстинианова чума — VI в.; Черная смерть — XIV в.; пандемия чумы 1894 г., которая зародилась в Китае и Индии и распространялась затем в портовых городах)¹.

Еще одна напасть такого же свойства — пандемии гриппа, которые также периодически преследуют человечество. Самая массовая и смертельная из них за всю историю мирового развития разразилась

¹ Макнил У. Х. Эпидемии и народы // Россия в глобальной политике. № 3, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/epidemii-i-narody/> (дата обращения: 10.08.2020).

в 1918 г. Она получила известность как «испанка» (испанский грипп) и по современным оценкам унесла жизни от 70 до 100 млн чел. На то время это составляло около 5% населения земного шара; к тому же еще полмиллиарда человек было инфицировано. Вот как раз эта пандемия и стала первым случаем в истории человечества, когда проблема здравоохранения преодолела не только локальные, но и региональные границы и вышла на глобальный уровень.

Значит ли это, что все предыдущие пандемии не были глобальными? Да, это именно так. Дело в том, что до эпохи фундаментальной глобализации, берущей свое начало на рубеже XIX–XX вв. [2, с. 963–965], проблемы здравоохранения в целом и всевозможные пандемии, в частности, не выходили за пределы региональных масштабов. Сдерживающими факторами распространения любых болезней, в том числе и инфекций, до конца XIX в. были относительно незначительные контакты и небольшая скорость перемещения внушительных масс людей на дальние расстояния. Иными словами, умеренная миграция населения, а также пространственно ограниченные военные походы и баталии были важным фактором локализации эпидемий и пандемий в рамках тех или иных локальных или региональных территорий.

Однако ситуация принципиально изменилась с наступлением фундаментальной глобализации, которая характеризуется тем, что на рубеже XIX–XX вв. именно базовые сферы общественной жизни — экономика и политика — в полной мере становятся глобальным явлением. Экономические связи, политические контакты и отношения к этому времени окончательно обрели мировые очертания и все возрастающую мобильность. Научно-технический прогресс, давший людям поезда, пароходы, а затем автомобили и самолеты, неимоверно расширил возможности перемещения и непосредственного общения больших масс людей в масштабах планеты и в режиме реального времени. Первая мировая война и связанные с ней активные передвижения больших масс людей, равно как и военные столкновения многочисленных армий, также способствовали быстрому распространению появившейся в то время очередной инфекции, которую окрестили испанским гриппом. В итоге вирус распространился с такой беспрецедентной скоростью, что только за первые 30 недель его существования во всем мире погибло более 35 млн чел. А в целом с 1918 по 1919 г. испанка охватила около 550 млн чел., что составило почти одну треть (29,5%) мирового населения того времени. Таким образом, можно сказать, что именно с тех пор здравоохранение, как еще одна в общем-то никогда не терявшая свой актуальности, но до этого непременно территориально ограниченная проблема, стало еще одной из разряда глобальных проблем современности.

Особенности современной пандемии

Возвращаясь к пандемии COVID-19, важно подчеркнуть, что ее вспышка прилась уже на период многоаспектной глобализации, начавшейся со второй половины XX в. [2, с. 568–572]. Отличительной особенностью этого этапа развития глобализации является тот факт, что теперь уже практически не осталось ни одной сферы общественной жизни, прямо или косвенно не вовлеченной в глобальные процессы. Отсюда и та чрезвычайная, во многом шокирующая ситуация с коронавирусом, как и неординарная, на первый взгляд, достаточно жесткая реакция на нее властей всех уровней во всем мире.

Если сравнить современную пандемию с предыдущей, также глобального уровня, испанкой, то следует отметить существенно изменившиеся обстоятельства, в которых она протекает. Достаточно сказать, что за последние сто лет, разделяющие эти два события, мировое население выросло с 1,85 до 7,75 млрд чел., т. е. увеличилось более чем в четыре раза! При этом железные и автомобильные дороги за это время буквально плотной паутиной покрыли практически всю сушу планеты; быстроходные корабли всевозможных типов и размеров бороздят теперь практически все водные пространства: реки, озера, моря и океаны. А на место первых военных аэропланов прошлых лет пришли современные многочисленные гражданские воздушные лайнеры, за считанные часы перемещающие миллионы пассажиров во все уголки планеты.

Можно также провести мысленный эксперимент, чтобы показать масштаб произошедших перемен в период между первой и второй глобальными пандемиями. Так, если мысленно перенестись на

сотню лет назад и представить себе взгляд на нашу планету из иллюминатора космического корабля, то увидеть там можно было бы только темное пространство. А теперь, если посмотреть на сделанные из космоса современные ночные фотографии Земли, ее континенты абсолютно четко просматриваются. Практически вся суша планеты, за исключением пустынь и горных массивов, покрыта яркими огнями. Добавьте к этому практически не существовавшие сто лет тому назад несметные полчища туристов и отдыхающих, политиков и бизнесменов, которые непрерывно перемещаются по всему миру. А еще международные конференции, конгрессы, форумы, чемпионаты и спортивные соревнования, выставки, ярмарки, гастроли и т. д. и т. п. С этой точки зрения неимоверная скорость распространения коронавируса от Китая до Италии, США, России, Южной Африки или Бразилии, равно как и беспрецедентные реакции на пандемию властей во всем мире, становится вполне понятным. Разумеется, что на принятие столь радикальных и решительных мер повлияла и генетическая память о пережитой катастрофе столетней давности.

Но вот что практически не изменилось, так это то, что, как и прежде, каждая страна оказалась наедине перед лицом всеобщей опасности. И даже в, казалось бы, тесно интегрированном Европейском союзе ситуация выглядела не лучше. Как справедливо отмечает в этой связи Сунил Венаик: «Перед лицом глобального распространения коронавируса большинство национальных правительств действовали независимо друг от друга, а не в унисон. Как и в случае глобальных действий по борьбе с изменением климата, реакция стран на кризис в области здравоохранения была в значительной степени разрозненной, фрагментарной и во многих случаях смертельно неэффективной»¹.

Уроки и выводы

Прежде всего нужно понимать и учитывать то обстоятельство, что мы живем в условиях многоаспектной глобализации, которую не можем ни отменить, ни перенаправить в какое бы то ни было рационально заданное русло. И то, что формы проявления и характер протекания глобальных процессов в обществе, например в здравоохранении или природоохранной деятельности, в определенной мере зависят от соответствующей политики и поведения людей, нисколько не отменяет того, что в дальнейшем человечество больше не столкнется с подобными испытаниями. Более того, это вопрос времени. Причем дело не сводится к тому, что очередная эпидемия возникнет непременно естественным путем. Уже и теперь немало оснований говорить об искусственной природе современного коронавируса. Так, далеко не только в Ухане, но и во многих других аналогичных центрах мира действуют лаборатории, где проводятся медицинские, биологические, химические и т. п. опыты. К тому же об уровне их засекреченности остается только догадываться. И кто поручится, что там не будет создано биологическое или химическое оружие, которое преднамеренно или случайно не выйдет из-под контроля? В этой связи заслуживает внимания авторитетное мнение главы Национальной медицинской палаты РФ доктора Л. Рошала, который по поводу новой коронавирусной инфекции в интервью Forbes, в частности, сказал: «Когда я анализирую сложившуюся ситуацию, я понимаю, что это репетиция биологической войны»².

А разве угроза от множества других глобальных проблем, порожденных или обусловленных глобализацией, день ото дня становится меньше?! К сожалению, нет. Уже в 80-е гг. XX в. зарубежными и отечественными учеными было убедительно доказано, что накопленных в мире ядерных зарядов вполне достаточно, чтобы полностью уничтожить все мировое сообщество. В частности, концепция «ядерной зимы» как раз и является такого рода предупреждением. Но острота ее восприятия с тех пор ослабла, тогда как угроза использования ядерного оружия только усилилась. К тому же нельзя сбрасывать со счетов и другие средства массового поражения. Однако на этом список потенциальных потрясений для мирового сообщества не заканчивается. Так, по мнению многих авторитетных специалистов, уже в ближайшие десятилетия планета столкнется с глобальным кризисом, вызванным изменением климата. Эта

¹ Сунил Венаик. Коронавирус не убил глобализацию — это доказывает, почему она нам нужна [Электронный ресурс]. URL: <https://theconversation.com/coronavirus-hasnt-killed-globalisation-it-proves-why-we-need-it-135077> (дата обращения: 10.08.2020).

² Рошаль назвал пандемию коронавируса репетицией биологической войны (03.08.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9106435> (дата обращения: 10.08.2020).

тема все больше становится предметом и общественного внимания, о чем красноречиво говорит, в частности, высказывание основателя Microsoft Билла Гейтса, который написал в своем блоге: «Как бы ни была ужасна пандемия, изменения климата могут быть еще хуже»¹ [19].

Таким образом, основной урок, который следует из современной ситуации, состоит в том, что и отдельным странам, и человечеству в целом нужно со всей серьезностью и со знанием дела воспринимать современный глобальный мир, адекватно оценивая при этом свои далеко небезграничные возможности изменять его по своему желанию и усмотрению.

Другой вывод состоит в том, что великие географические открытия, давшие старт новой исторической эпохе — эпохе глобальных событий, связей и отношений, как раз и положили начало глобальным процессам в обществе, которые теперь в таком качестве всегда будут сопутствовать человечеству, пока оно будет сохранять статус планетарного явления. Отсюда, когда мы говорим о коронавирусной пандемии, важно иметь в виду, что наш разговор касается не любых глобальных процессов вообще, каковых (с учетом процессов в геосфере и биосфере) много, а тех, которые протекают в обществе. Причем таких, которые относятся к здравоохранению. Но, как показывает современная глобалистика, все глобальные процессы и связанные с ними проблемы тесно взаимосвязаны. Обострение одной из таких проблем прямо или косвенно усугубляет другие.

Отсюда вытекает, что, столкнувшись с пандемией коронавируса, человечество должно осознать не только колоссальную опасность этой болезни, но и то, что ему угрожает еще множество других не менее серьезных и вполне реальных опасностей. Вместе с тем, хотя мировое сообщество и ходит буквально по краю пропасти, опасную черту оно еще не переступило. Но тогда лучшее, что можно сделать в такой ситуации, — не терять оптимизма и искать приемлемые решения. А коронавирус как раз и заставляет по-новому посмотреть и на нас самих, и на глобальный мир, в котором мы живем.

В этой связи возникает вопрос: окажет ли коронавирус влияние на глобализацию и насколько сильно изменится мировой порядок после эпидемии? В буквальном смысле этого слова коронавирус на глобализацию непосредственного влияния не окажет уже хотя бы потому, что различные глобальные проблемы если не порождены глобальными процессами, то обусловлены ими. А пандемия коронавируса, как уже отмечалось выше, — это только одна из глобальных проблем человечества. Однако на поведение и взаимоотношения людей, на экономику и другие сферы общественной жизни, а в определенной мере и на глобальный мировой порядок эта пандемия, несомненно, повлияет. Мы уже и сейчас видим, как растет социальное, экономическое и политическое напряжение в обществе. Причем не только в отдельных странах, но и в мировом сообществе в целом.

Вполне очевидно, что закрытие национальных границ и практически полное прекращение международного транспортного сообщения на столь длительный срок, равно как и остановка многих производств, рост безработицы, значительное снижение жизненного уровня абсолютного большинства населения, ограничение гражданских прав и т. п. не останутся без серьезных последствий не только внутри отдельных государств, но и на международном уровне. Примером таких вполне заметных перемен, обусловленных коронавирусом, могут служить уже обозначившиеся в рамках Евросоюза разногласия, обиды и претензии отдельных стран касательно взаимодействия и взаимопомощи в преодолении пандемии. Такого же рода примером является и перерастание «торговой войны» между США и Китаем в комплекс более сложных противоречий, где пандемия, несомненно, играет роль катализатора. На это указывают и американские исследователи, отмечая, что «пока администрация Трампа использует пандемию для отказа от глобальной интеграции, КНР в условиях кризиса стремится демонстрировать готовность взять на себя лидерство. Китай первым попал под удар нового коронавируса и действительно серьезно пострадал за последние три месяца. Но теперь он начинает восстанавливаться, пока весь остальной мир охвачен болезнью»².

¹ Билл Гейтс предупредил о «катастрофе страшнее пандемии коронавируса» (06.08.2020) // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20200806/1575464242.html?utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange (дата обращения: 10.08.2020).

² Фаррел Г., Ньюман А. Остановит ли коронавирус глобализацию в привычном понимании? // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ostanovit-li-koronavirus-globalizacziyu-v-privychnom-ponimanii> (дата обращения: 10.08.2020).

Можно отметить множество и других аспектов общественной жизни, на которые серьезно повлияли предпринятые карантинные меры и самоизоляция. Так, обусловленная пандемией повышенная потребность в цифровых технологиях и усиление на этой основе государственного надзора за состоянием здоровья граждан таит в себе вполне серьезную опасность. Она заключается в том, что «критически важно провести четкое разграничение между благами, которые дает цифровизация, и угрозой появления „цифрового Большого Брата“, ограничения фундаментальных прав и свобод человека. Экономическая эффективность, которую несет цифровизация, не может быть куплена ценой „цифрового тоталитаризма“»¹. Несомненно и то, что образование, проведение научных мероприятий или осмотр музейных экспонатов в онлайн-формате и после преодоления пандемии, несомненно, будут активно использоваться, меняя в том числе конфигурацию международных связей и отношений.

Перечень вероятных перемен, вызванных коронавирусом, может быть продолжен, но одно несомненно — всю глубину и конкретные детали грядущих перемен абсолютно точно и беспристрастно покажет только время [5, с. 3–24]. А вот что можем и должны делать мы, так это быть готовыми к таким переменам. Они не будут проходить гладко. Но мы не должны усугублять и без того сложное положение. В такой ситуации, которая во многом характеризуется неопределенностью, главное — на всех уровнях не делать резких, непродуманных шагов, искать совместные решения и идти на компромиссы. Наша планета стала слишком «маленькой» для более чем 7,5 млрд ее жителей, и, как показывают события, аналогичные последним социальным беспорядкам в США, одно необдуманное действие может породить цепную реакцию масштабных разрушительных последствий. Иными словами, речь идет о политике прагматизма, политике «малых шагов» в направлении к совместному проживанию на нашей общей для всех планете. В современном взаимозависимом глобальном мире такая стратегия и тактика поведения явно предпочтительнее любых быстрых и радикальных решений или стремления к «выживанию поодиночке».

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М. : Прогресс-Традиция, 2001.
2. Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. — СПб. — Н.-Й. : ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.
3. Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М. : Кнорус, 2016.
4. Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : ОАО Издательство «Радуга», 2003.
5. Гринин Л. Е. Взгляд в будущее: прогнозы на XXI столетие // Век глобализации. № 3 (31), 2019. С. 3–24.
6. Печчеи А. Человеческие качества. М., Прогресс, 1980.
7. Пряхин В. Ф. О воздействии пандемии COVID-19 на процессы глобализации // Вопросы политологии. Т. 10. № 5 (57), 2020. С. 1473–1480.
8. Стычинский М. С. Культурно-философский анализ процессов культурогенеза в условиях глокализации // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 5. С. 313–323.
9. Сухина И. Г. Массовая культура как глобализационный феномен // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4. С. 260–272.
10. Чумаков А. Н. Глобализация. Контур целостного мира : монография. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.
11. Encyclopedia of Global Studies / Editors Helmut K. Anheier, Mark Juergensmeyer. SAGE Publications, Inc. California, USA, 2012.
12. Global Studies Encyclopedic Dictionary. Edited by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour and William C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions Rodopi B. V., Amsterdam / New York, NY, 2014.

¹ Медведев Д. Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. № 4, 2020 URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezopasnost-v-period-pandemii/> (дата обращения: 10.08.2020).

Об авторах:

Чумаков Александр Николаевич, профессор факультета Глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), доктор философских наук, приглашенный профессор Линк кампус университета (Рим, Италия); chumakov5@yandex.ru

Юрченко Павел Сергеевич, бакалавр факультета Глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); bretonz68@gmail.com

References

1. Bek U. Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma — otvety na globalizatsiyu. M. : Progress-Traditsiya, 2001.
2. Globalistika: Mezhdunarodnyi mezhdistsiplinarnyi entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red.: I. I. Mazur, A. N. Chumakov. M. — SPb. — N.-I. : ITS «ELIMA», ID «Piter», 2006.
3. Globalistika. Personalii, organizatsii, trudy. Entsiklopedicheskii spravochnik / Gl. red., sost. I. V. Il'in, I. I. Mazur, A. N. Chumakov. 2-e izd., ster. M. : Knorus, 2016.
4. Globalistika: Entsiklopediya / Gl. red. I. I. Mazur, A. N. Chumakov; Tsentr nauchnykh i prikladnykh programm «Dialog». M. : OAO Izdatel'stvo «Raduga», 2003.
5. Grinin L. E. Vzgl'yad v budushchee: prognozy na XXI stoletie // Vek globalizatsii. № 3 (31), 2019. S. 3–24.
6. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. M., Progress, 1980.
7. Pryakhin V. F. O vozdeistvii pandemii COVID-19 na protsessy globalizatsii // Voprosy politologii. T. 10. № 5 (57), 2020. S. 1473–1480.
8. Stychinskii M. S. Kul'turno-filosofskii analiz protsessov kul'turogeneza v usloviyakh glokalizatsii // Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2019. T. 8. № 5. S. 313–323.
9. Sukhina I. G. Massovaya kul'tura kak globalizatsionnyi fenomen // Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2018. T. 7. № 4. S. 260–272.
10. Chumakov A. N. Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira : monografiya. 3-e izd., pererab. i dop. M. : Prospekt, 2017.
11. Encyclopedia of Global Studies / Editors Helmut K. Anheier, Mark Juergensmeyer. SAGE Publications, Inc. California, USA, 2012.
12. Global Studies Encyclopedic Dictionary. Edited by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour and William C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions Rodopi B. V., Amsterdam / New York, NY, 2014.

About the authors:

Alexander N. Chumakov, Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Moscow State University named after M. V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation), Visiting Professor at Link Campus University (Rome, Italy); chumakov5@yandex.ru

Pavel S. Yurchenko, Bachelor of the Faculty of Global Processes, Moscow State University named after M. V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation); bretonz68@gmail.com

30.06.2020

В Калининграде открыли англоязычную магистратуру права ЕАЭС

Москва, 30 июня — РИА Новости. Новая англоязычная магистерская программа открывается в юридическом институте Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (БФУ им. Канта), сообщила пресс-служба вуза. Магистерская англоязычная программа «Российское право и право ЕАЭС» (Евразийского экономического союза) начнет свою работу в новом учебном году.

«Программа рассчитана на достаточно широкую аудиторию. Во-первых, это иностранные студенты, которые хотят получить в России образование по российскому праву и по праву ЕАЭС. Во-вторых, это российские студенты, которым интересно получить образование на английском языке», — прокомментировал руководитель программы, исполнительный директор Международной академии права, профессор БФУ им. Канта Вадим Войников. По его словам, вуз также ждет студентов из разных стран, в том числе из ближнего зарубежья. Все выпускники получают диплом государственного образца. «Наши зарубежные партнеры проявляют очень большой интерес к российскому праву и к праву ЕАЭС. Это „фишка“ нашей программы. Сегодня не так много вузов предлагают образовательные программы по праву Евразийского экономического союза. Это новая, но очень динамично развивающаяся организация», — подчеркнул профессор.

Спикер отметил, что программа построена по модульной системе. Это даст возможность студентам из партнерских вузов прослушать некоторые курсы в рамках модуля. В первом семестре будут прочитаны общенаучные дисциплины, во втором — основные профильные. «Новая программа расширяет возможности для иностранных студентов, участвующих в международном обмене. Таким образом, мы сможем привлечь на семестровое обучение иностранных студентов, которые интересуются основами российского права и права ЕАЭС. Полученные профессиональные компетенции они смогут использовать в своей деятельности», — объяснил Вадим Войников.

У выпускников новой программы, по словам специалиста, будут достаточно широкие возможности для трудоустройства. «Это международные организации, государственные и частные российские компании, которые активно работают во внешнеэкономической сфере и взаимодействуют с партнерами из стран, входящих в ЕАЭС, а также со странами Европейского союза. И конечно же, организации, находящиеся в дальнем и ближнем зарубежье, которые тоже постоянно сталкиваются с вопросами применения права в России или с правом ЕАЭС», — рассказал эксперт. Дистанционный формат, по словам Вадима Войникова, частично будут использовать в программе. Некоторые курсы с учетом текущей ситуации и нового тренда студенты изучат дистанционно. «Но основную часть дисциплин мы бы хотели провести очно», — рассказал профессор.

Эксперт отметил, что совместно с ведущими российскими вузами БФУ им. Канта планирует использовать различные инструменты сетевого взаимодействия, в том числе с использованием дистанционных форм обучения. Это даст возможность значительно расширить и преподавательский состав, и студенческую аудиторию. «В рамках некоторых курсов и отдельных лекций будут преподавать практикующие работники органов государственной власти России, суда Евразийского экономического союза и других международных организаций, которых мы планируем привлечь», — рассказал Вадим Войников. Преподавать также будут сотрудники БФУ им. Канта, владеющие английским языком, специалисты ведущих российских вузов и преподаватели университетов Польши и Германии, с которыми активно взаимодействует учебное заведение.

Источник: <https://na.ria.ru/20200630/1573620223.html> 30.06.2020

30.06.2020

ЦБ изъяс из экономики более 13 трлн руб.: Глазьев продолжил «крестовый поход» против Набиуллиной

Академик РАН Сергей Глазьев стал главным докладчиком в ходе традиционного Московского экономического форума (МЭФ), который состоялся накануне, 30 июня. Говорил экономист о стагнации экономики России, называя виновных в происходящем. В том числе Глазьев напомнил, что ЦБ изъяс из экономики страны более 13 трлн руб. Таким образом, академик РАН продолжил «крестовый поход» против Эльвиры Набиуллиной.

Темой форума заявили мировые изменения под прессом COVID-19. Меняется и психологическое, и социальное, и экономическое состояние всех стран мира. И Россия не исключение. Однако в нашем случае есть еще и шлейф неправильных решений Центробанка России, о чем пишет «МК» со ссылкой на академика РАН, действующего члена коллегии по основным направлениям интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии Сергея Глазьева.

Спикер напомнил, что в России продолжает существовать проблема «чрезмерной волатильности курса рубля». Избавиться от нее не удалось в 2009 г., а затем и на рубеже 2014 и 2015 гг. По масштабу девальвации национальной валюты Россия лидирует среди всех добывающих нефть стран в мире. Ситуация не меняется из-за проблемной политики Центробанка, подчеркнул Глазьев. Журналисты отметили, что академик РАН продолжает свой «крестовый поход» против главы регулятора Эльвиры Набиуллиной.

С одной стороны, Центробанк отправил курс рубля в свободное плавание. А с другой, к власти на российском финансовом рынке пришли спекулянты, более того, 70% из них вовсе не резиденты России, напомнил Глазьев.

«Это, прежде всего, американские хеджфонды, которые, несмотря на санкции, продолжают раскручивать наш рынок», — пояснил академик РАН. Сергей Глазьев напомнил, что в течение 15 лет Центробанк изъяс из экономики России 13 трлн руб. и даже больше. Подобные изъятия стали возможны за счет повышения процентной ставки, а также посредством облигаций и депозитов. Глазьев уверен, что теперь ЦБ должен вернуть эти деньги в реальный сектор экономики, таким образом, предприятия смогут получать кредиты.

Источник: https://tsargrad.tv/news/cb-izjal-iz-jekonomiki-bolee-13-trln-rublej-glazev-prodolzhil-krestovyj-pohod-protiv-nabiullinoj_263933 01.07.2020

09.07.2020

ЕАЭС — большое историческое достижение и перспектива

9 июля на площадке МИА «Россия сегодня» состоялась видеоконференция **«Евразийский союз: от идеи — к субъектности, от субъектности — к эффективности»**, инициированная политологическим центром «Север — Юг». Участники обсудили приоритетные направления деятельности Евразийского экономического союза с учетом среднесрочных и долгосрочных тенденций, складывающихся под влиянием глобальных процессов.

Координатор экспертной платформы «Большая Евразия» Сергей Масаулов: Пандемия коронавируса еще раз «вскрыла» важную вещь: глобализация в том виде, в котором ее идеологически предлагали и навязывали, не состоялась. Мир распадается на крупные макрорегионы. Это реальная тенденция. И здесь вопрос: куда денутся страны, с которыми мы граничим? Они будут куда-то тяготеть. То, что существует уже некое ядро — Евразийский экономический союз, — большое историческое достижение и историческая перспектива. Какие еще есть варианты? С выходом Великобритании из Евросоюза начал формироваться англо-саксонский мир. Есть мир условно китайский — все, что Китай будет вовлекать в свои мегапроекты. Куда-то нужно будет идти Евросоюзу, где сегодня наблюдаются противоречивые тенденции. И вот здесь возникает очень важная вещь — то, что имел в виду Нурсултан Назарбаев, когда говорил о создании Евразийского союза. Ведь фактически, если брать философски и глубинно, речь шла о формировании крупного, действительного, настоящего объединения, которое будет равновелико всем остальным. И в этом плане речь идет о том, что как минимум на севере Евразии формируется очень крупное объединение. Очень может быть, что в будущем у него будут очень широкие связи с Европой и на восточном направлении. Не исключаю, что близко к этому объединению окажутся Япония и Корея. И в этом плане все предложения Назарбаева, которые прозвучали в МГУ в 1994 г., оказались, если говорить «высоким стилем», пророческими. Его предложение оказалось чрезвычайно важным и перспективным.

Председатель партии «Во имя социальной справедливости», эксперт клуба «Глас народа» Арман Гукасян: По итогам 2019 г. рост экономики Армении составил 9,4%. В основном за счет того, что готовая продукция была выведена на рынки ЕАЭС. Поток туристов составил более миллиона человек. Более 40% — это туристы из Российской Федерации. 51% прямых иностранных инвестиций пришли к нам также из России. И в целом нужно отметить, что все скептические прогнозы, которые пять лет назад были вокруг Евразийского экономического союза, не оправдались. В любом случае Армения чувствует себя стабильно в ЕАЭС. Пандемия негативно отразилась на всех странах мира, но все скептические прогнозы о том, что Армения сделала неправильный выбор, время показало, что это не так. Конечно, это был политический выбор в пользу той или иной интеграции. Но Армения сделала его в ту сторону, где существуют жизненно важные интересы. А жизненно важные интересы, мы должны понимать, что это и фактор Российской Федерации. Учитывая двусторонние отношения, учитывая в целом регион и геополитические реалии, я бы не хотел, чтобы мы рассматривали ЕАЭС просто как экономическую интеграцию. Понятно, что это экономический союз, и более глубокие формы интеграции пока не существуют. Все это еще в будущем, потому что без этого никак. Это другая сторона вопроса. Но все равно, если рассматривать союз как экономическую интеграцию, то и в ней все происходит с учетом политических интересов, с учетом вопросов безопасности и т. д. Поэтому я не стал бы разграничивать это все. И нужно учитывать эти факторы обязательно. С учетом новых реалий и вызовов, думаю, более глубокие формы интеграции в рамках ЕАЭС не будут иметь альтернативы.

Президент Общественного фонда «Мир Евразии» Эдуард Полетаев: Если проанализировать выступление Н. Назарбаева в 1994 г. в МГУ им. Ломоносова, несложно понять, что речь шла о создании конфедеративного союза государств. То есть подразумевалась и политическая, и экономическая, и военная интеграция, общее таможенное, культурное, гуманитарное пространство. Когда же, спустя многие годы, мы подошли к созданию Евразийского экономического союза, оказалось, что за скобки были вынесены очень многие вещи, касающиеся интеграции и ряда наднациональных органов.

На постсоветском пространстве все эти 30 лет шли процессы как интеграции, так и дезинтеграции.

В Казахстане евразийская идея во многом возникла в связи с поиском новой идентичности после развала Советского Союза. И в Казахстане этот поиск идентичности как раз опирается на понятие «Евразия».

Директор киргизского Центра перспективных исследований Геннадий Карабанов: Я считаю, что создание Евразийского экономического союза и присоединение к нему Кыргызстана — большой положительный момент. И хотел бы выразить особую признательность Первому президенту Республики Казахстан Нурсултану Назарбаеву, чей юбилей недавно отмечался всем союзом, который, глубоко понимая и анализируя тесное взаимопроникновение экономики республик бывшего СССР, их общую культурно-историческую основу, предложил проект, доказавший жизнеспособность в долгосрочной перспективе. Он позволил не утратить окончательно тот потенциал, который был заложен экономикой прошлого, и сделать прорыв в экономику будущего.

Сопредседатель Клуба региональных экспертов «Пикир» (Бишкек) Игорь Шестаков: Евразийский экономический союз — это интеграционное наследие Нурсултана Назарбаева — государственного деятеля, который начинал свою карьеру еще в советские времена и прекрасно понимал, что те связи и те процессы, которые нас объединяли в прошлом, могут оставаться актуальными в XXI в. Несомненно, как государственный он все эти вещи предвидел. Для Кыргызстана это особенно важно, потому что основными нашими торговыми партнерами во все времена были и остаются Россия и Казахстан. Интеграционные прогнозы Назарбаева сбылись. И независимо от того, как будет складываться развитие событий в рамках Евразийского экономического союза, исторические связи никуда не денутся, и разорвать их невозможно. Символично, что в нынешний сложный период наблюдателем в Евразийском экономическом союзе стал Узбекистан. Шавкат Мирзиёев — модернизатор своей страны, четко просчитал, куда могут быть направлены основные товарные потоки, где можно получить максимальные выгоды от экономического взаимодействия. Я полагаю, что включение в интеграцию крупнейшей экономики Центральной Азии открывает новые возможности для Евразийского экономического союза, невзирая на мировые кризисы и катаклизмы.

*Источник: <https://ia-centr.ru/publications/eaes-bolshoe-istoricheskoe-dostizhenie-i-perspektiva/>
© ИАЦ МГУ*

Прим. редактора: Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве был образован в 2006 г. при кафедре истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Основные направления деятельности центра: политическая и экономическая история стран СНГ и Балтии (кон. 1980-х гг. XX в. — начало XXI в.), взаимоотношения России со странами СНГ, межгосударственные экономические проекты и др.

Информационно-аналитический портал ИАЦ — ia-centr.ru, e-mail: info@ia-centr.ru

30.07.2020

ЕАЭС: новые барьеры возникают быстрее, чем устраняются старые

Татьяна Маненок

Беларусь пытается по максимуму использовать свое председательство в ЕАЭС для снятия барьеров во взаимной торговле, чтобы белорусские предприятия могли беспрепятственно поставлять свою продукцию на рынок союза, прежде всего в Россию. Однако сделать прорыв в этом направлении Минск не в состоянии, несмотря на огромное желание и усердие.

Союзники ожидают от председательства Минска «прорыва»

Беларусь приняла председательство в ЕАЭС в 2020 г. Минск заранее объявил, что центральной повесткой белорусского председательства будет решительная борьба с торговыми барьерами и ограничениями. Министр по промышленности и агропромышленному комплексу ЕЭК Александр Субботин еще в конце 2019 г. заявил, что от председательства Беларуси партнеры по союзу ожидают прорыва, так как Беларусь, по их словам, «всегда пытается улучшить даже то, что уже хорошо работает». Воевать с препятствиями во взаимной торговле в ЕАЭС начали с момента основания союза, однако выиграть эту войну никак не удастся. В свое время Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) разработала дорожную карту по устранению ограничений и изъятий из так называемой «Белой книги», реестр препятствий ЕАЭС. Но, как свидетельствуют данные ЕЭК, этот реестр с каждым годом не уменьшается, а увеличивается.

Таблица

**Динамика изменения количества препятствий
в реестре препятствий на внутреннем рынке Союза**

	03.03.2017	01.01.2018	01.01.2019
Барьеры	9	11	16
Ограничения	34	37	38
Изъятия	17	17	17
Всего (реестр)	60	65	71

В апреле 2019 г. тему снятия барьеров на внутреннем евразийском рынке активно обсуждали премьер-министры на заседании межправсовета ЕАЭС. Тогда они были полны решимости в трехмесячный срок принять меры по их устранению. На заседании Высшего Евразийского экономического совета в Ереване в октябре 2019 г. на всех уровнях звучали заявления о том, что пора, наконец, покончить с ограничениями в торговле. Однако, несмотря на все усилия евразийских чиновников, новые ограничения в ЕАЭС появляются быстрее, чем устраняются старые. Если на январь 2018 г. в реестре насчитывалось 65 препятствий, то на январь 2019 г. — уже 71. Среди них 16 барьеров, то есть прямых нарушений норм ЕАЭС, 17 изъятий, которые характеризуются узаконенностью отступлений от общих правил, и 38 ограничений, которые обусловлены отсутствием общей нормативной базы. Лидером по количеству преград является Россия, которая установила 55 препятствий. На второй позиции — Казахстан, у которого насчитывается 51 препятствие. Беларусь установила 47 ограничений, а Кыргызстан и Армения — по 46. В ЕАЭС препятствия зафиксированы в 15 сферах. Больше всего проблемных вопросов возникает в сфере технического регулирования (17 препятствий), транспортной сфере (6 препятствий) и в сфере энергетической политики (13 препятствий).

После заседания Межправительственного совета ЕАЭС премьер-министр Беларуси Сергей Румас в феврале 2020 г. пояснил журналистам, это количество препятствий во взаимной торговле евразийских союзников растет не из-за того, что страны вводят новые барьеры, а потому, что Коллегия ЕЭК «все глубже погружается в работу национальных экономик и выявляет новые барьеры и ограничения, препятствующие внутренней торговле». Что делать с этими барьерами? «Звучат предложения о том, чтобы их взять и разменять “все на все”, то есть всем пакетом установить график по этим ограничениям и двигаться по нему. Это сложный вопрос, и там есть разные ограничения по весу, срокам, влиянию на экономику, вместе с тем по этому пути надо двигаться. Первое поручение новому председателю Коллегии из Беларуси — проработать со всеми странами и получить страновую позицию: готовы ли все страны взять и решить проблему всем пакетом», — заявил Румас. Однако практика показала, что эта революционная белорусская инициатива канула в Лету. Более того, новые ограничения и препятствия в ЕАЭС не заставили себя ждать.

РФ инициирует новые ограничения, ЕЭК сопротивляется

Основной темой повестки заседания Евразийского межправительственного совета, которое впервые в этом году прошло в очном режиме в Минске 17 июля, снова стало устранение торговых барьеров на евразийском рынке. Примерно за неделю до этого заседания министр по внутренним рынкам, информатизации, информационно-коммуникационным технологиям ЕЭК Гегам Варданян на заседании Коллегии ЕЭК представил отчет об итогах мониторинга реализации дорожной карты по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке ЕАЭС за 2018–2019 гг. Она предполагала устранение 17 препятствий — двух изъятий и 15 ограничений, однако за это время удалось устранить всего 6 препятствий. Более того, в канун очередного заседания межправсовета союзникам по евразийской интеграции пришлось спешно решать новую проблему. В апреле 2020 г. Правительство РФ поручило Минсельхозу, Минэкономразвития, Россельхознадзору и Минпромторгу разработать меры, позволяющие не допустить санкционные продукты на российский рынок через ЕАЭС. В мае 2020 г. Министерство сельского хозяйства РФ направило письмо в правительство с предложением усилить контроль продовольственного экспорта в страны ЕАЭС и внести для этого необходимые изменения в договор о создании ЕАЭС. В частности, Минсельхоз предложил внести в договор о создании ЕАЭС изменения, которые предусмотрят дополнительные основания для временных карантинных мер. Такое изменение позволит странам ЕАЭС вводить дополнительные временные меры, если у них возникнет недоверие к системе контроля другого государства союза. Также министерство предложило проводить аудиты системы контроля за поставками продукции и инспекции предприятий по производству, хранению и транспортировке растениеводческой продукции. Кроме того, предложило оформлять фитосанитарные сертификаты при торговле в ЕАЭС в электронном виде, чтобы исключить возможность фальсификации сертификатов на грузы. Ранее Россельхознадзор неоднократно сообщал о поставках плодоовощной продукции из Беларуси с недостоверными данными о происхождении, что, по мнению службы, ставит под сомнение доверие к сертификации.

Поскольку в соответствии с договором о создании ЕАЭС продукция по территории союза перемещается свободно, без таможенного декларирования и государственного контроля, инициатива России об ограничении поставок из Беларуси будет означать нарушение международных обязательств и действующего права ЕАЭС, российское ведомство предложило внести необходимые изменения в договор о создании ЕАЭС. Кроме того, в начале июня 2020 г. Правительство РФ внесло в Госдуму РФ законопроекты, согласно которым РФ планирует установить лимит на долю госзакупок товаров и услуг из стран ЕАЭС. Согласно этим законопроектам правительство будет определять минимальную долю закупок государственными и муниципальными заказчиками товаров (работ, услуг), произведенных в государствах — членах ЕАЭС. Аналогичное право правительству предоставляется и в отношении закупок госкорпораций, госкомпаний, субъектов естественных монополий и некоторых других юрлиц. Согласно аргументации российского правительства, это позволит ориентировать заказчиков «на преимущественную закупку

отечественной продукции, что положительным образом будет влиять на темпы роста потребления такой продукции, в том числе высокотехнологической».

30 апреля 2020 г. правительство России приняло постановление № 616, в котором фактически ограничен доступ промышленных товаров из Беларуси, Казахстана и других государств на рынок РФ. Согласно ему поставщик из государства ЕАЭС может принять участие в закупках в России только после включения товара в реестр евразийской промышленной продукции. В свою очередь, в этот реестр товары из стран ЕАЭС могут быть включены лишь в случае соответствия действующим в РФ нормативным требованиям к промышленной продукции. Эти инициативы вызвали обеспокоенность у партнеров по ЕАЭС. На этот раз Беларусь и Казахстан объединили свои усилия, чтобы воспрепятствовать этой инициативе РФ. Этот вопрос был одним из ключевых в повестке евразийского межправсовета 17 июля в Минске. «Там была введена норма, что достаточно большой объем добавленной стоимости в товаре, который поступает на рынок, должен быть создан в России. Мы договорились, что будет засчитываться в локализацию или в добавленную стоимость не только то, что создано в России, но и в других государствах ЕАЭС. Я считаю, что это очень хорошее решение», — рассказал председатель коллегии ЕЭК Михаил Мясникович по итогам заседания межправсовета в Минске.

Межправсовет ЕАЭС принял распоряжение, в котором содержится рекомендация Правительству РФ изменить подход к определению страны происхождения товара при осуществлении госзакупок. В частности, предложено включать в евразийский реестр продукцию государств-членов на основе актов экспертизы, выданных торгово-промышленными палатами стран ЕАЭС с учетом признания эквивалентности понятий «российский товар», «технологическая операция, совершенная на территории РФ» и понятий «товар, происходящий из государства — члена Евразийского экономического союза», «технологическая операция, совершенная на территории государства — члена Евразийского экономического союза». Такой механизм предложено использовать до 31 декабря 2020 г. При этом ЕЭК до конца 2020 г. должна разработать и принять правила ведения Реестра евразийской промышленной продукции, а также Порядок подтверждения страны происхождения товара на территории ЕАЭС для целей государственных (муниципальных) закупок.

Урегулированием разногласий в ЕАЭС займется оперативный штаб

Евразийские чиновники неоднократно заявляли, что для устранения барьеров на внутреннем рынке ЕАЭС требуются новые инструменты. Для этого ЕЭК сейчас предлагает создать оперативный штаб — рабочую группу высокого уровня для урегулирования разногласий и решения спорных вопросов перемещения товаров через границы стран ЕАЭС. Ситуация на границах остается сложной, поэтому действовать нужно решительно, отмечают в ЕЭК. «Мероприятия “дорожной карты” (по устранению препятствий в ЕАЭС — *примеч. ред.*) необходимо разбить на два этапа: первоочередные меры, которые должны быть выполнены уже сейчас, и меры на среднесрочную перспективу. Оперативный комитет позволит нам выработать быстрые решения и снимать многие проблемные вопросы в режиме реального времени», — подчеркнул в этой связи председатель коллегии ЕЭК Михаил Мясникович.

«Прорыва» не будет

Чтобы бороться не со следствием, а с причинами, в своей программе председательствования в ЕАЭС Беларусь предлагает создать системные механизмы в работе с барьерами, изъятиями и ограничениями. «Первое предложение: мы должны строить работу по устранению барьеров на внутренних рынках на неконсенсусных механизмах. Сегодня объективно получается, что страна — инициатор ограничительной меры будет доказывать, что введение ею ограничения правомерно, и блокировать принятие иных решений. Наше предложение — передать рассмотрение этих вопросов на Коллегию (ЕЭК — *примеч. ред.*), где специалисты должны глубоко погружаться в эти вопросы и обязывать страну устранять эти барьеры», — пояснял ранее экс-премьер Беларуси Сергей Румас. Также предлагается вынести на

обсуждение стран — участниц ЕАЭС новую норму, по которой то государство, которое не согласно с решением Коллегии об устранении барьера, само должно доказывать в Суде ЕАЭС неправильность решения Коллегии.

Главное препятствие на пути экономической интеграции в ЕАЭС — национальные интересы. Ни одна страна евразийской «пятерки» на сегодняшний день не готова поступиться собственными интересами ради общеевразийских. Логичным решением в такой ситуации мог бы стать мораторий на принятие в каждой из стран ЕАЭС новых нормативно-правовых актов, создающих препятствия для торговли на евразийском рынке. Однако он не сработает, так как в ЕАЭС нет юридической ответственности за нарушение права Союза и, таким образом, за появление новых барьеров. Этот замкнутый круг в ЕАЭС не удастся разорвать, несмотря на усилия председательствующей в евразийской «пятерке» Беларуси.

Источник: <https://udf.by/news/politic/216100-eajes-novye-barery-voznikajut-bystree-chem-ustranjajutsja-starye.html> 30.07.2020

30.07.2020

Торопиться не надо: начальник Таможенной службы высказался по вопросу вступления Таджикистана в ЕАЭС

Avesta.Tj | 30.07.2020 Начальник Таможенной службы Таджикистана Хуршед Каримзода на встрече с журналистами 30 июля в Душанбе поделился своим видением вопроса о вступлении или нет Таджикистана в Таможенный союз. Данную тему глава Таможенной службы затронул, отвечая на вопрос, касающийся слухов, что Таджикистан может вступить в Таможенный союз перед президентскими выборами.

«На этот вопрос я выскажу свое личное мнение, мнение специалиста, а не официальное. Таможенный орган является фискальным органом, то есть наше ведомство не определяет политику государства на уровне мировой экономики», — отметил Хуршед Каримзода.

Он отметил, что часто вопрос о вхождении в Таможенный союз почему-то связывают напрямую с таможенной структурой. «Вы изучите и поймете, что Таможенный союз не только состоит из таможенных вопросов, наоборот, таможенные вопросы не имеют такого большого значения, как приписывается. Есть более широкоформатный Евразийский экономический союз, в структуре которого и действует Таможенный союз, и таможенные вопросы занимают лишь малую толику в ЕАЭС», — подчеркнул глава Таможенной службы. Главной задачей ЕАЭС является образование единого бюджета стран, входящих в данную организацию. «Также ЕАЭС рассматривает как основные направления сотрудничества денежно-кредитную, налоговую и бюджетную политику, единое техническое регламентирование, единые стандарты и так далее», — пояснил Хуршед Каримзода. По его словам, это, прежде всего экономический союз, деятельность которого изучается соответствующими ведомствами, в частности министерством экономического развития и торговли.

«Может быть, придет время, наступит необходимость, и мы вступим в этот союз, но и сейчас мы имеем тесные экономические контакты со всеми странами — членами ЕАЭС и Таможенного союза», — констатировал начальник Таможенной службы страны. «Прежде чем вступать в какое-либо объединение или союз, нужно тщательно изучить все положительные и отрицательные моменты. Одним из пунктов ЕАЭС является то, что импорт и экспорт товаров между странами — членами союза освобождаются от таможенных пошлин, а мы знаем, что значительная часть бюджета нашей республики пополняется за счет таможенных пошлин, и терять этот источник было бы нецелесообразным», — закрыл тему Хуршед Каримзода.

Источник: <http://avesta.tj/2020/07/30/toropitsya-ne-nado-nachalnik-tamozhennoj-sluzhby-vyskazalsya-po-voprosu-vstupleniya-tadzhikistana-v-eaes/> 30.07.2020

31.07.2020

Михаил Мясникович: «Экономики государств ЕАЭС способны адаптироваться к серьезным мировым вызовам»

Об этом заявил Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Михаил Мясникович на пленарной сессии международной инвестиционной онлайн-конференции «От восстановления к устойчивому росту» 31 июля 2020 г.

Как подчеркнул Михаил Мясникович, 2020 г. стал настоящим вызовом в обеспечении устойчивого развития экономик государств Евразийского экономического союза. Вместе с тем ситуацию нельзя назвать критической, восстановление после пандемии открывает новые возможности.

«Безусловно, проблемы есть, но критической ситуации, особенно в отраслях материального производства, нет. Это говорит о том, что экономики стран ЕАЭС достаточно серьезно продвинулись в своем развитии и способны адаптироваться к мировым вызовам. По итогам пяти месяцев текущего года внешний товарооборот ЕАЭС упал на 16,2%, до 246,7 млрд долл., но это в основном фактор нефти. Что касается взаимной торговли, она сократилась на 15%, до 19,6 млрд долл., но сейчас мы уже наблюдаем достаточно существенный подъем. Это говорит об экономической стабильности и надежности кооперационных связей в рамках ЕАЭС», — сообщил Михаил Мясникович.

Он добавил, что производство продукции сельского хозяйства выросло от 1,3% (Кыргызстан) до 4,1% (Армения, Беларусь), а в целом по Союзу — на 3%. Вместе с тем в государствах-членах не произошло существенного роста инфляции.

Глава Коллегии ЕЭК заявил о необходимости создания в ЕАЭС новых высококонкурентных производств, способных как обеспечивать потребности внутреннего рынка, так и привлекать внешних партнеров. В настоящее время, по его словам, в Союзе намечается реализация целого ряда инвестиционных проектов, которые представляют собой новые тренды в развитии Союза и могут стать своего рода точкой невозврата в развитии интеграции. Это цифровая повестка, проекты в сфере строительства, сельского хозяйства, химической промышленности, совместное производство готовых лекарственных препаратов.

«Мы уделяем большое внимание вопросам создания технологических цепочек. Если раньше экономики в рамках программ импортозамещения замыкались на собственные возможности, то сейчас мы говорим о том, чтобы локализация учитывалась независимо от того, в какой стране создана добавочная стоимость. Это открывает возможности для формирования рынка евразийских товаров», — сказал Михаил Мясникович.

Несмотря на намечающиеся тенденции обособленности в мировом экономическом развитии, была подчеркнута важность конструктивного международного взаимодействия, отмечены перспективные направления работы, в том числе по линии сотрудничества ЕЭК с Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

В онлайн-конференции приняли участие представители 42 стран, ее организовало Национальное агентство инвестиций и приватизации Республики Беларусь при поддержке ЮНКТАД. В рамках конференции также выступили заместитель премьер-министра Республики Беларусь, Председатель Совета ЕЭК Игорь Петришенко, представители Всемирного экономического форума, ЮНКТАД, экспертного и бизнес-сообщества.

Источник: <http://eurasianews.md/eurasia/mihail-myasnikovich-ekonomiki-gosudarstv-eaes-sposobny-adaptirovatsya-k-sereznyim-mirovym-vyzovam.htm> 31.07.2020

Безработица в России выросла до максимума за восемь лет

Число безработных в мае возросло до 4,5 млн россиян, или 6,1% всей рабочей силы, следует из оценки Росстата. Это максимум с 2012 г.

С начала пандемического кризиса безработными стали свыше 1 млн россиян. Число безработных россиян в мае достигло 4,513 млн чел., что на 227 тыс. больше, чем в апреле (4,286 млн чел.), следует из оценки Росстата с использованием предварительных итогов выборочного обследования рабочей силы в соответствии с методологией Международной организации труда. Уровень безработицы в мае составил 6,1% от рабочей силы после 5,8% в апреле 2020 г., что является максимальным значением с марта 2012 г. (тогда уровень безработицы достигал 6,3%). В марте 2020 г. в России было 3,485 млн безработных, за апрель и май их число возросло более чем на 1 млн чел. Рост числа безработных в мае 2020 г. в годовом выражении (то есть к маю 2019 г.) составил 32,7%, а по сравнению с апрелем 2020 г. — 5,3%, следует из данных Росстата.

Для поддержки россиян, потерявших работу из-за пандемического кризиса, правительство увеличило максимальный размер пособия по безработице до уровня МРОТ (12,13 тыс. руб.), а минимальный — до 4,5 тыс. руб. Это привело к резкому росту (+80%) в апреле числа официально зарегистрировавшихся безработных в центрах занятости, в мае их число возросло еще на 63% и достигло 2,143 млн чел., из них 1,9 млн получали пособие по безработице. Для сравнения: в марте 2020 г. в центрах занятости были зарегистрированы 727 тыс. безработных. Пандемия COVID-19, которая привела к временному закрытию предприятий и падению объемов производства, стала сильным потрясением для российского рынка труда. Половина трудящихся в России (49,7%) подвержены рискам увольнения, сокращения или задержки зарплаты, а также вынужденного отпуска, оценили специалисты Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. Если исходить из общего количества занятых в России (70 млн чел., по данным Росстата), в группе риска окажутся почти 35 млн работников. Российский рынок труда традиционно адаптируется к кризису за счет не только роста безработицы, но введения неполного рабочего дня, сокращения зарплат, отправки сотрудников в неоплачиваемый отпуск при сохранении занятости. Реальные зарплаты (с учетом инфляции) на крупных и средних предприятиях в апреле, который был объявлен президентом нерабочим в связи с борьбой с эпидемией COVID-19, сократились впервые с июля 2016 г.

При затяжной пандемии механизмы адаптации исчерпаются, и «наступающий кризис может быть первым, когда начнется по-настоящему масштабное высвобождение работников», предупреждают экономисты Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. По их расчетам, в базовом сценарии, который предполагает повторный карантин из-за коронавируса осенью-зимой, уровень безработицы в России может вырасти до 8–8,3% в 2021 г. и 7–7,3% в 2022–2023 гг. Реальные зарплаты при этом сократятся на 4,5–4,8% в 2020 г. и выйдут на темпы роста в 2,2–2,5% только в 2023 г. Минэкономразвития ожидает, что среднегодовой уровень безработицы в 2020 г. составит 5,7% экономически активного населения после 4,6% в 2019 г. В 2021 г. ведомство прогнозирует снижение уровня безработицы до 5,4%, в 2022 г. — до 4,9%, в 2023 г. — до 4,7%.

Источник: <https://www.rbc.ru/economics/19/06/2020/5eecd9db9a7947e77b3bc058>

09.07.2020

В ЕАЭС число официально безработных увеличилось в 2,2 раза

Численность безработных, зарегистрированных в службах занятости населения, в государствах — членах Евразийского экономического союза на конец апреля 2020 г. составила 2 млн 453,6 тыс. чел., или 2,6% численности рабочей силы.

По сравнению с маем 2019-го численность безработных, зарегистрированных в службах занятости населения, в целом по ЕАЭС увеличилась в 2,2 раза.

Отметим, что самый высокий уровень безработицы отмечен в Кыргызстане, он составляет 3,1% к численности рабочей силы.

В России на конец мая официально зарегистрировано 2 млн 143,5 тыс. чел., или 2,9% от численности рабочей силы.

Источник: <https://www.akchabar.kg/ru/news/v-eaes-chislo-oficialno-bezrabotnyh-uvelichilos-v-22-raza/>

04.08.2020

В ЕЭК прошло первое совещание по плану реализации Стратегических направлений развития до 2025 г.

В Евразийской экономической комиссии под председательством министра по интеграции и макроэкономике ЕЭК Сергея Глазьева стартовала серия экспертных совещаний по выработке комплексного плана реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., в целом одобренных на заседании Высшего Евразийского экономического совета в мае этого года. Темой первого обсуждения, состоявшегося 3 августа, стали вопросы стратегического планирования и долгосрочного прогнозирования в Евразийском экономическом союзе. В ходе дискуссии широкого круга экспертов и представителей научного сообщества рассмотрены подходы к реализации положений Стратегических направлений, связанные с формированием механизмов содействия экономическому развитию, совершенствованием методологии прогнозирования экономики, научно-техническим развитием ЕАЭС, а также разработкой Основных направлений экономического развития Союза до 2035 г.

«Сложность нынешней ситуации заключается в турбулентности, которая связана со структурной перестройкой мировой экономики, со сменой технологических и мирохозяйственных укладов, в которой не видно трендов, что затрудняет применение традиционных эконометрических моделей для прогнозирования. В этой ситуации нам надо искать принципиально новые подходы для стратегического прогнозирования», — заявил министр ЕЭК Сергей Глазьев.

В заседании принял участие министр по промышленности и агропромышленному комплексу ЕЭК Артак Камалян, отметивший, что будущее Союза заключается в работе на развитие, сотрудничество, кооперацию государств-членов. В качестве приглашенных экспертов выступили представители Российской академии наук и Всероссийской академии внешней торговли. Комиссия приступила к детальной проработке плана реализации Стратегических направлений в части полностью согласованных разделов. По итогам проведенных совещаний будет выработан план-график по реализации Стратегических направлений, содержащий меры и механизмы достижения задач, поставленных в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

Источник: <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/04-08-2020-02.aspx>

03.09.2020

Узбекистан вступит в ЕАЭС: альтернативы нет

Узбекистану нужны как воздух технологии, квалифицированные кадры, огромные инвестиции, миллионы рабочих мест и гарантированные рынки сбыта. В этих условиях, когда невозможно самостоятельно вытащить страну из состояния застоя, экономическая целесообразность является решающим фактором при выборе правильного курса страны. Поэтому очевидно, что Узбекистан в конце концов вступит в ЕАЭС. Альтернативы нет.

ЕАЭС поможет спасти экономику

Если бы не пандемия, возможно, вопрос о присоединении Узбекистана к Евразийскому экономическому союзу уже был бы решен. Июньская встреча в Москве президентов России и Узбекистана Владимира Путина и Шавката Мирзиёева могла стать сенсационной. Однако коронавирус и мировой экономический кризис спутали карты. В связи с негативными процессами в экономике и нежелательностью вступления в союз перед президентскими выборами в Узбекистане (они намечены на декабрь 2021 г.) решено отложить начало процесса. В любом случае вопрос вступления Узбекистана в ЕАЭС является решенным. Так или иначе, Узбекистан войдет в состав союза в 2022-м или в 2023 г. Естественно, после вступления Узбекистану потребуется адаптационный период. Узбекская сторона рассчитывает на льготы в течение 5–10 лет. Но растягивать и содержать монополии за счет заградительных пошлин не имеет смысла, и у союза нет столько времени. По всей видимости, адаптационный период продлится от двух до пяти лет.

Как говорил известный киноперсонаж, нужно «резать, не дожидаясь перитонита». Экономика Узбекистана нуждается в реанимационных мерах и огромных вложениях, и чем раньше, тем лучше. Многие СМИ пишут восторженно о росте внешнеторгового оборота Узбекистана. Но все они умалчивают об опережающем росте импорта по сравнению с экспортом. Быстрый рост импорта связан с ростом населения, монополиями и со строительным бумом в стране. Внешнеторговый дефицит страны за последние три года вырос более чем в 4,2 раза с \$1,5 млрд в 2017 г. до \$6,4 млрд в 2019-м. Быстрорастущий внешнеторговый дефицит, который оказывает давление на национальную валюту и увеличивает дефицит государственного бюджета, является серьезным вызовом для узбекской экономики. Можно сказать, что Узбекистан живет не по средствам и остро нуждается в валютных поступлениях.

Узбекистан не имеет выбора альтернативных союзов

Москва предлагает Ташкенту в рамках ЕАЭС инвестиции, рабочие места и рынок сбыта. При этом любой союз или объединение нуждается в «стране-локомотиве», которому делегируются некоторые полномочия участников и наднациональных органов. Кого-то это, быть может, смущает. Но судьба региона предопределена его географией, и Узбекистан не имеет выбора альтернативных союзов. Все важные дороги из Узбекистана пролегают через Казахстан и Россию, которые состоят в союзе в рамках ЕАЭС и ОДКБ. Естественно, членство в ЕАЭС не дает автоматическую гарантию экономического роста, но предлагает возможность реализации имеющихся потенциалов у участников.

ЕАЭС поможет увеличить ВВП Узбекистана на 4%

Руководитель мюнхенского аналитического центра «Евразийские исследования» Юрий Кофнер проводит комплексное исследование вызовов и возможностей потенциального участия Узбекистана в ЕАЭС. Согласно предварительным результатам его исследований, вступление Узбекистана в ЕАЭС увеличит товарооборот со странами союза на \$2 млрд. При этом импорт Узбекистана увеличится на \$1,28 млрд, а рост экспорта в страны ЕАЭС составит \$775 млн. Образованный торговый дефицит в размере \$506 млн покроется с выгодой за счет увеличения денежных переводов из стран ЕАЭС в Узбекистан на \$1,2 млрд. В результате отмены взаимных ограничительных мер со стороны ЕАЭС и патентных пошлин РФ Узбекистан может получить дополнительные доходы, по разным оценкам, от \$1 млрд до \$2 млрд в год. В итоге,

по расчетам специалистов аналитического центра, общий эффект от вступления Узбекистана в ЕАЭС может увеличить ВВП страны как минимум на 4%.

Народ за ЕАЭС

В начале текущего года Центр экономических исследований и реформ (ЦЭИР) при администрации президента Республики Узбекистан провел анонимный опрос среди граждан. По результатам данного опроса, 74% всех опрошенных поддерживают вступление Узбекистана в ЕАЭС. Показательно, что уровень поддержки ЕАЭС населением Узбекистана выше, чем среди участников союза, за исключением Киргизии. Несведущему человеку кажется, что узбекское сообщество раскололась на два лагеря — «за» и «против» вступления в ЕАЭС. Однако на самом деле народ Узбекистана в большинстве един во взглядах и поддерживает союз. Так что для принятия решения геополитического характера достаточно политической воли главы государства.

Источник: https://eadaaily.com/ru/news/2020/09/03/uzbekistan-vstupit-v-eaes-alternativy-net?utm_campaign=main&utm_referrer=https%3A%2F%2Fpulse.mail.ru&utm_source=pulse_mail_ru

24.09.2020

«Окно в Новый Свет»: Куба готова стать наблюдателем при ЕАЭС

Рустем Фаляхов

Куба получит статус страны-наблюдателя при Евразийском союзе

Куба уже до конца этого года может получить статус страны-наблюдателя при Евразийском союзе. Детали заявки Гаваны обсудили министр по интеграции ЕАЭС Сергей Глазьев и зампред правительства Кубы Рикардо Кабрисас. Присоединение Кубы к ЕАЭС выгодно России с геополитической точки зрения, заинтересованность в росте товарооборота вторична, отмечают эксперты. Республика Куба и Евразийский экономический союз готовы к углублению сотрудничества во всех форматах. Об этом в четверг, 24 сентября, на встрече в Москве заявил заместитель председателя правительства Кубы Рикардо Кабрисас.

«Мы задумываемся не только об обмене товарами, но и об обмене услугами, о сотрудничестве в сфере здравоохранения», — сказал кубинский вице-премьер на встрече с руководством Евразийской экономической комиссии. Он также отметил, что раньше у республики были хорошие отношения с каждой из стран ЕАЭС, поэтому и сейчас «есть все условия», чтобы двигаться в этом направлении. «Говорилось о трудностях с языком. Но я уверен, что ни язык, ни расстояние не могут сегодня являться препятствием для процессов интеграции наших стран, потому что у нас один общий язык — это язык сотрудничества, взаимодополняемости, но, прежде всего, язык солидарности между нашими странами», — заявил Кабрисас. Как выяснила «Газета.Ru», на встрече обсуждалось получение Кубой статуса наблюдателя при ЕАЭС. Представители стран-членов (Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения, Киргизия) положительно отнеслись к заявке Кубы.

Статус государства-наблюдателя при ЕАЭС, как следует из устава организации, дает стране возможность присутствовать на заседаниях руководящих органов, но без права принятия решений. Таким статусом обладает Молдавия. У Кубы есть все шансы получить, как минимум, такой же статус. Это подтвердил «Газете.Ru» министр по интеграции и макроэкономике ЕАЭС Сергей Глазьев. «У нас есть меморандумы о сотрудничестве с разными организациями и странами, но у нас еще не было наблюдателя из Нового Света. Теперь, можно сказать, мы получили признание Евразийского экономического союза в качестве партнерской организации. Для нас это окно в Новый Свет», — сказал Глазьев.

Он отметил, что Россия рассматривает Кубу как государство, которое представляет обширный латиноамериканский мир.

«Куба, как вы знаете, является идейным лидером для многих государств Латинской Америки. И те особые отношения, которые Куба имеет там со многими государствами, — это тоже наш фактически общий актив», — пояснил Глазьев.

При этом он признал, что объемы экономического сотрудничества пока не очень велики, «несравнимо меньше тех, что были при Советском Союзе». Но предоставление Кубе статуса наблюдателя дает возможность интенсифицировать товарооборот.

По словам Глазьева, сегодня на уровне заместителей министров иностранных дел пятерки евразийских государств было решено вынести вопрос о статусе Кубы в качестве наблюдателя на уровень глав государств. «Надеюсь, до конца года Куба станет наблюдателем в ЕАЭС», — заключил Глазьев.

Основу экспорта стран ЕАЭС на Кубу составляют машины и оборудование, преимущественно грузовые автомобили и железнодорожные локомотивы, минеральные продукты, продовольственные товары, масло соевое, уточнили «Газете.Ру» в пресс-службе ЕЭК.

Из Кубы импортируются главным образом продовольственные товары — сахар, ракообразные, крепкие спиртные напитки, кофе, табачные изделия.

Товарооборот стран ЕАЭС с Кубой достиг максимального за последние 10 лет значения в 2018 г. — \$417,5 млн. Более 92,9% торговли ЕАЭС с Кубой приходится на Россию.

С 2018 г. кубинское правительство работает с Евразийским союзом на основе меморандума о взаимопонимании и проявляет большой интерес к углублению сотрудничества, пояснял ранее председатель коллегии Евразийской экономической комиссии Михаил Мясникович. Руководство Кубы уже дважды ставило вопрос о статусе наблюдателя. Но Евразийский союз не торопился с принятием решения, не все страны согласны зачислить республику в наблюдатели и давать разрешение на будущие преференции в торговле.

Мясникович раскрыл и расклад сил по поводу возможного членства Кубы. «Беларусь, Кыргызстан и Армения согласны на предоставление Кубе статуса наблюдателя. Казахстан высказался за проведение дополнительных консультаций с кубинской стороной», — говорил Мясникович 19 мая по итогам заседания высшего совета Евразийского экономического союза.

То есть Казахстан против расширения ЕАЭС. Астана предлагала доработать ст. 109 договора о ЕАЭС о статусе наблюдателей во всех деталях, чтобы ни у какой страны не возникало иллюзий, что с получением такого статуса можно претендовать на все привилегии и льготы в ЕАЭС.

«Надо четко расчертить права и обязанности, как во всех международных организациях», — подчеркивал ранее президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев.

Молдавия между тем вполне успешно пользуется статусом наблюдателя. Президент страны Игорь Додон смог, например, реабилитировать молдавских гастарбайтеров, нарушивших российское миграционное законодательство, а также вернуть на прилавки РФ вина и бренди, овощные консервы.

Когда Додону необходимо решить очередную проблему в России, он везет в Москву реабилитированную винодельческую продукцию. Еще в 2017-м на встрече в Кремле Додон сообщил Владимиру Путину, что приехал в Москву не с пустыми руками. «У Вас есть своя коллекция в „Крикова“ еще с 2002/03 г., и я несколько десятков бутылок из Вашей личной коллекции Вам привез», — сказал глава Молдавии.

С тех пор российские инвестиции в экономику республики составляют как минимум \$200 млн. Это большие деньги для Молдавии. Сейчас, спустя два года после подписания меморандума о сотрудничестве с Кубой, проблемные точки в экономическом сотрудничестве, скорее всего, будут сняты. По крайней мере на уровне правительственных чиновников.

Эксперты считают, что страны-члены ЕАЭС, кроме России, не хотят лишней конкуренции с Кубой. А Москва действительно заинтересована в такой интеграции. Еще в 2014-м накануне визита президента Путина на Кубу было принято решение о списании этой латиноамериканской стране \$31,7 млрд из \$35,2 млрд долговых обязательств. Остальную часть долга, накопленного еще с советских времен, реструктурировали. Проблему не могли решить 20 лет. Но на фоне попыток США восстановить отношения с Кубой процесс пошел и с российской стороны.

В 2009 г. Россия предоставила Кубе новый госкредит в размере \$150 млн для финансирования поставок российской строительной и сельскохозяйственной техники. Было реализовано 25 экспортных контрактов на общую сумму \$166,7 млн с участием 16 российских экспортеров и пяти кубинских импортеров продукции. Кроме того, «Роснефть» и «Зарубежнефть» подписали с Кубой соглашение о разведке морских залежей нефти у берегов Кубы, неподалеку от американской Флориды. В российском МИД ранее поясняли, что часть списанного долга будет реинвестирована в кубинскую экономику. Куба исправно выплачивает проценты по этому кредиту, отмечала Счетная палата РФ.

Сейчас новый виток обострения отношений между Вашингтоном и Гаваной. Президент США Дональд Трамп 23 сентября заявил о новом ужесточении санкций в отношении Кубы. Ограничительные меры будут установлены на импорт алкогольной и табачной продукции с территории Кубы. И вводится запрет для американских туристов на проживание в отелях, которые принадлежат кубинскому правительству.

В Гаване в ответ заявили, что ограничения затронут в большей степени права американцев, чем кубинцев.

«Враги Кубы ошибаются, когда делают ставку на то, что эти оппортунистические действия, продиктованные электоральными интересами президента [США Дональда] Трампа, сломят волю кубинцев», — написал в Twitter министр иностранных дел карибской республики Бруно Родригес Паррилья.

«Торговля с Кубой, продажа туда, например, продукции ВАЗа или КамАЗа точно интересна России, но у Казахстана или других наших партнеров по ЕАЭС есть опасения по росту конкуренции за счет Кубы. Отсюда логичное желание уточнить заранее, что именно может дать статус наблюдателя для новых стран, какие преференции они получают в этом качестве», — считает шеф-аналитик инвестиционной компании TeleTrade Петр Пушкарев.

Источник: <https://www.gazeta.ru/business/2020/09/24/13265425.shtml>

ЕВРАЗИЙСКИЙ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ СОВЕТ

РЕШЕНИЕ¹

«17» июля 2020 г.

№ 4

г. Минск

О межгосударственной программе «Интегрированная система государств – членов Евразийского экономического союза по производству и предоставлению космических и геоинформационных продуктов и услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли»

Во исполнение распоряжения Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г. № 6 «О развитии сотрудничества государств – членов Евразийского экономического союза в сфере предоставления космических и геоинформационных услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли» Евразийский межправительственный совет **решил:**

1. Одобрить прилагаемую межгосударственную программу «Интегрированная система государств – членов Евразийского экономического союза по производству и предоставлению космических и геоинформационных продуктов и услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли».

2. Настоящее Решение вступает в силу с даты его официального опубликования.

Члены Евразийского межправительственного совета:

¹ Полная версия [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F92000224> (дата обращения: 01.09.2020).

ЕВРАЗИЙСКИЙ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ СОВЕТ

РАСПОРЯЖЕНИЕ

«17» июля 2020 г.

№ 14

г. Минск

О карте развития агроиндустрии Евразийского экономического союза

1. Евразийской экономической комиссии совместно с государствами – членами Евразийского экономического союза (далее – Союз) обеспечить разработку карты развития агроиндустрии Союза, включающей в себя информацию о крупных инвестиционных и инновационных проектах в сфере агропромышленного комплекса, реализуемых и планируемых к реализации в государствах – членах Союза, о направлениях, по которым целесообразно реализовывать проекты в целях ресурсного обеспечения агропромышленного комплекса и импортозамещения, о сельскохозяйственных товарах и ресурсах, по которым наблюдается большая доля импорта на рынке Союза, а также размещение указанной карты на официальном сайте Союза.

2. Правительствам государств – членов Союза обеспечить представление при необходимости уполномоченными органами в Евразийскую экономическую комиссию предложений по актуализации карты развития агроиндустрии Союза.

3. Настоящее распоряжение вступает в силу с даты его опубликования на официальном сайте Союза.

Члены Евразийского межправительственного совета:

ЕВРАЗИЙСКИЙ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ СОВЕТ

РАСПОРЯЖЕНИЕ

«17» июля 2020 г.

№ 15

г. Минск

О карте индустриализации Евразийского экономического союза

1. Евразийской экономической комиссии совместно с государствами – членами Евразийского экономического союза (далее – Союз) обеспечить в рамках деятельности рабочей группы высокого уровня по вопросам интеграционного взаимодействия в кооперации и импортозамещении в приоритетных отраслях промышленности, созданной распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 декабря 2018 г. № 191, разработку карты индустриализации Союза, включающей в себя информацию о крупных реализуемых и планируемых к реализации инвестиционных проектах и проектах, значимых для соответствующих отраслей промышленности, о кооперационных связях, технологических направлениях, по которым целесообразно осуществление импортозамещения и имеются предприятия, готовые участвовать в реализации соответствующих проектов, данные о промышленной продукции, импорт которой из третьих стран на таможенную территорию Союза составляет наиболее высокие объемы, и на основе этих данных формирование предложений по развитию производственных мощностей на территориях

государств – членов Союза, а также размещение карты индустриализации Союза на официальном сайте Союза и ее актуализацию.

2. Правительствам государств – членов Союза обеспечить представление при необходимости уполномоченными органами в Евразийскую экономическую комиссию предложений с целью актуализации карты индустриализации Союза.

3. Настоящее распоряжение вступает в силу с даты его опубликования на официальном сайте Евразийского экономического союза.

Члены Евразийского межправительственного совета:

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ КОЛЛЕГИЯ

РАСПОРЯЖЕНИЕ¹

«15» сентября 2020 г.

№ 117

г. Москва

**О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии
«О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета
«Об Основных направлениях международной деятельности
Евразийского экономического союза на 2021 год»**

1. Одобрить проект решения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2021 год» (прилагается) и представить его для рассмотрения Советом Евразийской экономической комиссии.

2. Настоящее распоряжение вступает в силу с даты его опубликования на официальном сайте Евразийского экономического союза.

Председатель Коллегии
Евразийской экономической комиссии

¹ Полная версия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20r00117/> (дата обращения: 01.09.2020).

Неопределенность современного финансового рынка — возможно ли ее преодоление в условиях интернационализации?

Бусыгин А. Е.

Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Российская Федерация;
busygin.andrei@gmail.com

Uncertainty of the Modern Financial Market — Is It Possible Overcoming it in the Context of Internationalization?

Andrey E. Busygin

Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
busygin.andrei@gmail.com

Рецензия на монографию: *Миловидов В. Д.* Симметрия заблуждений: факторы неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции : монография / предисл. М. Е. Фрадкина. М. : Магистр, 2019. 336 с.

В издательстве «Магистр» вышла в свет книга «Симметрия заблуждений: факторы неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции», написанная не кабинетным ученым, а практиком, хорошо разбирающимся в проблемах международных финансов. Профессиональный опыт дал возможность автору рецензируемого издания изучить современные финансовые отношения не по научным публикациям, а самому формировать тенденции этого мира, без которого уже невозможно рассуждать о проблемах современной глобальной экономики.

В каждой главе монографии ученый предлагает новые подходы, концепции, понятия, категории. И авторскую позицию отличает свежий и острый взгляд на современные явления и процессы, причем уже проанализированные в научной литературе. Хотя, как считается, если что-либо вошло в учебник / учебное пособие, то это уже не предмет дискуссий, а нечто устоявшееся и общепризнанное. Однако В. Миловидов опровергает это устоявшееся мнение. Казалось бы, что нового можно сказать о таких базовых экономических категориях, как «потребление», «накопление», «распределение» и «обмен»? Оказывается, можно и нужно! И ученый рассматривает соотношение этих понятий сквозь призму предлагаемого им взгляда на международные финансы. Он выстраивает петлю обратной связи финансовых отношений, которая соединяет такие понятия, как «долг», «возврат», «безопасность» и «доверие» (с. 56).

Следует признать, что в рамках «экономизма» анализ базовых понятий экономической науки выглядел бы странно. Но все дело в том, что В. Миловидов является приверженцем не «экономизма», а научной доктрины гуманитарной экономики, корни которой обнаруживаются в трудах немецких историков, экономистов, публицистов еще в начале XIX в. Такая научная опора дает возможность автору монографии сделать акцент на многомерности современных финансовых отношений, которые полны неопределенности, кажущейся случайности, на самом деле являющейся замаскированной детерминированностью (с. 54–74). Но не только! Есть и просто случайность, от которой никто не застрахован. Так, вступающие в экономические и финансовые отношения люди не лишены страстей и эмоций; участники финансовых отношений так же, как и все, совершают ошибки, причем они действуют не только рационально, но и в состоянии стресса; посредники могут иметь различный уровень квалификации, быть дилетантами и профессионалами. Задача автора — проанализировать состояние всей этой сложнейшей многомерной финансовой системы, где рациональное и нерациональное перемешано как в кипящем котле. И только на основе тщательного анализа можно выяснить, как уменьшить фактор неопределенности, который в последние годы все более усиливается.

Собственно, сама идея книги, как пишет В. Миловидов, возникла у него в период кризиса 2007–2008 гг., который породил недоверие участников финансовых отношений ко всей современной финансовой системе. Автор говорит не только о диспропорциях, неравновесности финансовой системы, он также упоминает о формировании между людьми гуманитарных конфликтов (это одно из понятий, вводимых ученым), которые, настраивая всех против всех, постепенно все же сглаживаются.

Своей работой В. Миловидов доказывает, что современное добротное исследование в сфере наук об обществе может быть только междисциплинарным. Иначе невозможно анализировать такую тонкую материю, как современные финансовые отношения. В фокусе внимания ученого процессы и явления, имеющие самую разную природу, — социальное поведение людей, их психология и мышление, физиология и биологические особенности развития человека... И хотя В. Миловидов — экономист и финансист, здесь он выступает и как историк, социолог, социальный психолог.

В. Миловидов предпринимает подробный экскурс в историю доктрины гуманитарной экономики, который необходим, так как в российской экономической науке обращения к теме гуманитарной экономики являются эпизодическими и более публицистическими, чем научными (с. 52). В нашем отечестве, как подчеркивает автор, гуманизм экономики стал центром «Философии хозяйства» религиозного философа Сергея Булгакова. Не исключено, что отечественная экономическая наука постепенно «повернулась бы лицом» к доктрине гуманитарной экономики, которую уже начали разрабатывать и в России, если бы не марксизм, который на долгие годы подавил все другие политико-экономические учения в нашей стране. Причем подавил не столько догматичным утверждением, что «марксово учение всесильно, потому что оно верно», а тем, что за отступления от марксизма в СССР можно было получить реальный лагерный срок. Марксизм, который совсем еще недавно (в исторических масштабах) был объявлен бессмертным учением, возник в эпоху господства экономического детерминизма. Между тем естественные и гуманитарные знания развивались и усложнялись. Постепенно становилось понятно, что марксизм, несмотря на ряд гениальных открытий, сделанных в рамках этого учения, все же ограничен и несет на себе «печать исторического времени», которому он принадлежит. Но советские историки, философы и экономисты вынуждены были, говоря о новых явлениях в жизни общества, выискивать цитаты из трудов основоположников в подтверждение своих идей. Иначе было невозможно!

Позволю себе еще одно замечание, касающееся марксизма, который невольно, по политическим причинам, привел к отставанию отечественной гуманитарной науки. Учение это, несмотря на блестяще примененный Карлом Марксом в его «Капитале» диалектический метод научного анализа, оказалось учением, непозволительно упрощающим взгляд на общество, его настоящее и будущее... Поэтому, знакомясь с рецензируемой книгой, вспомнил прочитанные еще в студенческие годы «Эльберфельдские речи» Фридриха Энгельса, которые он произнес на коммунистических собраниях в феврале 1845 г.: «С такой же легкостью, с какой можно узнать, сколько отдельная колония потребляет хлопка или хлопчатобумажных изделий... — с такой же легкостью центральное управление сможет узнать, сколько потребляют все местности и общины страны... Средняя величина ежегодного потребления будет изменяться только пропорционально росту населения; поэтому легко в надлежащее время заранее определить, какое количество каждого отдельного товара понадобится для удовлетворения народных потребностей; все это количество оптом будет заказываться прямо на месте, и его можно будет получить прямо, без посредников, без каких-либо остановок, погрузок и разгрузок, кроме тех, которые действительно диктуются природой путей сообщения, следовательно, с большим сбережением рабочей силы; не надо будет выплачивать прибыли спекулянтам, крупным и мелким торговцам. Более того, все эти посредники... не только не будут наносить вреда обществу, но даже станут ему полезны» [1]. Казалось бы, зачем упоминать о наивных взглядах совсем еще юного Энгельса? Но, по нашему мнению, упрощенный взгляд на общество и закономерности его развития стал причиной многих и многих бед для нашей страны. В. Миловидов в своей работе рассматривает глобальные финансы как чрезвычайно сложный организм, который складывался и рос постепенно. И не мог при этом не обратить внимания на экономическую роль финансовых посредников, которые связывают участников социальных отношений, предлагая им дополнительную информацию и знания (с. 90). Причем анализ посредничества автор работы начинает с его первых, еще примитивных форм, в которых этот институт возник. Налицо два

противоположных подхода: согласно первому — посредники наносят вред обществу. Согласно второму — они являются носителями важной общественно-экономической функции. В данной связи в книге говорится о гуманитарной функции посредника и его ответственности. Безответственный посредник способен нанести вред обществу, но ученый подчеркивает, что без развитого финансового посредничества мы вряд ли наблюдали бы развитие экономики и рост благосостояния человечества (с. 92). Все не так просто, к тому же весьма противоречиво! Именно поэтому В. Миловидов отдельно останавливается на проблеме искажения роли финансовых посредников, которое все более дает о себе знать в эпоху глобализации.

Следует подчеркнуть важность подхода автора к роли государственного регулирования финансовых рынков в современных условиях. Именно это регулирование сдерживает рост диспропорций в деятельности финансовых посредников. И опять же, по мнению В. Миловидова, все очень противоречиво: государственное регулирование призвано уменьшить факторы неопределенности на рынках, которые порождают недобросовестные посредники, но, с другой стороны, порождает другие скрытые противоречия, так как государственное регулирование финансовых рынков сегодня несовершенно, а путь к его совершенству тернист и сложен! В данной связи уместно отметить последние наработки ученого к практике регулирования финансовых рынков в США и в других странах в последние годы [2].

Одной из центральных концепций работы В. Миловидова является концепция экспоненциально масштабируемых событий (ЭМС), которые целесообразно расценивать в качестве «сигналов-причин», которые, по меньшей мере, должны обладать тремя свойствами: 1) оказывать влияние на состояние той среды, в которой они возникают, например, воздействовать на поведение людей; 2) нести в себе зародыши будущих событий, то есть предполагать последствия; 3) быть масштабируемыми — порождать такую цепочку изменений, когда каждое последующее событие усиливает действие предыдущего (с. 167).

Выявление и диагностирование ЭМС, отмечает В. Миловидов, относятся к новым способам минимизации неопределенности. Одновременно он характеризует и другие способы, которые стали возможными в связи с развитием технологии обработки больших масштабов информации, а также «интеллектуализации» финансовых операций. Вряд ли можно сказать, что открытие значения такого рода событий — это заслуга автора работы. О таких явлениях, которые неожиданно приводят к катастрофическим последствиям для системы, в которой они рождены, известно давно. Это справедливо признает и сам В. Миловидов в своих более ранних трудах, сравнивая предложенные в данной связи концепции отечественных и зарубежных ученых [3].

С нашей точки зрения, важно то обстоятельство, что ЭМС выявляется «постфактум». Заранее просчитать долгосрочный результат всей цепочки событий от первоначального импульса до конечного результата практически невозможно. Но В. Миловидова эти трудности не останавливают: он анализирует условия выявления ЭМС и разрабатывает методологию их выявления на мировом финансовом рынке. Страницы, на которых автор излагает свою концепцию, читать не просто интересно, но весьма увлекательно: здесь он говорит о том, чем тайна отличается от загадки и почему человек начинает верить в то, что верные, тщательно просчитанные решения кажутся банальным везением, а детерминированные события — случайностями. Причем исследователь не уповает на искусственный интеллект, который вдруг возьмет и сразу будет все наперед просчитывать за человека. Напротив, он пишет о том, что наряду с выработкой методики в вычленения ЭМС необходимо развивать интуицию, эмоциональный интеллект и именно это поспособствует минимизации заблуждений и ошибок, приводящих к финансовым потерям (с. 176).

Автор представляет подробную картину мирового финансового рынка после кризиса 2007–2008 гг. и тенденции его современного развития, акцентируя внимание на эволюции корпоративного управления и конкретизируя характеристику российского фондового рынка в свете развития глобальных тенденций. Вывод ученого таков, что сегодня уровень развития российского финансового рынка не соответствует долгосрочным потребностям экономики (с. 241–257). Так что, если поставлена задача роста инвестиций в стране и ускорения экономического роста (а она поставлена!), многое и многое предстоит еще сделать на пути вхождения России в мировую финансовую систему. При этом можно ожидать, что в среднесрочной перспективе отечественный финансовый рынок будет, видимо, существенно отличаться от финансовых рынков других (прежде всего, развитых) стран. Важно, чтобы выявляемые в ходе трансформационных процес-

сов диспропорции помогали снижать степень его неопределенности, а не ставили российский финансовый рынок в опасную зависимость от мирового.

Нельзя не согласиться с автором монографии в том, что для многих субъектов экономической деятельности в России финансовый рынок «остается маргинальным, случайным, лишним и спекулятивным элементом экономики» (с. 321). Отметим, что в основе утверждения коренится многолетнее господство упрощенческого взгляда на общественные и экономические процессы, не изжитого до настоящего времени. В. Миловидов справедливо указывает, что экономика и финансы — суть две стороны единой системы отношений людей в процессе преобразования окружающего их мира, повышения уровня жизни, эволюции и прогресса. «Если один элемент этой системы, как финансы, отстает в своем развитии... это означает, что общее стратегическое видение долгосрочных приоритетов развития национальной экономики имеет структурные недостатки и ограничения» (с. 321). Очень важное предостережение!

Вернемся к вопросу, сформулированному в заголовке данной рецензии: возможно ли преодоление неопределенности финансового рынка в условиях его растущей интернационализации? В. Миловидов дает ответ на этот вопрос опубликованной книгой. Следует согласиться с ним в том, что сама по себе неопределенность и состояние информационной асимметрии не могут быть устранены, так как они являются вечными спутниками финансового рынка (с. 322). Но люди, знающие это и готовые к этому, могут искать и находить решения, позволяющие совершенствовать систему управления экономикой и финансами, не повторять уже однажды сделанных ошибок и минимизировать собственные.

Представляется, что рецензируемая монография «Симметрия заблуждений: факторы неопределенности финансового рынка в условиях технологической революции» является примером того, как нужно писать «просто о сложном». Так и должен писать каждый настоящий ученый.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е Т. 2. С. 537.
2. Миловидов В. Д. Перформативная трампономика и финансовый рынок // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 24–33.
3. См. напр.: Миловидов В. Д. Управление инновационным процессом: как эффективно использовать информацию // Нефтяное хозяйство, 2015. № 6. С. 10–16; Миловидов В. Д. Услышать шум волны: что мешает предвидеть инновации? // Форсайт, 2018. Т. 12. № 1. С. 88–97.

Об авторе:

Бусыгин Андрей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (Москва, Российская Федерация), действительный государственный советник Российской Федерации I класса; busygin.andrei@gmail.com

References

1. Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2-e T. 2. S. 537.
2. Milovidov V. D. Performativnaya tramponomika i finansovyi rynek // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 64. № 2. S. 24–33.
3. Sm. napr.: Milovidov V. D. Upravlenie innovatsionnym protsessom: kak effektivno ispol'zovat' informatsiyu // Neftyanoe khozyaistvo, 2015. № 6. S. 10–16; Milovidov V. D. Uslyshat' shum volny: chto meshaet predvidet' innovatsii? // Forsait, 2018. T. 12. № 1. S. 88–97.

About the author:

Andrey E. Busygin, DSc (Economics), Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Full State Councilor of the Russian Federation, class I; busygin.andrei@gmail.com

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами. Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта).

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова. Обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– **монографии:**

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– **статьи в научных сборниках:**

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– **публикации в многотомных изданиях:**

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– **статьи в научных журналах:**

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– **статьи в газетах:**

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– **правовые акты:**

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2020. Том 14, № 3

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
О. Д. ПОЛЕЖАЕВА
E-mail: polezhaeva-od@ranepa.ru

Корректор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.09.2020.

Подписано к печати 30.09.2020.

Формат 84×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,5. Тираж 100 экз.

Заказ № 3/2020.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления — Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72